

Войны
Тяжести

Руссет
Анастасия

Он смотрит на мир её глазами, потому что сам утратил зрение очень давно. Она привыкла заботиться о нем, получая такую же любовь и заботу в ответ. Но что будет, если давно уснувшее божество решит проснуться и вернуть ему способность видеть? А вокруг интриги и битвы, друзья и враги, правда и ложь...

Анастасия Руссет.

Фейрийские сказки. Часть первая.

Твоими Глазами.

Он смотрит на мир ее глазами, потому что сам утратил зрение очень давно.

Она привыкла заботиться о нем, получая такую же любовь и заботу в ответ.

Но что будет, если давно уснувшее божество решит проснуться и вернуть ему способность видеть?

А вокруг — интриги и битвы, друзья и враги, правда и ложь...

Пролог

Древняя Нормандия 5 в. н. э.

Зеленая листва пьянила ароматом, а земля, щедро усыпанная золотыми каплями солнца, мелькала под его ногами как одно сплошное яркое пятно. Бег принес с собой упоение свободой, и только след от былых мыслей напоминал — когда-то он был человеком.

Эккарт ехал с племенем вперед весь день и теперь, на рассвете следующего дня, просто обязан пробежаться, чтобы снять напряжение. Нет, он совершенно не устал от долгих переходов этим холодным летом, но необходимость держать в узде свое второе, животное Я весьма раздражала. И вот теперь он мчался вперед, старательно вслушиваясь в окружающие звуки.

Резкая остановка звенящих напряжением лап распахала землю, а темный нос затрепетал на ветру, пытаясь угадать: откуда доносится этот запах, в котором так причудливо переплелись женщина, кровь и секс?

Эккарт поднял глаза, и человеческая часть его мозга, обогащенная сейчас волчьими инстинктами и желаниями, завопила от восторга. На ветке, прислонясь к мощному стволу старого дерева, сидела девушка. Ее коготки вцепились в кору, с рыжими волосами играл ветер, а большие красные глаза с каре-зеленой радужкой и темными крапинками зрачков смотрели прямо на него. Язык пробежал по полной нижней губе, потянув за собой улыбку, открывшую длинные белые зубы.

Оборотень смутился. Неужели он вторгся на чужую территорию? Но от девушки не пахло волком, только новые оттенки густых пряных ароматов захватывали все его существо, когда Эккарт подошел ближе.

— Иди, иди, — прошептала она, — Голос Богини сказал мне, что ты будешь тут.

Речь незнакомки была сладка и приятна. И волк пошел, совсем потеряв голову, полностью отбросив инстинкт самосохранения, абсолютно замороженный ею.

Девушка спрыгнула с дерева. Длинное тело по-кошачьи ступало в тени, хотя взгляд все еще был прикован к Эккарту. Оборотень усилием воли изменил положение голосовых связок и гнусаво — хотя язык чуть укоротился, у зверя нет губ — произнес: Ты ведьма? Или нойнтотер?

— Нет, я не ведьма, — засмеялась она, — и не вампир. Я Фир Ллариг из рода Красных Шапок. Правая рука Богини. Знаешь, зачем я здесь?

Эккарт ошеломленно покачал головой. Он совершенно четко видел, что девушка не разжимала губ. Она говорила у него в голове.

— Я пришла позвать тебя с собой. Просить тебя статьлевой рукой Богини. Следовать Еего голосу. Согласен ли ты?

Волк вдыхал ее аромат, и невыносимое желание согласиться растекалось по его венам вместе с кровью. Но Эккарт был воином. Он не мог бросить своих сородичей, ведь они простые слабые люди. Кто проведет их по опасным тропам? Кто защитит от лесных зверей и разбойников, которые так часто стали встречаться в этих местах? Вчера на них напали пятеро, и он убил их всех, защищая детей, лошадей и домашний скот. А что, если это повторится, а его не будет рядом? Но будут другие — услужливо подсказал внутренний голос — быть может, не такие сильные и быстрые, но будут. Ее голос. Он шептал. Завораживал. И манил за обладательницей.

Эккарт ошеломленно замотал лохматой лобастой головой и медленно попятился назад. Он понял, что девушка не причинит ему вреда, иначе они уже давно дрались бы прямо там, под этим деревом, но ее дивный аромат и дурманивший голос бились у него в голове, заставляя забыть себя, племя, детей и вообще все. И Эккарт побежал, сопровождаемый ее сладким смехом, подгоняемый им, таким сладким и тянущим назад...

Фир рассмеялась. Мужчина, предназначенный ей Богиней, определенно, был статен и красив. Великий воин, в чем она убедилась вчера, когда на его племя напали. И зверь из него получился знатный — огромный белоснежный, с острыми клыками. Девушка положила ладонь на отпечаток лапы и довольно улыбнулась — ее ладонь чуть меньше. Он придет, обязательно придет. Так сказала та, кто зовется Голосом Богини.

На берегу ручья, где Эккарт оставил одежду, было тихо. Сильно пахло его соплеменниками, немного кровью и потом, но ничего странного в этом не было — лагерь расположился совсем близко.

Зверь подошел к воде и начал меняться. Суставы выворачивались, с хлюпающими звуками вставая на место. Втягивались когти и зубы. Удлинялись укоротившиеся пальцы. Шерсть расползлась лимфой по загорелой коже. Это было уже не так больно, как раньше. Два года назад он подумал, что умирает. Благо, был один, далеко от племени, и никто из обычных людей не видел его превращения. Наверное, узнай они о его второй ипостаси, мужчина не дожил бы до следующего рассвета. Человек встал на трясущиеся от напряжения ноги и пошел к ручью — смыть с себя липкую слизь.

Прозрачные капли стекали, повторяя изгибы тела и ниточки шрамов. Мужчина в ручье

был похож на бога-охотника, во всем великолепии юности. Он не думал о смерти своей жены, или трехлетних близнецах, которые спят в его кибитке. В тот момент лишь воспоминания о девушке в лесу будоражили его, заставляя кровь в жилах кипеть. И он был благодарен богам, что вода холодная.

Шорох в кустах привлек его внимание. Ноздри раздулись, бесшумно захватывая воздух, но в окружении угрозы не было — только все тот же знакомый запах родного племени. Эккарт бесшумно подкрался к источнику звука, заглянул за крупный зеленый куст и упал, оглушенный ударом по голове...

Запах роз прокрался в чуткий сон, прерывая его на середине. Нежная рука утонула в волосах Фир, ласковыми движениями возвращая ее из царства грез, где обнаженный блондин моется в ручье, а воздух напоен ароматами свежего утра.

— Фир, девочка моя, — голос странно печален. Девушка открыла глаза и увидела Жрицу, окруженную стайкой золотистых существ, напоминавших бабочек. — Мы не успеем. Но спасем, что сможем.

Станный холод охватил тело Фир. Он забрал желание двигаться и сковал сердце. Потом вспомнилось — так выглядит страх, и стало чуть спокойнее — если знаешь — что это, можно бороться.

— Скажи мне волю Матери, Госпожа. — Попросила Фир шепотом. И начала согласно кивать в такт речи Жрицы. Плакать она будет позже. Потом. Если Красные Шапки умеют плакать...

Пекущее солнце заняло сознание Эккарта. Отчаянная жажда пожирала все остальное — после трансформации всегда так. Слишком много влаги теряется в процессе. В сознание пробрались запахи крови и сухого дерева. И запахи племени. Он попытался пошевелиться, но понял, что привязан к врытому в землю шесту. Усилием воли мужчина поднял веки, но левый глаз видел мутно, а правый не открывался вообще. Тогда пришел страх. Что случилось? Он ослеп?

Голос, который услышал оборотень, определенно был ему знаком: «Он спутался с демонами! Он сам — демон!» Икеттас, его рабыня. Та, которую вчера просил продать шаман. Эккарт прислушался внимательнее.

— Он уходит на рассвете, всегда на рассвете, пока солнце еще спит за горизонтом. — Молоденькая девушка с большими синими глазами, как бешеная, бегала по кругу, пытаясь убедить в чем-то толпу мужчин. Другие женщины племени спрятались в кибитках, забрав с собой детей, а теперь дрожат в страхе перед врагом, который так долго жил среди них. — А потом приходит довольный, весь в крови. Он никогда не спит со мной! Он не разрешил сделать своим детям знаки! И убил свою жену теми родами! Близнецы были дурным знаком!! А теперь есть доказательства, что он оборотень!

Зрение в левом глазу постепенно ухудшалось, и Эккарт уже не различал, что происходит вокруг. Икеттас, словно одержимая, металась по кругу, бросая свои обвинения. Вождь сидел на коне, внимательно слушая ее речь. Позади злобно ухмылялся шаман.

— Но он хороший воин. — Голос справа от вождя, мощный и громкий, принадлежал Онегесиусу, другу его отца. — Эккарт никогда не делал ничего против племени. Берихут была слишком молода, и впервые рожала. Не его вина, что так случилось, и боги ее забрали. А два воина, рожденные вместо одного, это просто показатель мужской силы.

— Уж не подвергаешь ли ты слова нашего вождя сомнению, а Онегесиус? — Голос шамана был подобен шипению змеи. — А может, ты сам решил стать вождем?

— Я всего лишь обратил внимание... — пожал тот плечами. Последние искры вспыхнувшей надежды угасли. Онегесиус не пойдет против вождя. Никто не пойдет.

Эккарт попытался что-то сказать, но удалось издать только несколько хрипов. На расчищенный пятачок земли, где был привязан мужчина, принесли близнецов. Они выглядели как сказочные существа — золотистые кудряшки, большие голубые глаза — и были очень похожи на отца. Две пары глаз внимательно осматривали собравшихся, которые, встречаясь взглядом с детьми, сразу опускали глаза.

— Привязать их рядом, — скомандовал шаман.

— Мы можем потерять хороших воинов, — снова попытался Онегесиус. — Дети же не виноваты.

Иккетас злобно зашипела: «Шаман сказал, что они такие же»! Обнявшихся близнецов потащили к шесту и привязали рядом с отцом. Скорбный вой Эккарта вознесся к яркому диску солнца...

Моя маленькая Фир. Вы так спешили!

Часовые вокруг лагеря с криками сбегались на место казни совершенно напрасно. Утренняя жара опаляла кожу, плавил людей в плотных кожаных доспехах, но пришедшие в помощи нелепых пластин не нуждались. Богиня защищает тех, кто идет по пути праведных. Да и не так легко ранить Красную Шапку, или тех, кого решает защитить представитель этого славного рода.

Волосы Фир горели кроваво-красной волной, ослепляя выступивших против нее мужчин и женщин, отважившихся выглянуть наружу. Красные Шапки страшны в гневе. Движения Ллариг — как танец. Богиня смерти — вот кто посетил лагерь сегодня. Светлые сполохи ее клинков сбивали стрелы на лету, а ужас, волнами идущий от гибкого тела девушки, заставлял бросить все и бежать без оглядки. Та, что шла рядом, была полной противоположностью.

Золотистые волосы Жрицы струились вниз в такт движениям, обвивая стройный стан в простом белом одеянии. Ее карие глаза, казалось, согревали не хуже полуденного солнца в жаркий летний день. Нежная улыбка завораживала, заставляя людей забыть обо всем. Мужчина, идущий позади, был высок и широкоплеч, с телом, бронзовым от загара. От него не ощущалось угрозы, как от красноволосой, но волна осязаемой чувственности, почти животного магнетизма звала, как песня сирены. И — о, боги — их всех окружала стайка духов, ослепляя окружающих сиянием маленьких ярких крыльев.

Странная процессия продвигалась по лагерю, собирая за собой все больше людей. Место казни приближалось, стал ощущаться запах крови. Но сила Богини была рядом, наполняя воздух ароматом роз. Толпа мужчин, окружающих столб, с трепетом расступилась.

— Едехон! — Громоподобный глас Богини лился из уст Жрицы. — Где воин мой, прозванный Эккартом?!

Вождь побледнел. Фир заняла место возле говорящей. Правая рука Богини. Еерука. Мужчина стал за спинами обеих женщин как прекрасная безмолвная статуя.

Человек рядом с вождем слез с лошади и преклонил колено.

— Прости нас, Великая Жрица! Мы не хотели сердить тебя!

Он молча протянул руку в сторону шеста, врытого в землю. Окровавленный оборотень висел на веревках, из последних сил закрывая двух золотовласых близнецов своим телом.

— Слушайте волю Богини! — Громко сказала говорящая с богами. — Я забираю их!

— Не слушайте ее! — Местный шаман пробрался к ним, расталкивая мужчин, пришедших на казнь. — Она не Великая Жрица! Она — демон!

Стайка духов встрепенулась, дружно пропищав что-то воинственное. Женщина в центре улыбнулась, протянула руку, и мужчина потерял голос. Фир, злобно улыбаясь, подошла к нему и двумя точными движениями перерезала сухожилия на ногах.

— Едехон, — обратилась Жрица к Вождю. — Почему этот глупец стал твоим шаманом? Он не может читать предсказаний, и боги не говорят с ним!

Вождь побледнел еще сильнее. Нет, у него не забирали голос, он просто испугался и не находил в себе сил, чтобы возразить.

— Но он будет отличным подарком Кромм Круаху[1], — улыбнулась Фир. И она, — Ллариг указала на единственную в кругу девушку, стоящую под ярким солнцем.

— Та, кто предала своего хозяина, — злобно добавила Ллариг, — не достойна жизни.

Вождь кивнул. Принятое решение придало ему сил, чтобы говорить, и возвратило обычный цвет лица.

— Да будет так! — Трижды произнес мужчина, и соплеменники безропотно подчинились.

Фир улыбалась. Немного кровожадно, но говорить ей об этом никто не хотел.

— Вот новый шаман тебе. Мудрый, с которым боги говорили и будут говорить. — На голове у человека, подошедшего к Жрице первым, у Онегесиуса, появился зеленый венок. Он изумленно дотронулся до него руками, не решаясь снять, чтобы рассмотреть поближе.

Фир, окруженная крылатыми духами, подошла к привязанному мужчине и перерезала веревки. Обессиленный оборотень сполз по шершавому стволу прямо в ее руки. Она с легкостью приподняла мужчину, явно весившего больше нее самой, одной рукой и положила к себе на плечо. Другой рукой Ллариг по очереди погладила близнецов по золотистым волосам. Дети с улыбками на хорошеньких лицах подбежали к Жрице, сразу взяв ее за руки. С ними проще, они всегда слышат Богиню.

Пришедший вместе с ними мужчина жестом подозвал нового шамана. Вытянув руку, он что-то вложил в ладонь Онегесиуса и добродушно улыбнулся.

— Всегда помни, — его голос был легким и мелодичным, — все, что мы делаем, возвратится нам сторицей... Соблюдай это правило. Клади его в воду каждый раз, когда вам понадобится дождь.

Игнорируя вопли бывшего шамана и глупой невольницы, Онегесиус с интересом посмотрел на дар незнакомца. На ладони лежал маленький камень темно-синего цвета с отверстием в середине. Мужчина, принесший племени бесценный дар, приложил ладонь к сердцу, еще раз улыбнулся и направился следом за удаляющейся группой.

Ранняя весна больше походила на затянувшуюся зиму. Редкие прохожие зябко кутались в верхнюю одежду, предпринимая жалкие попытки хоть чуть-чуть согреться. Несмотря на уже растаявший снег, было очень холодно. А мороз, навещавший город по утрам, прочно сковывал многочисленные лужи ломким кружевном льда.

Девушка зябко поежилась и прижалась к мужчине, запустив ладонь под расстегнутое пальто. Нет, холод не мог причинить Фир вреда, но за последние несколько столетий она научилась ценить комфорт, которого была лишена большую часть своей долгой жизни.

Сердце Экарта билось как всегда чуть быстрее, чем у обычного человека, а температура тела была ощутимо выше. В такую погоду Ллариг хотелось обвиться вокруг него, лаская пальцами мягкие прядки волос на мужском затылке. Вдыхать запах кожи, пробовать на вкус... Стоп. Фир потрясла головой. Место и время были неподходящими. Не то, чтобы ее когда-нибудь останавливало, если она чего-то хочет. Но, если учитывать тех странных людей, следующих за ними от самого ресторана...

— Я больше не чувствую их запаха, — прошептал Экарт ей в шею. Горячее дыхание коснулось ее кожи, заставив Фир прижаться к груди мужчины еще сильнее. — Зато я чувствую кое-что другое. Не менее интересное.

— Да? — выдохнула она, пробежав пальцами вниз по его груди, обтянутой лишь тонким свитером.

— Я не совсем это имел в виду, — потерся он подбородком о ее макушку, — но мне нравится ход твоих мыслей.

Девушка довольно улыбнулась. Фир обожала чувство, что она действует на Экарта *так*. Даже после тех веков, что они провели рядом.

— Тогда, может, поделимся? — предложила она.

Экарт нахмурился, показывая, что эта идея ему не понравилась, но кивнул.

— Будь осторожна, *Geliebte*[2], — сказал он, частыми мелкими поцелуями касаясь ее лица, — сохрани свою жизнь для меня.

— Только если ты поступишь так же... — прошептала она, целуя его в ответ. — Сохрани свою жизнь для меня, *Ansa*[3].

Своеобразный ритуал, складывающийся веками, позволял спокойно отпустить от себя любимое существо. Выказать доверие к силам и стойкости, способности защититься самому и защитить партнера при случае. Выразить словами любовь, о которой эти двое говорили друг другу вслух очень редко. И никогда — при посторонних.

Оборотень погладил Фир Ллариг по щеке, касаясь так, будто она была хрупкой, словно горный хрусталь. Хотя, если бы *Богиня* сделала эту девушку из подручных материалов, то наверняка взяла бы алмазы и титановый сплав. Но ведь и для ее мужчины *Она* использовала бы что-то покрепче...

Фир еще раз поцеловала любимого и, выскользнув из его объятий, пошла по дороге. Экарт недолго постоял, прислушиваясь к цоканью ее каблучков по мокрому асфальту, посыпанному песком вперемешку с солью. А затем исчез из-под света фонарей, растворившись в темноте.

Экарт обежал парк так быстро, как мог, будучи в теле человека. Он не думал, что его

заметил хоть кто-то — запах людей был достаточно далек, в отличие от обычного зловония городского парка, включающего алкоголь, мочу и кисло-терпкие вариации гниющего мусора. Однако оборотень не мог утверждать, что его абсолютно никто не *видел* — ведь он сам не видел ничего уже много веков, и, может быть, не смог бы почуять человека, стоящего достаточно далеко. Но бегал Эккарт достаточно быстро, чтобы со стороны восприниматься как смазанное пятно. В крайнем случае, перекрестился бы случайный прохожий. Или подумал, что показалось. Гораздо больше его сейчас занимала безопасность Фир. Хотя оборотень прекрасно знал, что Geliebte может позаботиться о себе сама, инстинкты вожака просто вопили, требуя защитить от всего, что могло бы угрожать любимой женщине.

Сегодня он чувствовал запахи, которые не ощущал уже сто лет, как минимум. Первый принадлежал Детям Миля[4]. Тем, кто охотился на Жрицу и ее свиту столетиями. Терпкий, чуть отдающий хвоей. Неприятный для человека. Определенно не духи или одеколон. А второй аромат не был неприятен, но вызывал кое-какие воспоминания — запах моря и рыбы, стопроцентно был запахом Фоморов[5]. Ни тех, ни других тут не должно было быть...

Эккарт припомнил легенды, которые Фир рассказывала ему давным-давно... Сначала в Ирландии правили Фоморы. Потом пришли туаты, разбили их в сражении, фактически подчинив себе. А после пришли Дети Миля и, победив Сидов[6], изгнали тех в магические холмы. Наконец оборотень наплевал на бесполезное, в общем-то, дело и полностью занялся окружающими звуками и запахами.

Кислый запах пивного брожения и мужского пота пробился сквозь морозный воздух, смешанный с другими запахами ночи. Трое разных мужчин — определил оборотень. Один из них принимал тяжелые наркотики, другой был болен, а третий напоминал табачную фабрику. Но главным было не это. Они находились рядом с Фир, источая ясный запах эмоционального возбуждения. Оборотень зарычал и рванул вперед, полностью отбросив мысли о древних событиях.

Мартовский вечер охватил темнотой дворы, распугав поздних прохожих. По-зимнему холодная погода не очень-то способствовала желанию прогуляться. Димон натянул куцую шапку на уши, чтобы хоть как-то спасти их от пронизывающего ветра, и спрятал руки в карманы. Помогало плохо. Он поерзал на твердой деревянной поверхности лавки, безуспешно пытаясь устроиться поудобнее. Отхлебнул пиво из бутылки, услужливо поданой Серым, и подавился алкоголем.

— Ох, ты, еп... — восхищенно прозвучало справа. Значит, не почудилось.

По темной аллее шла высокая красивая девушка, одетая в коротенькое красное пальтишко с капюшоном. Ее волосы в свете фонарей отливали медью, каскадом спадая ниже талии. Точеная фигурка, мерно покачивая бедрами, двигалась прямо к их компании. Сама. Будто напрашиваясь на неприятности.

— Какая телка! — восхищенно присвистнул Макс.

Девушка прошла мимо, позволив разглядеть красивое, с тонкими чертами, лицо. Даже не оглянувшись, совершенно не выказав страха. Не обратив никакого внимания, будто они — пустое место.

— Слышь, ты, девка, стой! — Проорал Димон, вскакивая с жесткой скамейки, ничуть не нагретой его мощным задом. Женщина брезгливо передернула плечами, но шаг не ускорила.

— Стой, тебе сказали! — Поддержал друга Серый.

Когда она проигнорировала их снова, пацаны встали и, привычным полукругом, пошли окружать сегодняшнюю жертву.

Первым неладное заметил Макс. Не то чтобы это было то самое ощущение неприятностей, которые часто предугадывала его пятая точка, а... Девка довольно улыбалась. Черт. Да она уже должна от страха имя свое забыть. Ползать на коленях, умоляя не трогать! Но у нее на лице играла странная ухмылка, от которой у Макса в животе кишки в трубочки сворачивались. Совсем как в детстве, когда пьяный отец бил мать смертным боем, а маленький Максимка со старшей сестрой Любкой прятались в ванной.

— Стой! — Серый дернул девку на себя, но ощущение было таким, будто он ухватился за кусок стали, обернутый мягкой тканью. Его прошиб холодный пот, когда пришло осознание, что она легче килограммов на тридцать, как минимум. Девка медленно повернулась и уставилась Серому прямо в глаза черными точками зрачков. Белки ее глаз были совершенно красные. Бр-р-р!

— Бу! — Выдохнула она, и Серого передернуло.

Резко вспомнился фильм про вампиров, который они видели на хате у Фокса. Он замахнулся, чтобы ударить, но услышал глухое рычание за спиной. Волосы встали дыбом — даже те, что отсутствовали на бритом затылке. По коже побежали мурашки. Странное ощущение... он был уверен, что сзади находится собака. Судя по рычанию — очень большая и злая.

— Милый, — девушка надула нижнюю губу, — ну я же сама хотела!

— Он тебя не ударит, — заявил низкий мужской голос.

— Конечно, — улыбнулась она.

— И мне не нравится, что он тебя трогает.

— А не ох**л ли ты, му... — резко повернулся Димон, но замер, не окончив фразы.

Подошедший мужик был высоким. Даже Макс, прозванный каланчой за немалый рост, едва мог бы с ним сравняться. Светлые волосы до плеч, зачесанные назад. Шрамы на щеках. Черный кожаный плащ. Достаточно накачанный мужчина производил странное впечатление, будто сам воздух возле него был пропитан силой. Еще напрягали его очки. Темные. Ночью.

— Отпусти ее, — мужик будто перетек ближе. Казалось, что он использует мышцы, которых у нормального человека просто нет.

Димон почувствовал, как глаза сами полезли на лоб. Таких движений он не видел нигде, пожалуй, только в фильмах. Холодные липкие пальцы страха прошли по позвоночнику, вызывая дрожь. Блондин втянул воздух носом и улыбнулся. Ох, б**! У него был охрененный оскал. Как у собаки.

Да уж, когда Богиня пообещала Фир идеального мужчину, той даже в голову не пришло, что исполнение будет буквальным. Нет, она, конечно же, верила *Даннан*, просто не ожидала настолько полного осуществления своих желаний, ведь боги видят картину более полно и не всегда дарят нам именно то, на что мы уповаем. Скорее, Шапка ожидала получить того, кто будет нужен, чем того, о ком она молила. Но *Богиня* осуществила обещание именно идеально — Ллариг была просто в восторге.

Ей вообще все нравилось в Эккарте. Даже когда ее мужчина проявлял собственнические инстинкты. Возможно, это тешило самолюбие Шапки, или заставляло почувствовать себя желанной. Или все дело было в простом чувстве глубокого удовлетворения, что любимый *заботится* ней и ее безопасности? Ллариг просто не задумывалась об этом. И его доминирование, которое Фир не позволила бы больше никому. И мускусный запах, охватывающий этого мужчину при возбуждении... Черт. Ей даже нравилось, что он носки по комнате разбрасывает! Хотя в этом Ллариг никогда не призналась бы вслух.

Когда Эккарт подошел ближе к человеку, держащему ее за руку, Шапка уже знала, что будет. Слишком уж часто видела его характерную улыбку собственника. Качок, преградивший ему дорогу, отлетел прочь как старая кукла, которая перестает интересоваться ребенка. Высокий мужик, стоявший справа, отброшенный твердой рукой оборотня, скрылся в противоположном направлении, затерявшись в кустах. Девушка могла бы поспорить, что идиот, держащий ее за руку, думает, будто его дружки разбираются с Эккартом. Наивный...

Фир подавила улыбку и посмотрела лысому мужику, который прицепился к рукаву ее пальто, как клещ, прямо в глаза. Бледно-голубые озерца чистого испуга. Сама собой по лицу снова расплылась широкая ухмылка, показывая белые длинные зубы, и еще больше пугая человека напротив.

Девушка резко повернулась, вырывая руку и заставляя лысого чуть пригнуться. И с разворота ударила его ногой точно в голову. Мужик отлетел к бордюру, оставшись лежать бесформенной кучкой плоти. А Фир тот час же попала в объятия оборотня.

— Он тебя не поранил? — Эккарт так крепко прижал девушку к себе, что она щекой ощущала рокот голоса в его груди.

— Нет, — мягко сказала она, — все хорошо.

Оборотень облегченно выдохнул, теплым дыханием взметнув прядку на макушке Фир. Но вдруг резко развернулся, не выпуская из рук свою драгоценную ношу. И охнул, начиная оседать вниз. Девушка непонимающе отстранилась и заметила рукоятку ножа, торчащую в боку Эккарта.

Макс знал, что вылезти из кустов было бы плохой идеей. Поэтому там и остался. Димон же такой соображалкой не отличился, поэтому понесся назад. И пока тот здоровый мужик обнимал свою бабу, которая, кстати, уложила Серого с ноги, воткнул в него свой охотничий нож. Прямо в бок, хотя целился в девку. Блондин начал оседать на землю. Его партнерша непонимающе отстранилась, открыв шире свои странные глаза. Потом заметила рукоять, торчащую из тела.

Макс действительно испугался того, как рычал тот мужик. Но звук, который издала девка, был просто за пределами ночных кошмаров. Возможно, даже не сам звук, а нечто за пределами понимания, рожденное его глубинными страхами. Тем, что он не понимал и не поймет никогда... По ноге потекло что-то мокрое и теплое, но он мог только пятиться назад, пока не уткнулся спиной в дерево. Не отрывая взгляда от этой твари... кем бы она ни была.

Тем временем девка уже стояла возле нападавшего, держа его за шею. В воздухе. На вытянутой руке. И что-то быстро говорила на иностранном языке с гортанной интонацией. Потом отбросила его и подбежала к блондину, стоящему на коленях. Ужас исчез, будто его стерли мокрой губкой, оставив липкие подтеки страха. До Макса долетел ее нежный щебет,

поразительно отличающийся от того, как она говорила с Димоном. Промелькнули слова «выдерну» и «позже».

Блондин кивнул и поднял правую руку. Девка схватилась за рукоятку ножа, торчащую у него из бока, и резко дернула в сторону, обнажив запачканное в крови лезвие. Внимательно осмотрела и резко отбросила в сторону Макса. Нож звякнул, и глубоко застрял в дереве, к которому он прижался. Как она осматривала рану блондина, Макс уже не заметил. Потому что валялся на земле в глубоком обмороке и луже собственной мочи.

Не будь ему так больно, Эккарт бы рассмеялся от иронии этой ситуации. Его, великого воина, Левую Руку Богини, ранил человек. И оборотень пока не решил, извиняло ли его то, что он расслабился, думая, что опасность миновала. Заботясь о своей *Geliebte*, он должен был проявить больше собранности. А теперь Фир пришлось вести его к машине, где была аптечка, и можно было хоть как-то обработать рану до полного заживления.

— Немедленно прекрати думать о всякой ерунде! — Потребовала Фир из-под его левой руки. Она помогала ему идти, хотя легко могла унести на плече. Но, возможно, из-за разницы в росте ей все же было бы неудобно. — Когда ты молчишь, я прекрасно представляю, о чем ты задумался!

— И о чем же? — С улыбкой спросил оборотень.

— Например, о том, что позволил человеку себя ранить, — отрезала она, усаживая его на широкое заднее сидение внедорожника, припаркованного возле входа в парк, прямо напротив ярко освещенной фонарями улицы. — Хотя я виновата не меньше. Мне тоже нужно было следить за обстановкой.

Эккарт облокотился на спинку сидения. Потом чуть отклонился, пока Ллариг снимала с него плащ и тонкий свитер, чтобы добраться до раны.

— Так я и думала, — через какое-то время заявила она, — ничего важного не задето.

— Знаешь, я рад, что тебя не ранили, — прошептал он в ответ. — Лучше уж я, чем ты.

— Лучше, если никто из нас, — сверкнула Фир глазами. — Но если бы этот урод задел что-то важное, то не отделался бы просто закрытым переломом. Наверное, это была бы лоботомия.

Она закрепила марлевую повязку на торсе Эккарта, стянув эластичными бинтами, при этом проигнорировав застенчивое хихиканье парочки подростков, проходивших мимо. Оборотень знал, что они подумали, по запаху сексуального возбуждения, исходящему от этих двоих. Но ему тоже было глубоко плевать. Наконец Ллариг выпрямилась и поцеловала оборотня в лоб.

— Завтра вечером будет только маленький шрам, — произнесла она, скорее убеждая себя, чем Эккарта. Потом достала из багажника одеяло и плотно укутала оборотня, набросив его плащ сверху. — Спи, Ansa. Я позабочусь о своем мужчине. Разбужу тебя, когда приедем.

Глава 2

Фир вела машину аккуратно, выхватывая цепким взглядом детали обстановки. Время от времени женщина поворачивалась назад, проверить спящего оборотня. Ей было не впервой следить за ним после ранения, поэтому Ллариг ждала озноба, который вскоре охватил тело

Эккарта. Это означало, что его животная сущность почти взяла верх над человеческой и теперь усердно залечивает рану. К тому времени когда, наконец, показался трехэтажный дом, принадлежащий частной компании «Лагуз» — как значилось в документах, а на деле Ану — последней истинной Жрицы, оборотня уже была крупная дрожь.

Ану не нравилось жить в центре, хотя именно оттуда было удобнее всего управлять делами. Основаниями к переезду послужил разрастающийся город. Посоветовавшись, жители дома решили переехать чуть подальше, купив жилище в одном из спальных районов. Поэтому совсем недавно на выкупленной в собственность земле был построен новый особняк. Подходящее место искали долго, перерыв многочисленные риэлтерские и частные предложения, а нашли случайно, когда Фир с Эккартом поехали по делам в Дом Оборотней, находящийся за городом. Теперь, через год, прошедший после переезда, когда вся колдовская энергия была перенесена в их новое жилище, а сам особняк магически расширен, Фир признавала слова Жрицы, о том, что на новом месте будет лучше.

Места стало больше. Не внутри — комнат было предостаточно и в старом доме, ведь магия не делает различий между пространствами, она их просто расширяет. Стало намного просторнее снаружи — вокруг была скуплена земля, на которой Ану решила разбить сад. Благодаря охранным заклинаниям окрестные жители не приближались к территории, вызывающей чувство тревоги и ужаса. Что очень устраивало жителей дома и их гостей.

Фир въехала на территорию подземной стоянки, находящейся под особняком. Это было не единственное новшество, которое она одобряла. В старом доме машины ставить было негде, что очень раздражало почти всех его обитателей, а тут отстроили подземный гараж на десять машин.

Ллариг припарковалась, вышла. Подошла к задней двери внедорожника и открыв ее, убрала волосы со лба оборотня. Эккарт отреагировал на прикосновение кривоватой полуулыбкой. Ему было больно.

— Мы приехали, — мягко произнесла девушка. — Давай, я помогу тебе подняться наверх.

Их общая комната находилась на втором этаже особняка, прямо напротив лестницы, ведущей вниз. Их обоих устраивало такое расположение по одной простой причине: охрана, мимо которой никто не пройдет незамеченным — вот кем они были в этом доме. Сохранение жизни Жрицы было важнейшей задачей, с которой они отлично справлялись уже много веков.

Фир помогла Эккарту выйти наружу и опереться на черную полированную поверхность машины. Оборотень чуть согнулся, восстанавливая дыхание. Необходимость одновременно бороться с болью и желанием дать волю своему зверю, чтобы залечить рану мгновенно, требовала концентрации. Девушка вытащила плащ вервольфа и одеяло, на котором он лежал. Закинула их в корзину для грязных вещей, повесила на крючок ключи от машины и метнулась обратно к оборотню.

— Давай, Ansa, обопрись на меня, — пробормотала она, подставляя ему плечо, и крепко обхватывая мужчину за талию.

— Мы слишком отличаемся ростом, чтобы ты носила меня на руках, — попытался улыбнуться Эккарт, но тут же охнул и схватился за бок.

— Помнится, — подмигнула она, — мне это никогда не мешало.

Она знала, что оборотень не может увидеть выражение ее лица, но упорно игнорировала его недостаток. Или, по крайней мере, то, что считали недостатком другие. Для Фир слепота

мужчины была не более чем временной случайностью. Девушка доверилась словам *Богини*, когда та сказала, что Эккарт будет видеть снова.

— Пару раз — точно не мешало, — кивнул блондин в ответ. — Но, помнится, я всегда возвращаю долг.

— Угу, потом вернешь, — улыбнулась Фир, ведя его по коридору.

Эккарт прилагал массу усилий, чтобы не обратиться. Не то чтобы превращение в зверя было бы плохо. Просто сил на восстановление понадобилось бы гораздо больше. И вместо половины суток на лечение раны в боку, он бы получил сутки на восстановление всего организма после пребывания в волчьей шкуре. Хотя волком его внутреннее существо можно было назвать с натяжкой. Современные «веры», как они сами любили себя называть, после превращения были крупнее волков, перекидываясь в форму, примерно равную по весу человеческому телу. А тело Эккарта в иной форме прибавляло в весе почти вдвое, составляя высотой в холке более метра.

Но это не было единственной причиной, чтобы сдерживать своего зверя. В такие моменты, когда волк захватывал его тело, мужчина плохо помнил, что и как делает, полностью попадая во власть инстинктов и смутной человеческой памяти. Вервольф помнил времена, когда все было по-другому, но с того времени, как Богиня перестала говорить со своими детьми, многое изменилось. Он был уверен только в том, что не причинит вреда Фир, просто потому, что зверь признает девушку за свою стаю, собственную самку альфа. Но вот в отношении к другим таких ощущений не было, поэтому он изо всех сил старался сдержаться.

Естественно, Фир знала об этом, потому и постаралась обеспечить максимально комфортные условия для него и его раны. Помогла подняться в комнату, буквально протаскив его тело через коридор и по лестнице на второй этаж. Раздела, пытаясь поменьше касаться. Аккуратно и спокойно. Так, чтобы не вытянуть волка на поверхность мгновенно выпыхивающим желанием крови или секса. Никаких обычных ласк или поцелуев, только забота и тепло, необходимые Эккарту сейчас.

Странно, но раны никогда не доставляли оборотню столько неприятностей, как их последующее излечение. Хорошо, конечно, что сам процесс восстановления занимал так мало времени — кровь оборотня и подаренные *Богиней* способности чистокровного сидхе позволяли залечить любую рану за считанные часы. Хуже дело обстояло, только если рана нанесена серебром или железом. Волк в нем не терпел серебра, которое жгло не хуже соли в открытой ране, а фейрийская часть имела примерно такую же реакцию на чистое железо. Хорошо еще, что такого оружия в чистом виде больше не встречалось...

Фир сняла повязку, осматривая рану, которая затягивалась прямо на глазах. Эккарт почувствовал прикосновение нежных холодных пальцев к своей коже и задохнулся от ощущений. Возможно, будь это другая женщина, не его *Geliebte*, реакция была бы другой. И если бы зверь не напирал, пытаясь вырваться из человеческого плена. Тело стало еще горячее, в паху приятно закололо и потяжелело. В комнате стало тесно, и исчез весь воздух. Эккарт чуть отодвинулся и часто задышал.

— Уйди, *Geliebte*, прошу... — хрипло прошептал он.

— Да, *Ansa*, — кивнула она в ответ.

Фир не обиделась, она прекрасно понимала, почему Эккарт просит об этом, и не собиралась устраивать ненужных сцен. За это оборотень любил ее еще больше. Если такое вообще было возможно.

— Я буду внизу. Посижу, пока ты не позовешь, — сказала она. — Твоего волка нужно будет вознаградить за уступчивость. Я приготовлю что-нибудь.

Да. Зверя можно было удовлетворить тремя простыми вещами.

Кровь. Желательно свежая, текущая прямо в глотку из все еще дышащей жертвы. Этот способ Эккарт не любил. Слишком много нужно было убирать за собой, да и охотиться нужно было аккуратно. По возможности, не привлекая внимания, далеко от города.

Секс. Этот способ оборотню нравился, да и его любимая была непротив, но потерять контроль в такие моменты было проще. Эккарт очень боялся навредить Фир. Да, она была намного сильнее и крепче любого человека. Но это означало только то, что он не смог бы убить ее. А вот сильно поранить — вполне. Кроме того, Ллариг часто была только за грубые моменты в их интимных отношениях, а значит, могла увлечься и не заметить, некоторых... гм... опасных моментов.

Еда была третьим способом, помогающим умиротворить внутреннего волка Эккарта. Зверь любил поест, предпочитая свежую добычу, но был согласен на обильный калорийный завтрак, обед или ужин. А в большинстве случаев, и на все сразу. Фир всегда хохотала по этому поводу, говоря, что у оборотней волшебный метаболизм, а уж у оборотней-фейри... «Ну кто еще, — говорила она, — может не есть две недели, а потом преспокойно сгрызть столько, что даже дикому троллю[7] поплохело бы!» Но потом всегда кормила своего Ansa тем, что ему больше всего нравилось.

Эккарт зевнул, пробежал языком по клыкам. Снял брюки и боксеры, так как предпочитал спать обнаженным. И нырнул под два одеяла, которые заботливо приготовила Фир, предполагая, что оборотня будет донимать озноб. Мужчина укутался в запах дома, состоящий в основном из аромата любимой женщины, и попытался уснуть.

Фир спустилась на первый этаж. Выходя, она плотно закрыла дверь в комнату, чтобы оборотня никто не побеспокоил. Конечно, она волновалась за любимого. Но рана уже начала заживать, а это означало, что его просто не нужно трогать, оставив отоспаться в тепле. А потом хорошенько накормить, избавив от агрессивности. Но сначала следовало увидеть Ану и рассказать ей о произошедшем. И предупредить остальных, чтобы не цеплялись к Эккарту, когда он встанет.

Просторное помещение, оформленное в светлых бежево-зеленых тонах с использованием дерева и стекла. Удобные и красивые вещи без лишних деталей. Под ногами пушистый ковер. В главной комнате, как всегда вечером, было полно народу. Играла тихая музыка, горели свечи и камин, создавая неповторимую теплую атмосферу, столь любимую всеми жителями этого дома.

Беленус, высокий шатен с волосами до пояса, поднял голову от ноутбука, стоящего на стеклянной поверхности стола, и посмотрел на девушку. Он просчитывал что-то, связанное с собственным клубом, на втором этаже которого недавно открылась дискотека. Глаза ярко-зеленого травяного цвета внимательно осмотрели Фир. Он удивленно кивнул, отметив, что Эккарта нет рядом. Аили, блондинка с короткой стрижкой, сидевшая рядом с ним,

повторила движение своего мужа, точно скопировав выражение его лица. И кивнула в сторону, показывая, где сидит Ану.

— Привет Фир, — послышалось со стороны камина.

Миниатюрная брюнеточка с кудрявыми волосами повернула к ней свое лицо, освещенное широкой улыбкой. Книга на ее коленях была открыта на середине, привлекая кучу маленьких фей рассеявшихся вокруг. Судя по всему, Оля снова читала им что-то из истории. Крошкам всегда это нравилось — будто читаешь детям сказку. Фир кивнула и повернула голову к Ану.

Жрица была не одна. Она сидела рядом с высоким мужчиной, у которого были ослепительно-белые волосы. Ллариг помнила его. Один из аристократов, потомок сидхе, оставшихся на поверхности в то время, когда остальные ушли жить в волшебную страну. Иногда Фир задумывалась, почему же они остались. Чистокровные сидхе не приняли своих потомков со смешанной кровью? Или, возможно, это те, кто не хотел жить в зависимости от правителей? Или такой способ протеста? В любом случае, они сильно просчитались, потому что, в итоге, им пришлось жить вместе. Нужно было сохранить остатки магии. И теперь существовало нечто вроде резервации.

Последний Сидхен. Да, они были магически сильны. Да, они были фантастически богаты. Ллариг была в их доме и видела все своими глазами. Особенно интриги их отношения друг к другу. Как к генетическому материалу. Насколько помнила Фир, этот мужчина, Ноэль, согласно давним традициям определенное время воспитывался Жрицей. Мальчиком он был красивым, умным, нежным и ранимым. Успешно схватывал все, чему его учили, и мог прекрасно управляться с холодом. Но это было давно, почти двести лет назад. После обучения он поехал в тот гадюшник и больше не возвращался. Это был его выбор. С точки зрения Фир, достаточно глупый, но Ллариг принципиально не комментировала чужие решения. Интересно, что ему здесь нужно? В любом случае, подходить к ним сейчас было бы не лучшей идеей.

Фир развернулась в сторону парочки с ноутбуком. Беленус оторвался от экрана, подняв на нее взгляд.

— Если Эккарт встанет, не поддавайтесь на провокации. На кухню его, ко мне. — Четко произнесла она.

Брюнет кивнул, снова уткнувшись в столбики цифр.

— Хорошо, — ответила за них обеих Аили.

Фир повернулась к камину и, подойдя, села рядом с Ольгой. Девушка прервала чтение на итальянском языке, отложив книгу о Венеции.

— А где твой вечный спутник? — Спросила брюнетка.

— Спит, — ответила Ллариг. — Если проснется, не разговаривай с ним. Просто скажи, что я на кухне.

— Все так серьезно? — Оля перестала улыбаться, идеальными чертами лица теперь еще больше напоминая фарфоровую куклу.

— Ты не так давно с нами. А в такие моменты он только меня воспринимает адекватно, — пояснила Фир. — Еще Ану. Агрессивным будет.

— Что произошло? — Поинтересовалась ее собеседница.

— Зверь просыпается? — Маленькая фея, по размеру похожая на куклу с крылышками, вклинилась в разговор.

— Волк был ранен? — Подключился блондинистый феек с крылышками ночной

бабочки.

— Мы почувствовали запах крови, — подключился третий, золотистый, от волнения рассыпающий с крылышек блестящую феячью пыль.

— Тише, тише, — Фир протянула руки феям-крошкам, которые незамедлительно схватили ее длинные пальцы обоими ручками. Их яркие крылышки трепетали в воздухе, поддерживая хрупкие тельца. — Он будет в порядке. Уже почти все зажило. А к утру ничего не останется вообще.

— Эккарта ранили? — Глаза Ольги расширились, выдавая удивление.

Ведьмочка жила с ними всего несколько лет до отъезда в Лондон и несколько лет после того как приехала. Возможно, поэтому ей трудно было представить, что непобедимого оборотня мог кто-то задеть. Даже случайно.

— Да, Оллин[8], такое тоже случается иногда, — кивнула Фир.

— Эй, — снова заулыбалась Оля, — не называй меня мужским именем!

— Ну, не нужно было столько учиться. Говорят же, кто много знает... — усмехнулась Ллариг. — Кроме того, в этом столетии такие мелочи уже не важны. Вот если бы ты родилась в мое время, мы бы поговорили об этом более обстоятельно.

Стайка фей рассмеялась, наполнив комнату звуками, сравнимыми лишь со звоном серебристых бубенцов. Малышей всегда было легко развеселить или подбить на проказы, но в большинстве случаев они прекрасно справлялись сами. Хотя пикси старались не шутить над обитателями дома, ограничиваясь людьми — соседями или случайными прохожими. Единственным строгим табу для них являлись шутки над гостями дома, и крошки-феи неукоснительно соблюдали это правило под угрозой выселения виновника.

— Зачем к нам приехал гость? — любопытствовала Фир.

Она знала, что ведьмочка вряд ли догадывается о цели его визита, но малыши были просто кладезем информации, добывая знания даже из невозможных мест. Их природное любопытство сочеталось с непоседливостью, создавая взрывную смесь. А способность к гламору — личной магии маскировки — помогала залезть практически повсюду. Из фей-крошек в свое время получались отличные шпионы.

— Мы не знаем, — ответила фея с синими крылышками как у «Морфо Дидус[9]». — Эркнет хотел подслушать, но госпожа сказала, что нельзя.

На ее хорошеньком личике было написано искреннее разочарование, будто не фейка, а ее саму поймали и бесцеремонно прогнали прочь.

— Я приехал просить Жрицу взять мою дочь на обучение, — раздался голос за спиной Фир. Ведьмочка с компанией фей-крошек с откровенным любопытством уставились на говорящего.

— И ты здравствуй, Ноэль, — ответила Ллариг, поворачиваясь к нему и внимательно рассматривая мужчину-сида.

Он мало изменился внешне за прошедшие годы — те же льдисто-серые глаза и белоснежные волосы. Только взгляд стал колючим, а речь более сдержана и отрывиста. Ребенком он смотрел на мир так открыто и восторженно... Жизнь в последнем Сидхене[10] отнюдь не способствовала развитию дружественных чувств. А вот чувство самосохранения повышала очень быстро. Особенно у тех, кто хотел жить долго. Хотя у них и существовали законы, запрещающие убийство любого фейри, которых и так осталось очень мало, были еще дуэли и официальные суды. И Дети Миля, которые охотились на чистокровных сидхе с одержимостью истинных маньяков.

— Всем мои приветствия, — улыбнулся он, став на мгновение тем мальчиком, которого помнила Фир, — и извинения.

Он поступил абсолютно верно, включив в свою речь и пикси[11]. В сидхене их не считали личностями, относясь как к чему-то среднему между домашними питомцами и надоедливymi соседями. Используя как переносчиков почты, хранителей сада или соглядатаев. Но в доме Жрицы крошки-феи были автономной группой, такими же жителями, как и другие обитатели. И они стойко хранили свое положение, сильно обижаясь на тех, кто с ними не считался.

— Я хотел бы попросить вас всех, — продолжил мужчина, — позаботиться о моей дочери. Вики со своим другом прилетят на следующей неделе. Мне будет очень приятно, если она проведет время, которое ей тут отпущено, так же, как я в свое время.

— Не беспокойся, — ответила Ллариг, — тут все равны. Уж ты-то должен помнить.

— Фир, — Ноэль посмотрел в глаза девушки внимательным долгим взглядом, — постарайтесь убедить ее остаться с вами. Я не хочу, чтобы она жила в Сидхене. Это не место для счастья.

— Зачем ты сам уехал? — спросила она прямо.

— У меня были свои причины, — беловолосый отвел взгляд. — Просто иногда мы принимаем то, что кажется, за то, что хотим видеть.

— Это был твой выбор.

— Да, — горько усмехнулся Ноэль. — Это был мой выбор.

Фир пожалела бы его, если бы могла. Честно.

Ноэль отошел от компании, сидящей перед камином, и направился к кофейному столику, за которым расположились Беленус с Аили. Фир знала, что он будет просить их о том же самом. Глупо. Или грустно, смотря с какой стороны посмотреть. Он жил в этом доме, а значит, прекрасно знал, что тут ко всем относятся как к равным. Но все же просил за свою дочь, ожидая чего-то другого. Сказалась сотня лет в Сидхене, в обществе других сидхе? Фир не хотела бы жить с ними, ни за что.

Ану встала со своего места, где любила проводить вечера с чашкой кофе, и подошла к камину.

— Мы поговорим позже, мне нужно проводить гостя, — мягко улыбнулась она.

Крошки-феи взлетели многочисленной группой, окружив Ану цветастым облачком. Они рассказывали ей новости тоненькими нежными голосками, напоминая стайку разноцветных бабочек, или скорее птичек.

— Тише, тише, — Жрица стояла спокойно, чтобы не задеть ни один из ярких щебечущих метеоров летающих вокруг. — Мы обо всем поговорим позже. Фир сама расскажет.

Обычный в этом доме вечер. Только не хватало Эккарта, к которому можно было бы уютно пристроиться на руки. Ллариг смотрела на происходящее с улыбкой. Потом махнула рукой и пошла на кухню.

Глава 3

Щелкнув выключателем, Фир зажгла яркие кухонные лампы. Огромное помещение, облицованное белой плиткой и хромированными деталями, поражало чистотой. В углу два холодильника, отделанных металлом. Ряд механических приспособлений, облегчающих процесс готовки и уборки. Две стальные мойки. Большой стол в центре и музыкальный

центр на столике возле дальней стены.

Кухня была одним из самых любимых мест Фир. Четкие простые линии и функциональность приводили Ллариг в полный восторг. Ей нравилось обилие свободного места и наличие техники, которая плохо работала в пропитанном магией доме. Иногда Фир казалось, что пребывая тут, она оказывается в совершенно другом месте. Странном, незнакомом, но абсолютно защищенном и уютном. Особенно когда за стол в середине помещения садился Эккарт с предложением помочь.

Фир подошла к музыкальному центру и нажала на play. Пространство заполнили высокие звуки оперы, к которой Беленус пристрастилась еще в Италии 17 века. Конечно, тогда все было по-другому, но хорошими голосами можно было насладиться во все времена. У самой Ллариг не было четко выраженного музыкального вкуса, кроме одного. Эккарта, играющего на гитаре, она могла слушать часами. Но это было пристрастное суждение, поэтому не обсуждалось.

Девушка вымыла руки, взяла со стола твердое зеленое яблоко и впилась в него зубами, наслаждаясь кисло-сладким вкусом. Заглянув в холодильник, обнаружила набор всего, о чем может мечтать любая хозяйка. Подумала. Достала мясо и овощи, разложив их на столе, повязала свой любимый фартук, подаренный Ольгой на Новый год, со стилизованным изображением окровавленной смерти и надписью «Осторожно! Ваш повар — убийца!».

Из кладовки выглянул домовой. Маленький темноволосый и кучерявый субъект, подобранный во время второй мировой войны в разрушенной деревушке под Смоленском. Он неплохо прижился, взяв на себя ведение всего домашнего хозяйства и командование несколькими брауни[12], живущими вместе с их компанией с незапамятных времен. Классный, кстати, оказался дедок. Приветствуя, Фир махнула ему рукой. Домовой степенно кивнул и спокойно отправился назад, уверенный, что девушка справится сама.

Ария Фигаро сменилась насыщенными ритмами латины и голосом Шакиры. Красная Шапка[13] улыбнулась и, пританцовывая, начала готовить. Мясо она оставила на столе, чтобы приготовить его потом, с кровью. А овощи вымыла и нарезала, запланировав рагу.

— Фир, девочка моя! — Как всегда с легкой улыбкой на губах на кухню вошла Ану.

В последней войне с Детьми Миля, которая случилась на поверхности, мать Фир, благородная Дини Ши[14] была изнасилована воином из рода Фир Ллариг. Фейри в то время уже ушли во внутренние холмы. Никто не ждал, что от такой связи у благородной аристократки появится дитя, но родилась девочка, унаследовавшая в равной степени внешние признаки как отца, так и матери. Конечно же, ребенок не был желанным, поэтому ее выбросили на поверхность, лишив защиты магических холмов. А там девочку нашли пикси из свиты Жрицы, оставшейся жить на поверхности, посланные самой *Богиней*.

Ее назвали в честь отцовского рода, воспитывая как воина. Даже со смешанной кровью, а возможно и благодаря ней, она была намного сильнее обычных Шапок или Дини Ши. Фир стала последним представителем обоих родов, оставшимся вне магических холмов. Для нее Ану была матерью, которой не смогла стать аристократка, бросившая своего ребенка. Впрочем, Фир не винила родившую ее женщину и даже могла придумать некоторые оправдания. Хотя встретиться с ней не хотела бы.

Ллариг всегда искренне любила вырастившую ее Жрицу и восхищалась ею. Никто не дал бы Ану больше двадцати пяти, максимум двадцати восьми. Стройная, подтянутая и очень красивая, она притягивала к себе взгляды, как магнит железную стружку. Дело было совсем не в серебристо-платиновом цвете седых волос или королевской осанке. Глаза

женщины, глубокие и бездонно-карие смотрели прямо в душу, замечая в любом, кто осмелился глядеть в них, все.

— Ану, — улыбнулась Фир.

Ллариг вытерла руки, выключила музыку и присела за стол. Жрица присела рядом, легко коснувшись руки девушки в умиротворяющем жесте.

— Крошки-феи сказали мне, что Эккарта ранили, — начала она. — Но я думаю, все в порядке, так?

— Если бы случилось что-то серьезное, я бы уже всех на уши подняла. Ко мне пристали в парке... — вдруг Фир ойкнула, чуть не забыв самое важное. — За нами следили!

Улыбка исчезла с лица Жрицы, а выражение глаз стало очень серьезным.

— Кто-то, известный нам? — спросила она. — Или новый?

— Мне нужно будет поговорить с Эккартом, когда он проснется, чтобы утверждать наверняка.

Фир уже проанализировала произошедшее у ресторана. Ей совершенно не нравилось то, что она помнила. Ллариг не бралась утверждать, кто это был, в конце-концов у нее не было такого великолепного обоняния как у оборотня. Но то, что преследователи так легко ушли, говорило о многом. Как минимум о том, что они не были людьми. Ану кивнула, показывая, что соглашается с мнением Шапки. Фир знала, что Жрица не принимает поспешных решений, действуя только тогда, когда все детали тщательно продуманы и выверены. А значит, следовало иметь твердую уверенность в своих делах и поступках.

— Дочь Ноэля приедет на следующей неделе, — помолчав, начала Ану. — Девочку учили языку, поэтому она не будет чувствовать себя совсем чужой. Я настояла, чтобы она ходила в школу. Думаешь, это хорошая идея?

— Не знаю, Ану, — ответила Фир. — Хорошо, если девочка будет знать, как живут люди. Но как телохранитель я вижу много недостатков. Возможно, это должна быть частная школа? Чтобы мы отвозили и забирали ее. Я предложила бы, чтобы этим занялась Оллин или Аили. Может быть, мы с Эккартом.

Ану снова кивнула, подтверждая слова Ллариг. Казалось, она ждала этого предложения.

— Это первый ребенок за почти сотню лет, — заметила Жрица. — Иногда мне кажется, что *Богиня* обиделась на свой народ и больше не хочет дарить нам свою благодать.

На прекрасном лице Жрицы мелькнула тень печали.

— Сколько уже *Онане* говорит с тобой? — Тихо спросила Фир.

— Почти тысячу лет, — так же тихо ответила Ану. — Я старалась делать все, как *Онавелела*. Может быть, я ошиблась в чем-то. Не понимаю...

— А может... — ответила Фир, — *Онане* ждала полного повиновения. Может, *Она* ждала, что мы сами, наконец, сделаем выбор. *Онане* королева нам, *Она* мать. Ты же не приказываешь мне, ты лишь просишь. А я сама решаю, как лучше поступить. И от моего выбора будет зависеть, что я получу в итоге. Что мы все получим. И, быть может, *Она* ждет, что мы сами начнем менять что-то, не дожидаясь ее приказаний.

Когда Шапка закончила, в воздухе появился сильный аромат едва распустившихся роз.

— *Богиня* ответила! — Охнула Ану, резко встав с места и поднеся руку к губам, уже изогнувшимся в улыбке.

— Тогда, стоит обдумать мои слова, правда? — Удивленно пробормотала Фир. — Смущает, что *Она* решила ответить только сейчас. Мы ведь уже обсуждали создавшееся положение...

Жрица махнула рукой, показывая, что это неважно. Ллариг знала — в данный момент их глава уже продумывает все ее слова. Конечно, просто запах цветов не являлся полным ответом, но это был знак, которых не было уже очень давно.

— Мы все идем спать, — сказала Ану, выходя из кухни. — Постарайтесь не разнести тут все.

Фир ухмыльнулась, вспоминая их прошлую полуночную трапезу. И то, как потом матерился домовый. Ну, Шапка могла только обещать, что они постараются...

Сознание пришло внезапно, мгновенно сдвигая рамки сна в небытие. Эккарт поднялся с постели, потерявшись в темноте пространства. Потер лицо ладонями, запустил пальцы в волосы, выдохнул. Он был голодным, злым, жаждущим. Как всегда, когда зверь предъявлял права на тело, но не мог вырваться из тисков железной мужской воли, и удовлетворить свои надобности.

Его сны были заполнены бегом, яростью и кровью. Солнцем, мерцающим сквозь листву или белым снегом, стелющимся под ноги. Сны оборотня не были снами обычного человека или даже фейри. В них Эккарт мог видеть, а не только чувствовать запахи или слышать звуки. Слепота больше не доставляла такого беспокойства в жизни, как раньше, но мужчине хотелось не просто ощущать...

Эккарт хотел видеть, как улыбается Фир, а не только слышать ее веселый голос. Хотел посмотреть в глаза Ану, поиграть в шахматы с Беленусом, не запоминая расстановки фигур, поездить по городу с *Geliebte* и Оллин, разглядывая исторические памятники младше его самого. И, может быть, увидеть своих сыновей-близнецов, давным-давно ставших взрослыми.

Мужчина откинул бесполезные мысли. Что, кроме разочарования, они могли ему принести? Действительно, *Богиня* обещала, что зрение восстановится, но для богов время длится иначе. Тот, кто бессмертен, все ощущает по-другому. Как там было у Борхеса, которого ему читала Фир?

"Истершаяся за столетия память хранит лишь ночь и утро вслед за ней..."

Нет, Эккарт не обвинял *Еев* в отказе от собственных слов. Просто когда у тебя много времени, практически вечность, слово «ждать» приобретает совершенно другой смысл. Пожалуй, Эккарт злился, что *Еев* время течет по-иному. Он так и не привык, что его время тоже практически бесконечно.

Оборотень нашел штаны, сброшенные перед сном. Натянул на голое тело и пошел вниз, на кухню, где его ждала Фир. Дом был полон тишины, охраняя сон своих обитателей. Только чуть приоткрытое зарешеченное окно на первом этаже позволяло звукам раннего утра и свежему ветерку проникать с улицы.

По главной комнате Эккарт шел аккуратно, прислушиваясь и приносясь к окружающим предметам. Он вообще всегда ходил именно так, когда рядом не было Фир, которая могла бы предупредить его о мелких неприятностях. Таких, как разбросанные книги или чуть сдвинутый в привычном пространстве стул. Хотя это не мешало оборотню двигаться быстрее остальных. Не зря же обычные люди, да и многие из суперов[15] не догадывались, что воин слеп.

За кухонной дверью раздавались звуки музыки. Нежный женский голос пел о первом

чувстве на итальянском языке. Vivaldi's rain. Слова этой песни очень нравились его любимой. Приоткрыв дверь, оборотень различил мерное дыхание и запах Фир. Она снова спала на стуле, не решившись потревожить его и без того беспокойный сон. Злость исчезла. Просто растворилась в приливе нежности к этому удивительному существу, живущему рядом многие столетия. Он вошел тихо, чтобы не разбудить девушку. Однако ее дыхание сбилось. Всего лишь на секунду, но этого хватило, чтобы Эккарт понял — сон ушел.

— Нужно было подняться ко мне наверх, — произнес он, выключая музыкальный центр.

— Да, да, — хриплым от сна голосом засмеялась Фир. Эккарт обожал этот звук. — А потом слушать твое ворчание, что я пришла насилловать бедного волчонка, совершенно незащитного перед моими чарами.

Она потянулась, не вставая со стула. Послышался хруст позвонков, затекших от сна в неудобной позе.

— Ляг на живот, я помогу, — предложил мужчина.

Он чувствовал себя немного виноватым за то, что его любимой пришлось отказаться от удобной постели. По сути, готовкой она занималась не из-за того, что в доме не было еды, а просто чтобы занять себя чем-то, пока он излечивался.

— Сначала покажи, что у тебя с раной. И было бы неплохо получить подтверждение, что твой зверь спокоен, и ты не сделаешь ничего такого, за что будешь потом себя казнить пару недель. Или носиться со мной, как сумасшедший коллекционер с вазой династии Мин.

Эккарт услышал, как Шапка встала со стула, наверняка приняв свою любимую позу — ноги твердо стоят на ширине плеч, руки скрещены на груди, взгляд четко направлен на собеседника. Обычно она делала так, когда спорила с кем-то. Но он не хотел спорить.

— Я контролирую себя. В обоих видах. Раны больше нет, можешь проверить. — Оборотень вздохнул и признался, — но покормить меня не помешает.

Фир выдохнула, расслабившись. Включила плиту, поставив сковородку на огонь и повернулась к Эккарту.

— Давай, показывай.

Ллариг подтолкнула его влево поворачивая к источнику света, который сам мужчина, конечно же, не мог видеть. Пробежала холодными по сравнению с его телом пальцами по загорелой коже оборотня. Удовлетворенно цокнула языком. И поцеловала свежий шрам. Эккарт втянул в себя воздух, остро ощутив нежный след ее губ. И подумал, что может и не дожидаться еды. Девушка отстранилась, будто уловив его мысли. Хотя — оборотень был уверен в этом на сто процентов — у нее на губах была та самая ухмылка, которая обозначала, что Фир точно знает, что делает. И ради чего.

Она отвернулась к плите, забросив мясо на сковородку. Но ему уже не хотелось есть. Появился другой голод. Одним широким шагом преодолев разделявшее их расстояние, оборотень обхватил девушку за талию, крепко прижимая к своему телу.

— О-о-о... — выдохнула она довольным голосом.

— Отложим трапезу? — шепнул мужчина на ухо своей любимой. — Есть кое-что, интересующее меня больше в данный момент. Кое-кто...

Фир потерлась о Эккарта всем телом, соглашаясь со сказанным. Ее попка прошла по возбужденной плоти, исторгнув полустон-полурык из глубин мужского горла. Он нагнулся, поцеловал ее в шею, обжигая бархатистую кожу горячим дыханием. Задрал свитер, расстегнул крючки кроваво-красного лифа... Захватил нежные женские груди в ладони и

грубовато потер большими пальцами тугие набухшие соски. Эккарт знал, что нравится его Geliebte...

Она попыталась повернуться, оказавшись с ним лицом к лицу, но его волк нуждался в доминировании. Эккарт чуть прикусил нежную кожу на шее девушки, пытаясь не поранить кожу и не причинить вреда любимой. Пока зверь был близко, следовало быть особенно осторожным. Фир все поняла и перестала вырываться, просто заведя руки назад, лаская его своими длинными пальцами. В ответ мужчина стал целовать только что укушенную шею, направив правую руку между ног девушки.

— Мне нужна... опора... — сбивчиво просипела Фир.

Эккарт искренне понадеялся, что на кухонном столе ничего нет. Потому что он развернул ее именно в ту сторону.

Мебель скрипнула, когда Шапка с силой опустила ладони на деревянную поверхность. Оборотень поднял ей юбку и, отодвинув ткань трусиков в сторону, начал ласкать самую нежную часть женского тела. Фир всхлипывала, царапая столешницу длинными ногтями, а он целовал ее спину и шею, рыча в ответ на звуки, издаваемые женщиной, не давая ни развернуться, ни кончить, полностью контролируя процесс.

Наконец она начала громко стонать в голос, и Эккарт понял, что сдержаться дольше не сможет. Он рывком стянул с себя штаны, освобождая возбужденный член, и, подстегиваемый внутренним зверем, рывком ввел его в женское лоно. Фир протяжно ахнула, на мгновение перестав извиваться под его руками, а потом застонала еще громче. На задворках сознания мелькнула мысль, что они могут перебудить весь дом, но тут же ушла, смытая волной острого удовольствия, когда он начал двигаться внутри. Они кончили практически одновременно. Фир с хриплым выдохом, а Эккарт с рычанием, опираясь на руки, чтобы не придавить девушку своим весом.

Оборотень потерялся о женскую спину щекой и тут же поцеловал натертое жесткой щетиной место. Фир мурлыкнула в ответ и все-таки вывернулась из-под него, спустя мгновение уже поправляя одежду на них обоих. Потом она усадила Эккарта на стул и села к нему на колени, глубоко и страстно впившись в его губы. Компенсируя отсутствие поцелуев во время самого секса.

Оторвались они друг от друга только когда запахло паленым. Фир ойкнула и вскочила с коленей оборотня, подбежав к плите. Послышался звук отрываемой крышки и... в воздухе поплыл неповторимый дух обгоревшего мяса, оправленный масляными нотками.

— Мда, — констатировала Шапка, — тут не то, что мяса с кровью, тут даже жаркого не будет.

Заразившись смехом Эккарта, она засмеялась сама, выбросила получившиеся огарки и поставила новую порцию, предусмотрительно оставшись возле плиты.

Глава 4

Огонь в камине догорел, оставив лишь тлеющие угли, отбрасывающие оранжевые всполохи на все помещение. Комната была укрыта полутеньями, частично скрывая окружающую обстановку. Там, где еще пару часов назад сидела Ольга, читая феям-крошкам книгу об Италии, растянулась на животе Фир, одетая в домашнюю майку и леггинсы. Правда, майка сейчас была высоко задрана. Над ней, стоя на коленях, невозмутимо возвышался Эккарт. На нем была тонкая футболка и просторные спортивные брюки. Заколов

назад влажные после душа волосы, оборотень исполнял данное обещание.

— Да-а-а! — простонала Шапка, — чуть пониже!

Он покорно передвинул пальцы вниз, поглаживающими движениями надавливая на мышцы спины. И продолжил говорить:

— И что самое странное, я ощущал не только запах Детей Миля, но и Фоморов. Поправь меня, если я ошибаюсь, но ты же говорила, что почти все Фоморы остались во внутренних холмах, чтобы жить рядом с сидхе?

— Хм... — Фир положила ладони под подбородок, задумчиво глядя перед собой. — Ну, некоторые остались, ты сам знаешь.

Эккарт кивнул, вспомнив давний случай. Он уже потерял зрение, поэтому не мог видеть фомори, но морской запах с привкусом рыбы отчетливо отпечатался в мозгу оборотня. Судя по рассказам и звукам, которые он слышал, существо впечатляло внешним видом. Впрочем, по рассказам Беленуса, все Фоморы были... со странностями. Либо ослепляющее красивы, либо точно так же отталкивающе уродливы. Они были полны магии и ужасающе сильны. Единственное, чего не понимал Эккарт, как Тауты смогли победить Фоморов в сражении и заставить последних принять почти рабское положение.

— Но, — продолжила Шапка, — некоторые Фоморы не смирились с таким положением. Особенно молодые и достаточно сильные. А кого-то просто изгнали. Они ушли на поверхность, решив построить другое общество. А вот что было потом, никто не знает...

— Значит, — перебил ее Эккарт, — мы тоже не можем ожидать чего-то определенного.

— Угу, — подтвердила девушка скорее для себя. — Они могут оказаться как охотниками за Детями Миля, так и их союзниками в охоте на нас самих.

— В чем у нас минусы ситуации? — спросил Эккарт, продолжая делать массаж.

— Помнишь, я говорила тебе, что меня с детства учили драться?

— Да.

— Моим учителем был фомор, Ллиг. — Фир помолчала и продолжила. — Он не был хорошим воином по меркам расы. Но большинство шрамов на моем теле — его работа. Не потому, что я плохо училась. Просто он был быстрее, сильнее и лучше меня.

— А сейчас?

— Я не знаю.

Эккарт нагнулся, поцеловав Фир в макушку. Обтянул на ней майку и встал, подав руку девушке. Шапка, смеясь, схватила протянутую ладонь и потянула оборотня на себя. С улыбкой Эккарт прилег рядом, начав пальцами выписывать защитные знаки на животе любимой.

— Значит, делаем так, — начал он. — Никто не ходит по одному. Все берут с собой мобильники. Ану мы сопровождаем везде.

— Не выходить за пределы дома без особой надобности, — продолжила Фир. — Отложить все не срочные дела на «потом». Усилить контроль над периметром возле дома. Я бы еще предложила подключить фей-крошек, но для них пока слишком холодно.

— Может, — задумчиво пробормотал Эккарт, — было бы хорошей идеей позвать Дарена?

— Очень хорошей, — подтвердила Шапка, — но ты же знаешь сложности. Поэтому просто попытаемся узнать, почему объявились Фоморы, и что тут делают Дети Миля. Может, они просто проездом...

— Угу, посмотреть, чем это мы тут занимаемся, — серьезно поддакнул оборотень.

— Эй! — засмеялась Фир. — Я тут, между прочим, пытаюсь быть оптимисткой!

Ллариг шутливо толкнула мужчину в плечо. Он поймал тонкую женскую руку и потерся подбородком о длинные пальцы. Фир подтянула к себе любимого и начала целовать шрамы на щеках.

— А чем это вы тут занимаетесь? — Женский голос, неприлично бодрый для раннего утра, прокатился по комнате.

— С добрым утром, Оллин! — Так же бодро отрапортовал Эккарт в ответ.

— Угу, — буркнула Фир.

У ведьмы был просто талант появляться в самые интересные моменты. Иногда Шапке казалось, что Ольга намеренно так делает. Хотя, конечно же, это было совсем не так.

— Ты вовремя, — заявил оборотень. — У нас к тебе разговор.

Фир приподняла бровь, выражая недоумение. А потом поняла, что хотел сказать ее любимый. И, естественно, поддержала:

— Тебе не пора отпуск взять, девочка моя?

— Зачем? — Недоуменно моргнула ведьмочка. — Я вполне хорошо себя чувствую, работы мало, практика в иностранных языках... Не нужен мне отпуск!

— Нам нужно поговорить. Со всеми, кто живет в доме, — загадочно продолжил оборотень. — Ты не разбудишь Ану и старейшину пикси?

Ольга подозрительно посмотрела на парочку, удобно устроившуюся у камина. Не найдя ни следа веселья в выражениях их лиц, брюнетка кивнула и направилась вверх.

— И Беленуса с Аили позвать не забудь! — Крикнула ей вдогонку Фир.

В ответ донесся полный страдания стон и замечание, что будить всех в шесть утра, это очень здорово и, наверняка, благодарности не будет предела...

Кожаный диван прогнулся под двойным весом Эккарта и Фир. Оборотень вдохнул запах своей женщины и обнял ее, прижав крепче. Все-таки он был ужасным собственником не только по меркам сидхе, но и самих волков. За сотни лет, проведенных рядом с Фир, его чувства не поблекли, а даже становились сильнее с каждым годом. И черт его знает, говорил ли в нем волк, выбравший себе самку на всю жизнь, или фейри, для большинства которых любовь и влюбленность были даром *Богини*, который следовало трепетно хранить все время, отпущенное на существование...

Эккарт задумался, автоматически поглаживая Фир по плечу. В этом прикосновении не было ничего возбуждающего. Для волка внутри Ллариг была не только партнером по сексу, она была его *парой*. Продолжением самого себя, дающим и принимающим. Кроме того, как и у всех здоровых оборотней, у Эккарта существовала сильная потребность в прикосновении. У нормальных веров вообще не было внутренних блоков, обычно испытываемых людьми к прикосновениям. Объятия не обязательно были действием только сексуального характера. Они являлись способом выразить поддержку, заботу, нежность или просто поделиться теплом, и мужчина был рад, что Фир всегда понимает его действия верно.

Вервольф зарылся лицом в рыжие кудряшки своей партнерши. Возле самых корней, под запахом шампуня его зверь ощутил истинный аромат Ллариг. Удовлетворенный выдох взметнул ее волосы, прокатившись по коже горячей волной дыхания. Девушка засмеялась тепло и мягко, позволив любимому ощутить вибрацию от смеха, зародившегося в груди.

Если бы он мог, то прижал бы ее еще теснее, но это грозило переломами им обоим, поэтому Эккарт ограничился поцелуем в шею. Со стороны лестницы слышалось хмыканье Беленуса.

— Господин Моралист собственной персоной, — прошептал оборотень на ухо своей Geliebte. И уже в полный голос заявил, — Если ты завидуешь, зеленый человек[16], то делай это молча.

Беленус снова хмыкнул, явно сдерживая смех. Не смотря на тараканов в голове, бывший бог плодородия очень нравился Эккарту. От него пахло солнцем, зеленой листвой, зерном и сексом. Точно так же как и от Аили, стоящей прямо за спиной мужа. Когда-то давно, по словам Фир он был слаб и являлся куклой в играх других сидхе. Но встретив свою жену, разительно переменился, показав силу и ум достойные истинного Дитя Дану.

Однако даже сейчас волк внутри Эккарта не чувствовал, что Беленус равен ему по силе. По крайней мере, физически. Темноволосый не был вожаком, не был альфой и не стремился к власти и именно поэтому прекрасно уживался с оборотнем. С другой стороны Эккарт прекрасно понимал, что в интеллектуальном отношении Беленус намного его превосходит. Но это было совершенно не обидно. Бывший бог совершенно не кичился своим умом, но и, казалось, немного стеснялся своих способностей.

— Я-то гадал, почему домовой требует купить другой стол в кухню! — Наконец рассмеялся он, — а это вы там ужинали. Или, скорее, завтракали?

Аили обожала мужа. Беленус был единственным, с кем никогда не спорила эта миниатюрная, но очень властная женщина. Впрочем, командовать самим Эккартом она не пыталась, источая тонкий горьковатый запах страха, когда он приближался слишком близко. И, в принципе, оборотня это устраивало. Не хватало еще, чтобы этот маленький вечный двигатель включил его в свои планы! Порой волк не сомневался — если эти двое решат завоевать мир, Беленус спланирует, а Аили будет исполнителем — у них все пройдет как по маслу. Мужчина улыбнулся своим мыслям. Конечно же, он преувеличил. Наверное. По крайней мере, вервольф на это очень надеялся.

Подошедшая парочка заняла широкое кресло, приняв свою любимую позу — Беленус в кресле, эффектно положив ногу на ногу, а Аили на подлокотнике, поглаживая роскошные волосы мужа. Нет, Эккарт не мог этого видеть. Он просто слышал скрип кожи, когда сидхе рассаживались местам. И помнил рассказы Фир, которая частенько описывала ему все, что видела сама, чтобы оборотень мог представить происходящее, увидев ее глазами.

Ану вошла в окружении аромата, присущего только ей. Ну и Дарену, пожалуй. Хотя запах мужчины был отягощен тяжелым, сладко-металлическим привкусом крови. За все прошедшие годы Эккарт мог сравнить этот аромат лишь с запахом, который он почувствовал во сне. Ароматом *Богини*. Резкая, одурманивающая розовая нота и непонятные вкусовые оттенки, будто погружаешься во все, что тебе нравится, и, в то же время, не чувствуешь никаких запахов вообще. Единственное, что волк мог утверждать наверняка — ничего приятнее он в жизни не нюхал. От Ану пахло примерно так же, только тоньше, слабее. Будто не сам аромат, а его послевкусие. Такое, как у хороших дорогих духов.

Жрица поздоровалась со всеми, не скрывая улыбки в голосе. Иногда Эккарту казалось, будто она улыбается даже во сне. Ану редко удавалось застать хмурой, раздраженной или злой и почти никогда — плачущей. Удобно устроившись в своем любимом кресле, Жрица закинула длинные седые волосы за высокую спинку. Для оборотня звук шуршания по кожаной поверхности был ясным и четким.

Иногда он недоумевал, почему Жрица не срежет эту тяжелую копну. Ведь если старинный обычай сидхе отвергли даже оставшиеся на поверхности аристократы, то почему его так придерживаются в этом доме? Фир говорила что-то о воле *Богини*, о красоте и гордости сидхе, но Эккарт скептически относился к этим словам. Ну, какая разница, с какой прической будет ходить Жрица, если Боги все равно с ней не говорят? Хотя это были слова, которые мужчина никогда бы не высказал вслух. Он не хотел обидеть никого в этом доме. Даже случайно.

Последней пришла Ольга, на плече у которой сонно моргала старейшина фей-крошек, Кайла. Это Эккарту на ухо сообщила Фир, знающая, что заметить пикси, сидящего спокойно, для оборотня тяжеловато. Но он расслышал трепет тонких крылышек, когда феечка помахивала ими, помогая себе сохранять равновесие.

Компания расселась по привычным местам, как всегда подшучивая друг над другом, не смотря на столь раннее время. Хотя, казалось бы, любителей раннего пробуждения в доме не наблюдалось. Фир перебила их всех, начав пересказ вчерашних событий. Изредка ее прерывал сам Эккарт, дополняя версию Шапки, удобно устроившейся в его руках, своими комментариями. Он не видел, как по мере рассказа мрачнели лица сидящих рядом существ, но ощущал повисшее в комнате тягостное напряжение.

— Нам нужно затаиться, — задумчиво произнес Беленус. — Отложить все дела, не требующие срочного исполнения. Не выходить из дома по одному. Тщательнее проверять гостей. Составить план действий, чтобы узнать, что именно происходит.

До оборотня доносился шорох волос Аили, кивающей в такт словам мужа. «Как китайский болванчик» — говорила Ллариг про эту привычку, но Эккарт сам готов был кивать на каждое предложение. Он был доволен, что Беленус повторил их с Фир слова о необходимости быть осторожными.

— Я не могу! — Возмутилась Ольга. Похоже, она единственная не поняла, что происходит. — У меня туристы сегодня прилетают! Я даже раньше встала, чтобы вовремя выйти из дома!

— Тебе лучше отложить свои дела на какое-то время, — посоветовал ей бывший бог плодородия. — Возьми отпуск или уволься, но ходить по городу сейчас — значит, нарываться на крупные неприятности.

— Да брось ты, Беленус, — усмехнулась ведьма. — Ну что такого может со мной произойти? Центр города, толпа туристов под боком. Тем более что я на собственной машине все время или на автобусе с экскурсией.

— Оля, пожалуйста, — попросила Жрица, — не спорь.

— Но Ану!

— Если ты все еще настаиваешь на финансовой самостоятельности, — заметил Беленус, — то можно работать и находясь в доме. Интернет у нас имеется. Поскольку тебе так важна лингвистическая составляющая, займешься переводом книг для издательств или можешь помочь мне с клубом. Но выходить в одиночестве просто глупо.

— Хорошо... — недовольно пробормотала девушка. — Но сегодня мне просто необходимо поехать. Меня некому подменить. Света заболела, у Вики выходные, а Надя одна не справится.

— Оллин, это не игра, — родной голос прозвучал так, что Эккарт понял — Ллариг зла на беспечную ведьму. Для Фир Оля была ребенком, как и для большинства существ, живущих в этом доме. — Ты не знаешь, на что способны Дети Миля. А тем более — фоморы.

— Фи-и-ир, — затынула ведьмочка в ответ, — это же только на сегодня! Кроме того, мне все равно нужно будет заехать в офис. Заявление написать, мелочи разные доделать...

Оборотень кожей почувствовал тяжесть взглядов, повисших над Оллин, но ведьме все было нипочем. Вот упрямое и толстокожее существо!

— Сегодня только... — жалобно пискнула она.

— Ну ладно, ладно, — пробормотала Фир, закатив глаза под потолок. Эккарт знал, что лицо Шапки выражает крайнее недовольство. Но отказать ведьмочке, когда она просит, было очень непросто. — Тебя будет кто-то сопровождать. Весь день. Я настаиваю.

— Мы сможем помочь, — глава пикси перелетела на стол. Эккарт услышал, как ножки в крошечных туфельках осторожно ступают по стеклянной поверхности. — Один из нас может пробыть с ней весь день.

— Не слишком холодно? — спросила Ану. — Мне бы не хотелось, чтобы кому-то из маленького народца был причинен вред по нашей вине.

— Нет, нет! — Голосок феи звенел как колокольчик. — Это будет честью — помочь. Сопровождающий будет тепло одет. Я подберу того, кто в совершенстве владеет гламором[17], так что присутствие будет практически незаметным. А Оля наденет шарф, чтобы можно было спрятаться от ветра.

— Конечно, — поддакнула ведьма. — Такой спутник — просто высший класс! Гораздо удобнее будет. За мной не придется постоянно ходить.

— Если что-то случится, — нахмурился Эккарт, — пикси не сможет помочь.

— Нет, — ответила Кайла. — Но можно проследить действия противника, заметить детали и доложить. Когда-то мы этим славились. Ты уверен, оборотень, что навыки забыты?

Эккарт уверен не был, поэтому решил промолчать.

— Такой выход и вправду лучше, — заметил Беленус. — Даже вдвоем будет непросто оказать сопротивление Детям Миля. Они почти всегда ходят большими группами. Если фоморы все-таки на их стороне, то нам потребуется более тщательный план действий. Подвергать такому риску двоих — неразумно. А пикси всегда сможет убежать.

Кайла довольно кивнула, о чем Фир не преминула сообщить своему оборотню.

— Блин, что вы мрачные такие? — Удивилась ведьмочка. — Не случится со мной ничего!

— Возможно, ты права, — кивнул Эккарт, — но лично мне роль Фоморов не ясна. Чертовски интересно, что делал их запах рядом с Детьми Миля.

— Ты имеешь в виду возможность, что фомор охотится не на нас? — Уточнил Беленус.

Глаза длинноволосого застыли, пока он тщательно обдумывал все возможности. Фир говорила, что бывший бог в такие моменты выглядит довольно красиво. Ее понятия о красоте имели собственные критерии, превращая недвижимого мужчину в нечто привлекательное. Не сексуальное, а просто притягательное зрелище. Для оборотня все выглядело проще. Беленус переставал издавать все звуки, кроме редкого дыхания, превращаясь в подобие статуи. Наконец мужчина в кресле подернул плечами.

— Слишком мало информации, — заключил он. — Подождем, посмотрим, что случится дальше.

Его предложение никому странным не показалось. Да и плана лучше не было.

Пот стекал по коже Фир, оставляя влажные метки на спине и подмышками. Образовывал влажные дорожки на груди, скатываясь вниз. Срывался тяжелыми каплями при резких движениях и ударялся о напольное покрытие, пружинящее под ногами. Девушка заметила, как расширяются ноздри оборотня, выхватывая мельчайшие частички ее аромата из воздуха. Это очень... возбуждало.

Ллариг сделала обманное движение, ударив с другой стороны. Эккарт развернулся, будто в диковинном танце, с кажущейся легкостью выскользнув из зоны, на которую она была нацелена. Оказавшись за спиной партнерши, толкнул ее, заставив упасть на колено. Не оборачиваясь, девушка попробовала ударить его локтем, но оборотень успел блокировать удар и завести ее руку назад, чтобы обездвигнуть.

Фир хлопнула свободной ладонью о покрытие татами, показав — раунд окончен, но Эккарт не спешил отпускать свою грозную воительницу, ослабив захват и обхватив ее за талию, чтобы Шапка могла опереться о пол обеими руками. Вервольф приподнял косу, заплетенную Ллариг на время тренировки, и слизнул капельки пота с женской шеи. Хриплый выдох вырвался из ее горла, заставив мужчину задыхаться чаще.

— Ты так замечательно пахнешь... — прошептал оборотень.

От звука его голоса у Фир приподнялись волоски на затылке, и сладко заныло в паху. Если бы девушка стояла в такой позе самостоятельно, то непременно рухнула бы на пол.

— Такая вкусная... — мужчина снова лизнул ее в шею, — но, может, хватит играть? Попробуем по-настоящему? Я обещаю, что не позволю причинить вред никому из нас.

— Ладно, — ухмыльнулась Шапка. — Но просто так будет не интересно. Я хочу свой приз!

— И какой же приз хочет моя Geliebte? — Эккарт снова шептал ей на ухо, совершенно лишая Фир воли к сопротивлению.

— Желание, — пробормотала она, только чудом не теряя этой мысли.

— Желание? — Повторил за ней оборотень. — Да будет воля победителя?

— О, да! — выдохнула Шапка.

Эккарт поцеловал Фир в затылок и поднялся, все еще обхватывая ее за талию. Женщина развернулась, притянув мужчину вниз за плечи, чтобы поцеловать, но застыла, разглядывая любимое лицо. Столетия совершенно не изменили его, оставив Эккарта навсегда в возрасте примерно тридцати лет. Четкие, ясно очерченные линии подбородка. Высокие скулы. Красивая форма губ. Нос, как у греческой статуи. Высокий, в меру мускулистый оборотень был очень эффектным мужчиной.

Почувствовав ее взгляд, Эккарт вопросительно приподнял бровь, заставив сдвинуться шрамы на щеках. Когда-то давно Ansa рассказывал, что эти метки он получил во время ритуала. Символы мужества — вот как называл их сам мужчина. Но упоминать о них не любил, поэтому Фир расспрашивала только раз. Да и не так важно это было. Но самой примечательной деталью на лице Эккарта все-таки были глаза, обычно скрытые за стеклами темных очков. Абсолютно невидящие, с темными крапинками зрачков и радужкой синей, как лазурит... Которые, в волчьем обличье, изменяли цвет на золотисто-желтый и могли различить слабый свет и движения. Человеческие глаза не видели совершенно ничего.

Его пытались лечить в Праге в клинике для оборотней, основанной еще в 19 веке. Там работали самые лучшие врачи-веры, которых можно было найти на территории Европы. Стояло самое современное оборудование, которое можно было позволить себе за деньги. Но прогноз был не утешителен. Сделав кучу анализов, светила медицины создали на

консультацию лучших офтальмологов мира, долго удивляясь полученным результатам. Они не смогли сделать ничего. Органы зрения оказались в порядке. Вообще, оборотень был идеально здоров. Специалисты так и не поняли, почему он не видит.

Удерживая Эккарта очень близко, Фир провела большим пальцем по его нижней, слегка полноватой губе. Улыбка исчезла как по волшебству, оставив серьезное выражение на лице мужчины.

— О, да! — Выдохнул вервольф. — Желание!

Они разошлись по углам комнаты, потратив около тридцати секунд, чтобы полностью восстановить дыхание, и начали сходитьсь снова, плавными текучими движениями двигаясь навстречу друг другу. Мягко перетекая из одной стойки в другую, Фир напоминала большую кошку. А Эккарт откровенно пугал, используя в движениях тела такие мышцы, которых у человека вообще не может быть. На этот раз все, действительно, было по-настоящему: Холодный расчет действий; скупые движения, незаметные глазу; резкие удары, которыми, при желании, можно было бы пробить кирпичную стену.

Благодаря генам Дини Ши и Красных Шапок, Фир была сильна даже по меркам истинных сидхе. Ее предки со стороны матери питались ужасом, страхом и болью противника во время боя. Фир тоже могла вызывать эти чувства одним своим появлением, превращаясь в богиню-воительницу на любом поле боя. Со стороны отца Ллариг досталась специфическая магия этого вида фейри, позволяющая контролировать кровь в организме врага, вызывая гемофилию[18] и обширные кровотечения, зачастую без внешних ранений.

Эккарт был единственным, кто не уступал Фир в технике ведения боя. Будучи полуфейри, оборотень имел колоссальный запас мускульной силы и с легкостью мог бы, скажем, пробить пятисантиметровый лист стали кулаком. Перестройка костной и мышечной структуры организма по собственному желанию позволяла вервольфу перераспределить дополнительные нагрузки, увеличивая резервы и возможности во много раз. А фейрийская сущность подаренная *Богиней* позволяла блокировать возможные магические воздействия врага, в данном случае начисто отсекая беспричинные страх и ужас исходящие от Фир в моменты, когда девушка дралась по-настоящему. Кроме того, отлично развитые слух и обоняние позволяли предугадать действия противника за секунду до его свершения. Отсутствие зрения уже давно не мешало Эккарту.

Выпад. Бросок. Удар.

И тело звенит как натянутая струна.

Хлопок. Подскок. Кувырок.

И тяжелое дыхание вырывается из груди.

Прыжок. Подсечка. Глухой стук.

Глаза устремлены в потолок, а конечности прижаты к полу весом противника.

И желанный жаркий шепот на ухо:

— Да будет воля победителя... правда?

Ветер прогулялся в рыжих кудряшках сидящей на лавке девушки. Осторожно прошуршал прошлогодней листвой, недавно выползшей из-под снежных завалов зимы, но еще не успевшей просохнуть на холодном весеннем солнце. Взметнул прядь светлых волос оборотня, бросив ее владельцу прямо в лицо.

Эккарт вдохнул запахи, принесенные порывом, ощутив в ветре оплетающий дурман Ллариг, ароматы сада, ребенка, играющего в соседнем дворе и метки, оставленные здоровенным кобелем кавказской овчарки. Вервольф зарычал, недовольный чужим запахом на своей территории. Фир перестала качать ногой, прекращая вибрацию скамейки, и поинтересовалась:

— Что?

— Ничего, — буркнул Эккарт в ответ.

Вопреки своим собственным словам он сгреб женщину в охапку, посадил к себе на колени и уткнулся носом в вырез ее пальто.

— Ну, что? — засмеялась Шапка, обхватив голову мужчины руками.

— Ты странно пахнешь последние сутки, — буркнул он ей в свитер. — Я себя чувствую как подросток в полнолуние. Хочу пометить все чертовы деревья в этом саду. Хочу поубивать всех мужиков, которые сочтут тебя привлекательной. Хочу... тебя.

— Ну, — задумчиво ответила Фир, — я тебя тоже хочу. На счет мужиков, которых тебе хочется поубивать, — ты меня успокоил. Очень знакомое чувство, постоянно испытываемое к тем девкам, которые время от времени крутятся возле тебя. Даже, иногда, думаю, что я неадекватна. По поводу деревьев... ну, сделай... если тебе так легче станет...

Девушка засмеялась в голос, вероятно представив, как он будет осуществлять задуманное. Эккарт понял это и, заразившись ее весельем, тоже захохотал, испугав стайку воробьев, примостившихся на ветвях куста сирени.

— Но от тебя и правда странно пахнет, — отсмеявшись, снова заявил оборотень.

— Неприятно? — нахмурилась Шапка.

— Нет, — обнял ее вервольф. — Дурманяще. Возбуждающе. Маняще. Сексуально. Если озвучить человеческими словами — я съесть тебя готов. Не буквально, конечно. Но очень близко к тому, что я сейчас ощущаю.

Он передвинул Фир чуть ближе, заставив упереться бедром в его пах. Она тихо ахнула, ощутив, каким твердым и напряженным он был под плотной тканью штанов. Женщина попыталась аккуратно отодвинуться, чтобы не причинить ему боли неосторожным движением но нечаянно задела внутреннюю поверхность бедра мужчины. Он поморщился, прикрыв глаза, но не стал делать ничего, что ограничило бы движения Шапки.

— Ого, — оценила Фир, — сильно. Я в курсе, конечно, что тебя завожу. Но это уж очень как-то... мощно. Особенно после того, что было не кухне, в душе и комнате. Не то, чтобы мне не понравилось...

Внезапно Эккарт втянул в себя воздух, словно почувствовав что-то необычное, и тихо прошептал на ухо любимой: «Черт...»

— Тетя, а почему ты у дяди на ючках? Ты устала? — Детский голос совершенно не был испуганным, а вопросы так и сыпались из маленькой почемушки. — Почему вы смеялись? Кто тот маленький дядя с баядой? Вы тут живете? А у вас есть собака?

— Постой, дитя, — с трудом перебил ее оборотень, — ты откуда здесь появилась?

По запаху он понял, что ребенок был женского пола, лет пяти-семи и довольно тепло одет. Но Эккарт совершенно не представлял, что девочка тут делает, и как вообще могла попасть на территорию, огороженную сильными чарами.

— Я от мамы убежала, — весело произнесла их новоиспеченная головная боль, смешно коверкая слова. — У вас дядя майейкий-майейкий с баядой ходит в саду. Я хотела его поймать, а он убежал. И тогда я вас нашла.

— Гномы[19] проснулись, — вздохнула Фир, аккуратно отодвигаясь, застегивая на Эккарте пальто и надевая ему темные очки снятые обратном, когда они остались вдвоем. — Вот и бегают везде. Надо бы им сказать, чтобы не показывались в округе. Да еще и детям.

Эти маленькие и вздорные существа с длинными бородами и коротенькими быстрыми ножками обычно засыпали на всю зиму, просыпаясь ранней весной. Когда-то давно слывшие искусными ремесленниками, теперь они подрядились ухаживать за садом Жрицы, получая за это место для жилья и питание.

— А дядя с баядой — гномик, да? — Влезло мелкое шустрое существо.

— Да, — ответил вервольф. — Только его лучше не трогать, он кусается.

— Мама говйит, кусаться пйехо.

— Да, мама права, кусаться плохо, — Фир села, наконец, рядом с Эккартом. И прошептала на ухо обратню, — но иногда, очень приятно.

— Не говорить же это ребенку, — так же тихо сказал ей мужчина.

— А что ты дяде говойила? — Мгновенно отреагировала девочка.

— Что нужно поискать твою маму, — экспромтом выдала Шапка. — А если ты будешь хорошо себя вести, то дядя Эккарт посадит тебя на плечи, а я расскажу сказку.

Девочка кивнула. Очевидно, в ее понимании вести себя хорошо — это было сидеть тихо, иногда задавая вопросы. Ну, или петь песенку, которую она начала несколько минут назад, признавшись Фир, что пришла «оттуда» показывая на дом напротив. Попутно Эккарт узнал, что девочку зовут Леся, хотя это и звучало как «Йеся». Живет она с мамой и папой и ждет, когда родится братик или сестричка. Что в их доме красная крыша, а папа Леси недавно купил синюю машину... Но оборотень любил детей, точно также как и Ллариг, поэтому трескотня малышки совершенно не мешала.

Вера не находила себе места, потому что пропала Леся.

«Может, она решила поиграть внутри?» — В который раз подумала женщина. Да, ей вредно было волноваться, но с этим ребенком каждый день был полон приключений. Вера вздохнула и прошла в дом, зябко кутаясь в пальто. Она уже несколько раз проверила песочницу, сад, маленький огорожок и задний двор, но дочери нигде не было. Не могла же девочка убежать за ворота, что было ей строжайше запрещено?

— Господи, ну где же она? — Взволнованно прошептала женщина, заглядывая за диван. Это нелегко давалось в ее теперешнем, «очень беременном» состоянии.

Вера уже хотела подниматься на второй этаж, но перед этим выглянула в окно, желая убедиться, что Леся не появилась где-то снаружи. К дому приближалась пара, будто сошедшая с обложки модного журнала. Блондин в темных очках, ростом под два метра и рыжая красавица модельной внешности, увлеченно размахивающая руками. На плечах у мужчины, крепко держась маленькими ручками, сидел ребенок в ярко-красной курточке и шапочке зеленого цвета. Вера специально надевала на Лесю вещи ярких контрастных цветов, чтобы ребенка легче было заметить...

Вера выбежала из дома с сердцем, бьющимся как пойманная в силки птичка, а блондин уже аккуратно снял девочку со своих плеч, на которых она с комфортом ехала. Леся со всех ног бросилась к матери, на ходу рассказывая, что в саду у дяди и тети водятся гномики.

— Больше никогда, слышишь, никогда так не делай! — Заплакала Вера, падая на колени

и сжимая дочь в крепких объятьях. Девочка замолкла, испуганная слезами матери.

— Но, мамоська, там же гномик... — робко попробовала девочка, но женщина не слушала, продолжая тихо плакать. Представляя, какие ужасы могли поджидать ее ребенка вне огороженной территории. Ведь там же выезд на открытое шоссе, бродячие собаки, да и люди разные бывают...

— Ну что ж вы так, — мелодичный женский голос вторгся в сознание Веры, — все хорошо, Леся дома.

Вера подняла заплаканное лицо, взглянув на спасителей своей дочери.

Вблизи девушка оказалась еще красивее. Высокая, под стать своему спутнику, она была похожа на гибкую кошку. На лице, будто выточенном из белого мрамора, сияли большие зеленые глаза с красноватыми белками, обрамленные пушистыми рыжеватыми ресницами. Высокие скулы придавали лицу восточные черты, а полные четко очерченные губы так и притягивали взгляд. Густая копна волос, ярко-рыжих со всполохами медно-красного, рассыпалась по ее плечам, удерживаемая диковинной заколкой с зелеными драгоценными камнями. Девушка была одета в красное пальто с капюшоном, из-под которого выглядывали черные обтягивающие штаны и длинные, до колена, сапоги на плоской подошве.

Мужчина, стоящий за ней, был выше на целую голову. Хотя сама Вера едва-ли была бы ему по плечо. Светловолосый, одетый в черное пальто, похожее на шинель, с воротником-стойкой, большие тяжелые ботинки гриндерсы и темные потертые джинсы. У него были симметричные шрамы на щеках, а глаза закрывали темные очки. Встретив такого человека в темном переулке, любой с воплем побежал бы прочь, испуганный мощной силой, хорошо заметной во всей позе мужчины. Вот только сейчас его губы были изогнуты в легкой нежной улыбке, смягчающей общее выражение лица. Ну не могла Вера бояться того, кто так улыбается ей или ребенку!

— Позвольте вам помочь.

У него был приятный, чуть грубоватый голос. Мужчина шагнул вперед, с легкостью подняв хозяйку дома в воздух и поставив на ноги. Рыжеволосая тут же очутилась рядом, помогая Вере отряхнуться.

— Спасибо вам огромное, — горячо начала благодарить женщина, — за Лесю и вообще. Вы просто спасли нас!

— Ну что вы, — ответила девушка, — так бы каждый поступил на нашем месте. Нужно помогать друг другу, тогда все в жизни всегда будет удаваться. Кроме того, Леся — замечательный ребенок, и нам было очень приятно провести с ней немного времени. Правда, милый?

Рыжеволосая повернулась, потянув мужчину за руку, и он скупно кивнул в ответ.

— Может быть, мы пройдем в дом, и я налью вам чаю? — предложила Вера.

— Спасибо, но нам нужно возвращаться, — отказалась девушка, — нас дома ждут.

Она указала на трехэтажный особняк вдалеке, наполовину скрытый за садовыми деревьями. Впрочем, если бы все это великолепие было зеленым и цветущим, Вере бы не удалось рассмотреть даже крыши.

— Вы Лесю, на всякий случай, в наш сад гулять не пускайте, — предупредил мужчина. — У нас собака иногда с цепи срывается и любит по периметру побегать. Очень большой кобель. Не хотелось бы, чтобы ребенок напугался.

Вера кивнула, мимоходом заметив, как рыжая пожала пальцы на левой руке блондина.

Он ответил на ее жест, плотно обхватив тоненькую руку своей ладонью. Так нежно, будто его спутница была стеклянной.

— Вы молодожены? — Полубопытствовала женщина. После нескольких лет брака и большого количества пережившихся друзей она твердо знала, что у большинства пар нежность напоказ из отношений уходит после года совместной жизни.

— Нет, мы еще не женаты, — улыбнувшись, ответила девушка. — У нас в семье принято жениться и выходить замуж, только если пара ждет общего ребенка.

Веру впечатлил подобный обычай, о котором она никогда не слышала. Но она решила не заострять на этом внимания. Тем более что странный чужой голос, вырвавшийся из ее собственного рта, произнес:

— Вы поженитесь уже очень скоро, как и было обещано.

Рыжеволосая охнула, подняв ладонь к губам, а мужчина перестал улыбаться, всей своей позой выражая недоверие.

— Простите, — поспешила извиниться Вера, — я совсем не это хотела сказать...

— Что вы! — перебила ее девушка, — это замечательная фраза! Спасибо!

Блондин улыбнулся еще более широкой, почти мальчишеской улыбкой и тоже сказал «спасибо». Таким голосом, будто благодарил за подарок, ожидаемый еще очень нескоро. Потом он повернулся к своей спутнице и, смеясь, легко закинул девушку к себе на плечо.

— Было приятно познакомиться, — его улыбка, казалось, могла затмить яркое весеннее солнце. Блондин повернулся и широким размашистым шагом пошел к своему дому, одной рукой придерживая свою рыжую спутницу.

— До свидания! — Улыбающаяся девушка помахала Вере и Лесе, с интересом следившей за разговором взрослых.

Женщина по инерции помахала в ответ. Не смотря на странности в поведении, пара ей очень понравилась.

— Ну что, пошли в дом?

Вера взяла дочь за руку и повела в тепло.

Глава 6

— Держи.

Крупное зеленое яблоко, заботливо вложенное теплыми мужскими пальцами, оказалось в женской ладони. Фир нежно улыбнулась с тем самым выражением, которое так часто можно было увидеть на ее прекрасном лице рядом с любимым.

— Ты меня балуешь? — Тихо спросила она.

Не было нужды повышать голос. Они всегда прекрасно слышали друг друга.

— Конечно, — согласился он, целуя тонкую бледную кожу ее виска. — И собираюсь делать эти вещи еще очень долго.

— Какие вещи? — Улыбка стала озорной, делая девушку похожей на задорного бесенка.

— Баловать тебя, — ответил мужчина, улыбаясь ей в ответ.

Они сидели на диване вместе. Фир крепко обнимала вервольфа, держащего гитару. Их поза была настолько привычна для обитателей дома, что если бы один из парочки отсутствовал, то другого обязательно спросили, что же произошло. Даже мысли у них были схожи — каждый думал о симпатичной беременной женщине, которая произнесла безумно важную для них обоих вещь.

На город мерно спускался вечер, быстро окрашивая все в темные насыщенные цвета. В доме царствовали звуки музыки, извлекаемые из инструмента умелыми руками Экарта. Впервые гитару в руки он взял в пятнадцатом веке, когда она еще имела пять струн. И после этого не выпускал, предпочитая изобретенную в восемнадцатом столетии шестиструнку, или электрогитару, которую смог приобрести лишь в конце двадцатого. А вот петь оборотень не любил, хотя у него был очень красивый голос. Вместо этого он предпочитал аккомпанировать Фир, утверждая, что у девушки голос, как у ангела. Впрочем, те, кто слышал пение Шапки, и не думали спорить. Пока им не удавалось услышать дуэт парочки.

Ллариг пела вдохновенно. Ее песни о любви способны были вызвать слезы на глазах слушателя. А вот играть на каких-либо инструментах Шапка не любила, хотя прекрасно владела скрипкой. Но сегодня отнюдь не пение занимало мысли Ллариг.

Фир всегда хотела родить Экарту ребенка. Конечно, у него уже были дети. Очаровательные мальчики-близняшки, которых боготворили не только отец и приемная мать, но и все обитатели дома. Вот только Маккон и Конхенн давно выросли, выбрав свою дорогу в жизни и, насколько сильно не любила бы их Фир, они не были ее родными детьми. Несмотря на прошедшие годы, Шапка отчетливо помнила сделанное Жрицей предсказание.

Той зимой было необычайно тепло, а Экарт, только появившийся в ее жизни уже начал занимать в ней одно из центральных положений. Будучи по рождению человеком, ее любимый должен был прожить тот срок, который с рождения отпущен любому смертному и редко превышал сто лет. Если бы он сразу был рожден наполовину оборотнем, то получил бы еще примерно сто лет жизни в запасе, но что такое эти сто лет для практически бессмертной сидхе? Естественно, Фир Ллариг начала искать выход из этого положения, надеясь выторговать для любимого еще несколько сотен лет жизни или, хотя бы, право для себя умереть вместе с ним. А кто мог ответить на такой вопрос лучше, чем сама Великая Даннан?

В то время Богиня говорила через Жрицу, позволяя просить и задавать вопросы. И Фир решилась — спросила все, о чем хотела знать, получив четкий ответ: *«Левая Рука Богини не существует без Правой, мое милое дитя. Для тех, кто предназначен быть вместе, — иной исход как маленькая смерть. Я не обреку на страдание тебя или его за ту любовь, которую вы дарите миру и друг другу. Но все нуждается в балансе. Поэтому вы будете любить, но не принадлежать. Только получив продолжение в детях, пара ваша станет полной. И это обязательно будет, но придется потерпеть и сделать выбор, чтобы получить желаемое. Помни, любовь — ключ ко всему. А пока... будь его глазами».*

Было еще кое-что, напрямую связанное с появлением ребенка от любимого. Легенда, старая настолько, что вспомнить ее смог только Беленус. Когда у фейри, которые предназначены друг другу, появляется общий ребенок, над сердцем у каждого из пары появляется имя любимого. Будто благословение, которое всегда с тобой. Возможно, Фир не поверила бы этой старой сказке, если бы не отчетливые руны цвета запекшейся крови «Сладость», мельком увиденные на груди самого Беленуса. Именно это значило имя Аили. Конечно, Ллариг отдавала себе отчет в том, что это желание глупое, но ничего не могла с собой поделать.

Волновало то, какой она будет матерью для своего ребенка. Фир воспитывала

близнецов вместе с Эккартом, но была им скорее другом, чем матерью. С ними не было пеленок, хныканий по ночам и прочих вещей, от которых так устают молодые матери и отцы, потому что детям было примерно пять лет, когда они только встретились. Да и болели близняшки не часто. Переняв волчьи гены отца, мальчики были рождены верами, поэтому легко переносили повышенные и пониженные температуры, быстро бегали и хорошо кушали все, что могли найти... с чем было связано немало смешных воспоминаний. Этих детей Фир любила очень сильно и сделала бы для них все, что могла. Но... собственный ребенок?

Эти мысли плясали в голове Шапки, приправленные воспоминаниями. Изредка девушка тихо вздыхала, прижимаясь к оборотню, сидящему рядом и задумчиво перебирающему струны гитары. В ответ он целовал Фир в висок или в губы, а иногда и вовсе откладывал инструмент, обнимая Ллариг, зарываясь лицом в рыжие кудряшки ее волос.

У Эккарта были свои причины для беспокойства — его первая жена умерла при родах, оставив мужчину вдовцом, а маленьких близняшек — сиротками. Нет, он не был безумно влюблен в девочку, навязанную в жены родственниками, но она была достаточно доброй и терпеливой, чтобы снискать его хорошее отношение. А теперь больше всего вервольф боялся что Фир — его любимая, сильная, нежная и такая прекрасная — не сможет выносить ребенка или умрет при родах. В глубине души его пугала неизвестность, эти странные расплывчатые предсказания верховной Богини сидхе, с которой он когда-то торговался, чтобы получить бессмертие для себя и своих сыновей. Но в одном вервольф был уверен твердо — ни единой секунды с Фир он не променял бы ни на что.

Сама медицина, далеко ушедшая вперед с того времени, когда родились его сыновья, не внушала Эккарту особого доверия. Или слова *Богини*, которые говорили только о том, что ребенок все-таки родится. Ведь *Она* же не сказала твердо, что его *Geliebte* или сам малыш будет в порядке... поэтому, оборотень совсем не был уверен, что хочет иметь ребенка. Но предсказания подчас хуже смертного приговора, который нельзя отсрочить. Насколько стало бы проще, появись возможность решить все своими силами. Забрать все горести и беды у любимого человека, принять на себя вместо нее всю боль и слышать только чудесный смех...

— Спой мне, — попросил оборотень, вновь перебирая струны.

— Дуэт, — покачала головой Шапка.

Мужчина кивнул и начал наигрывать знакомую им обоим мелодию. «Una pothe mas». По дому разнеслись звуки гитары и двух удивительных голосов, рассказывающих об одной единственной ночи любви. Никто не заметил застывшую на лестнице между первым и вторым этажами Жрицу, по щекам которой бежали слезы...

Стук в дверь был таким слабым, что если бы не звериный слух оборотня, его бы и не заметили вовсе, обрекая гостя на медленное замерзание в сумерках. Пришедший был слаб, измучен и скудно одет в грязное, длинное и, как показалось Фир, женское пальто, похожее по фасону на то, которое носила Оля. Впустив гостя, Шапка отступила вглубь дома, с удивлением отметив, что парень босой, а на его лице будто танцевали джигу все соседские кошки с выпущенными когтями. Глядя на несмело вошедшего паренька, Ллариг вопросительно изогнула бровь. Подросток, едва доходивший ей до плеча, мрачно-молчаливо оглядывал прихожую. Его спутанные грязные вихры неопределенного цвета торчали в

разные стороны, придавая парню вид птенца, выпавшего из гнезда и сразу же попавшего в лапы к кошке, а затем чудом спасшегося по прихоти странной судьбы. Карие глаза с золотистым отливом радужки закончили свое путешествие по помещению и остановились над плечом Ллариг.

— Рысь, — констатировал мужской голос над плечом Шапки.

Левая рука Эккарта обвила талию Фир. В присутствии других веров мужчина часто неосознанно подчеркивал собственническое отношение к женщине, что безумно нравилось самой Ллариг. В ответ подросток по-кошачьи зашипел и попятился назад к входной двери. Ноздри на худом изможденном лице расширялись, поглощая окружающие парня запахи, а зрачки стали удлиняться, принимая вертикальное положение.

— Тише, Рысенок, — успокаивающе проговорил Эккарт, — тут тебя никто умышленно не обидит.

— Откуда вы знаете, что я ... такой?! — Будто через силу проговорил парень.

— Потому что я тоже такой, — серьезно ответил вервольф.

— Докажите! — Потребовал подросток, жадно следя глазами за парочкой, стоящей прямо перед ним.

Тело паренька было напряжено, как сжатая пружина, будто он был готов в любой момент сорваться с места и отпрыгнуть к входной двери, чтобы сбежать. Эккарт вытянул вперед правую руку и сосредоточился. Шапку обдало жаром от большого мужского тела, на которое женщина опиралась спиной, но на изменения оборотня она не обратила никакого внимания. Ллариг глядела на паренька, стоящего напротив, а тот уставился на них, широко открыв глаза. Мышцы на руке вервольфа стали истончаться. Суставы с влажными хлюпающими звуками сокращались и передвигались, занимая новое положение. Когти отвердели и вылезли из-под кожи укоротившихся на глазах пальцев.

— Доволен? — Спросил мужчина у паренька, глаза которого уже почти вылезли из орбит.

— Я так не смогу... — пробормотал себе под нос гость и... заплакал.

— Значит, сон приснился, — задумчиво уточнила Ану.

Женщина вышла на шум, легко успокоив мальчика ласковыми словами. Он доверился хозяйке дома так сильно, что разрешил переодеть себя в огромный пушистый халат белого цвета, принадлежащий мужчине по имени Беленус. Подросток был миниатюрен по сравнению с рослыми мужчинами-сидхе, живущими в доме, поэтому другую одежду для него подобрать не удалось. Он был удивлен и немного испуган — никто не задавал вопросов ни по поводу синяка, расплзшегося на левой стороне его тела (результат аварии, в которую он попал утром); ни откуда он пришел и чего хочет... Даже имя его не спросили, пока парень сам не решил представиться.

Вадим решил все рассказать, когда немного отошел от шока. Рослый блондин в черных очках оказался оборотнем, как и он сам. Теперь, наблюдая за тем, как мужчина ест, вдыхая его запах и видя улыбку, Вадим готов был признать его сородичем, хотя... блондин не был рысью, это точно. Его повадки и движения не были кошачьими. Легкие и плавные, да, но мощные и уверенные, как у того, кто рассчитывает на грубую силу больше, чем на ловкость или увертливость.

— Держи.

Перед носом у парня появилась кружка со сладким запахом шоколада. Какао. Глаза снова защипало, а нижняя губа предательски задрожала. Не помогало даже самовнушение, что он уже большой, и плакать — это не по-мужски. В последний раз он пил этот напиток на той неделе еще до смерти бабушки, которая его растила. О других родственниках Вадим не знал. Мать бросила его в деревне на попечении старушки, когда он еще был двухлетним малышом. Отца мальчик тоже не видел, предполагая, что эта мифическая фигура была лишь эпизодом в жизни женщины, которая его родила.

Бабушка — бывший преподаватель в гуманитарном ВУЗе — растила внука в спартанских условиях, требуя намного больше, чем нужно было знать по школьной программе, поэтому мальчик был достаточно образован. Впрочем, он совершенно не отдавал себе в этом отчет, потому что в школе никогда не был «по состоянию здоровья», как говорила бабушка. Только потом, лет в двенадцать, он понял, что пресловутое состояние здоровья означало дикие боли во время полнолуния, желание выть, мяукать и наконец, превращение в огромную кошку, почти растерявшую остатки человечности. Друзей у него не было. Сверстники общались со странным мальчиком неохотно, а после начавшихся в организме изменений Вадим и сам воспринимал остальных детей, как жителей другой планеты.

Мальчик честно спрашивал у бабушки, почему он такой. Она совершенно честно не могла ответить, пока однажды не выпалила в отчаянии, что, видимо Вадим пошел в отца, потому что ее дочка «нормальная». Слышать такое было горько и противно, но от деревенских жителей мальчик слышал выражения и похуже, а бабушка была единственным человеком, показавшим ему хоть какое-то подобие любви, поэтому Вадим думал, что такие отношения нормальны. Теперь, в компании этих странных людей, без возражений принявших Вадима, даже зная о его «ненормальности», среди которых был такой же как и он, не человек, парень растерялся. За все пятнадцать лет своей жизни он не видел других оборотней. Не видел таких явных проявлений чувств, какие оказывали друг другу эти люди. Не наигранных, чистых, абсолютно привычных и естественных.

— Быть может, ты расскажешь нам свой сон? — Аккуратно уточнила Ану, женщина очень молодая и красивая, с длинными и непонятно почему седыми волосами.

Вадим кивнул и начал рассказ. О, ему совсем не нужно напрягаться, чтобы вспомнить. Сон отпечатался в памяти так, будто все происходило на самом деле. Ему снилась мама, которую мальчик никогда не видал. Такая красивая, добрая и ласковая. Она была в накидке с капюшоном и сладко пахла свежесобранными яблоками. Да, он не видел ее лица, но был уверен, что это мама, та, которая любит его и ради которой можно сделать все-все в мире! Она сказала, что бабушка умрет, потому что у старых людей слабое сердце. Сказала, что за ним никто не приедет, поэтому он должен прийти сам. Сказала, что нужно путешествовать в виде рыси и быть аккуратным. Сказала, куда и как идти и где найти одежду после превращения назад, в человека. Сказала, что здесь его ждут те, кто сможет о нем позаботиться, и что будет тот, о ком он сам будет заботиться...

Вадим смущенно замолк, видя, что его речь не просто произвела впечатление, но и заставила задуматься его новых знакомых.

— Ну, дела... — покачала головой рыжеволосая женщина по имени Фир, недавно целовавшая светловолосого оборотня прямо в губы.

— Ну, что ж... — задумчиво улыбнулась Ану, — будь нашим гостем. Но по правилам

веров мы должны сообщить в Дом Оборотней, что у Семьи Рысей есть новенький.

— Что за Дом Оборотней и Семья Рысей? — Взволнованно встрепенулся Вадим. Неужели хотят прогнать или сдать в специальный приют для таких как он «ненормальных»?

— Дом Оборотней, — начал рассказывать мужчина, которого звали Эккарт, — это что-то типа центрального управления. Там тебе помогут, если будет нужно. Найдут работу, подыщут жилье, решат проблемы с другими видами оборотней, рассмотрят жалобу. У них же все оборотни города становятся на учет и проходят медосмотры. Своя больница для веров, центр реабилитации... Они много что делают.

— А с Семейей Рысей все просто, — перебила его Фир. — Все оборотни делятся на видь и в зависимости от твоей второй ипостаси, у тебя будет семья, которая тебе будет помогать, если нужно. Деньги, обучение, работа, поиск пары. Если захочешь — тебя с радостью усыновят, потому что родить ребенка женщина-оборотень не может. Любая пара захочет, чтобы ты был их сыном. Насколько я знаю, в городе около пятнадцати рысей-оборотней. Тебе только нужно выразить разумное желание, и тебе поможет любой из них.

— Сейчас у них представители по фамилии Кот, — продолжил Эккарт. — Своеобразная пара. У Виктора свой учебный центр восточных единоборств. Думаю, тебе будет интересно с ними познакомиться.

— В любом случае, — закончила за них всех Ану, — ты сам выберешь, что делать. Захочешь — останешься с нами, а нет — всегда есть куда пойти.

Вадим сидел, задумчиво мешая какао ложкой. Это определенно было больше, чем то, на что рассчитывал мальчик, придя в чужой дом. Он задумался настолько, что почти выпустил из виду странные слова, которые запомнил во сне.

— Подождите! — Булькнула ложка, какао выплеснулось на стол, но парнишка не обратил на это никакого внимания. — Она сказала, запах одежды поможет! Женщина из сна!

Вадим чуть было не сказал «мама», но вовремя заменил слово. Мальчику не хотелось, чтобы над ним смеялись или не так поняли то, что он видел. Это было бы... неправильно.

— Фир, дай-ка мне пальто, в котором мальчик пришел, — задумчиво попросил мужчина.

Она кивнула и пошла к стулу, на котором висела уже ненужная вещь. Взяла в руки, расправила в воздухе, поднесла к носу и нахмурилась. Подала оборотню и задумчиво застыла рядом. Мужчина поднес ткань к носу, глубоко вдохнул. Раз. Другой.

— Ч-черт! — Выдохнул он наконец. — Это запах Оллин. В чем она уходила утром?

— Ее провожала Аили, — шепотом сказала побледневшая Жрица, — они в кабинете с Беленусом, общаются с нашими представителями на бирже...

Оборотень и рыжеволосая женщина поспешно вышли, оставив Вадима с Ану на кухне. Женщина тревожно проводила парочку глазами, шепча что-то на странном языке, который парень не знал. А потом предложила мальчику поесть, будто знала, что после превращений голод донимает его особенно сильно.

— Потом тебе нужно будет вымыться, — задумчиво сказала она, — и лечь спать. Завтра заедем в магазин, оденем тебя и съездим в Дом Оборотней. А с Олей будет все хорошо. Должно быть.

Но тяжелый вздох Ану почему-то совершенно не обнадеживал...

В этот поздний весенний вечер было темно и тихо. Нет, не настолько, чтобы морозец сковал лужи прозрачной корочкой льда — это происходит ближе к утру — но холод все равно безраздельно царствовал на улице. Ветер играл голыми ветками деревьев, заставляя поздних прохожих повыше поднимать воротники в надежде, что зябкие порывы не станут забираться под одежду. Маленький синий автомобиль, принадлежащий Ольге, сиротливо стоял на временной стоянке возле офиса компании, где работала ведьмочка.

Парочка синхронно вышла из машины, настороженно прислушиваясь к окружающему пейзажу. Вадим после некоторых расспросов сориентировался по карте города и смог вполне внятно указать, где он взял пальто. Фир с Эккартом сразу же помчались на место.

— И, все же, я не понимаю, — хмуро проговорила Ллариг, глядя прямо перед собой, — как голый мальчишка смог незаметно подобрать пальто почти в центре города? Как он добрался до нас потом? Почему его не заметили, если, как он сам говорит, был в ипостаси рыси?

Почти осязаемая злость давно клубилась возле Шапки, распугивая случайных прохожих, которые имели несчастье оказаться возле машины на светофорах или как сейчас — на парковке. Фир прекрасно понимала это, специально не стараясь смягчить выражение лица или агрессивную позу, которую тело принимало уже автоматически. Вот и теперь мужчина на другой стороне улицы втянул шею и приподнял плечи, пытаясь спрятаться от неприятного чувства. А потом вовсе ускорил шаг, решив, что хочет домой сильнее, чем обычно.

— Ты же знаешь, люди видят только то, что хотят видеть, — Эккарт пожал плечами. Казалось, на него совершенно не действовала мрачная аура Ллариг, заставляющая все живое в радиусе километра трепетать и убираться подальше. — Он сказал, что пробирался дворами. В темноте не так уж заметно. Наверняка прохожие думали, что это большая собака и просто решили не подходить. А он еще и пальто на себе тащил. Перекинулся уже возле нашего дома.

Вервольфу, по большому счету, было наплевать на мнение окружающих. Его внушительная фигура и вечно серьезное выражение лица украшенного шрамами, обычно производили на собеседников пугающее впечатление. Так что первая реакция других людей давно стала чем-то ожидаемым.

— Завтра же сама отвезу его к Виктору, пускай там и остается, — мрачно пробормотала Фир.

Вервольф не винил ее за желание поскорее избавиться от мальчика. Учитывая появление Детей Миля и фоморов, сейчас у них будет и так много проблем, чтобы еще приглядывать за подростком, который другого оборотня видит в первый раз. Семья поможет ему освоиться, научит самоконтролю и многим вещам, которые необходимо знать оборотню в этом мире, чтобы не просто выжить, а устроиться в жизни комфортно.

Оборотни женского пола не могли вынашивать детей. Это было связано с изменениями тела во время трансформации, провоцировавшими выкидыш. Конечно, веры работавшие в медицине, пытались найти выход, но пока безуспешно. Поэтому обычно детей усыновляли — либо зараженных, либо рожденных от матери-человека. Очень редко брали приемного ребенка, который имел только человеческие гены, обычно потом, заражая его намеренно, чтобы продолжить популяцию. Поэтому, слова о том, что Вадима с удовольствием возьмет любая из семей Рысей, были правдивы. Но, в любом случае, об этом следовало подумать

позже.

— Лови.

В руки Эккарта полетел шелестящий черный пакет. Фир всегда складывала вещи, которыми планировали пользоваться они оба, в такие мешки, чтобы оборотень легко мог найти или поймать нужную вещь. Еще раньше Шапка пришивала на общие сумки маленькие бубенцы. Она делала вид, что поступает так для себя. Он — что верит маленькой хитрости, позволявшей сохранить самостоятельность. И оба были довольны. Сладкий и нежный аромат женского тела с оттенком фиалки доносился из пакета, легко окутывая вервольфа. Ночная рубашка, наспех захваченная из комнаты Ольги, хранила естественный сильно выраженный аромат девушки, смешанный с ее любимыми духами. Фир специально захватила вещь, которую ведьмочка надевала недавно, чтобы Эккарт смог точно сравнить запахи. Конечно, в виде волка его обоняние было в разы сильнее, но, по известным причинам, оборотень не очень охотно пользовался своей второй ипостасью без особой, очень острой нужды.

Эккарт сконцентрировался и начал обходить стоянку, время от времени наклоняясь, дотрагиваясь до земли и поднося руку к носу. Обойдя полный круг, вервольф вернулся к Ллариг, обнял девушку и уткнулся ей в шею, глубоко вдыхая женский запах.

— М? — Фир издала вопросительный возглас, побуждая мужчину все рассказать. Он еще раз глубоко вдохнул, отошел к машине Оллин и начал.

— Она подошла к своему опелю, — кивнул Эккарт на синий корса, — начала открывать замок, а сзади подошли двое. У одного из них была салфетка, смоченная хлороформом, которая сейчас валяется на газоне слева. Скорее всего, они сделали вид, будто девушке стало плохо. Тем более что тут не так много народа ходит.

— Хлороформ... — поморщилась Ллариг. — У людей от него потом дико болит голова, и пить хочется.

— Один из них подхватил Оллин на руки, — продолжил вервольф, отходя чуть вдаль, — и понес ее вот сюда.

Мужчина присел на корточки, дотронулся до асфальта пальцами и поднес ладонь к лицу, бесшумно вдохнув запах. Потом взял у Фир салфетку и тщательно вытер руки.

— Ее увезли прямо с этого места. Скорее всего, на иномарке. У них масло чуть подтекает, несерьезно, так. На резине очень стойкий запах стройматериалов и хвоя, как будто они были в лесу или парке сегодня. — Он немного подумал и добавил, — стартовали они очень быстро, так что остался запах резины. Возможно, их что-то напугало. Есть смысл поискать в окрестностях стоянки. Может быть, я учую другие запахи.

Фир кивнула. В ее ушах звякнули платиновые серьги-кольца. Эккарт отреагировал на этот звук, сняв пальто. Под ним оказалась водолазка с коротким рукавом, заправленная в черные кожаные штаны. Мужчина сделал несколько плавных движений, разминая мышцы тела, и сорвался с места едва уловимым движением, мгновенно пропав во тьме. Шапка осталась на стоянке, настороженно прислушиваясь к ночным звукам. Пока ее мужчина был занят проверкой территории, Ллариг решила проверить машину Ольги. Возможно, там удастся найти хоть какую-то зацепку?

Фир очень волновала судьба фейка, который сопровождал ведьмочку. Обычно малыши впадали в спячку при температуре ниже пятнадцати градусов тепла, а в такой холод и вовсе не выживали, замерзая прямо во сне. Тола[20], пикси, отправившийся с Олей, отличался наблюдательностью и неумным любопытством. Маленький проныра мог получить выгоду из всего, умудряясь даже таскать мед из холодильника, но мороз действовал на него, так же

как и на остальных фейках, заставляя впадать в сонное оцепенение.

Сейчас Ллариг была жутко зла. На себя — за то, что все-таки позволила Оллин ехать. На ведьму, которая поехала сама и потащила с собой пикси. На Ану, которая не запретила все это. Даже на Кайлу, которая предложила помощь от лица всех фей-крошек. Шапка дернула дверцу машины Ольги, ощутив неприятное чувство тревоги. Конечно, у нее имелись запасные ключи, предусмотрительно прихваченные из дома, но проверить же стоило? Салон оказался открыт, внутри царил хаос. Похитители что-то искали? Или кого-то? Внутри было теплее, чем на улице, но недостаточно для пикси. Если Фир правильно догадалась, то феек, улизнув от похитителей, должен был попытаться спрятаться в машине. Смогли ли его найти?

Фир принялась. Конечно, ей было не тягаться с нюхом вервольфа, но обоняние Красной Шапки тоже кое-чего стоило. Уж цветочный аромат, который источают почти все крошки-феи, она-то учует? Но надежда была тщетной. Оллин держала в салоне ароматизатор, который перебивал все посторонние запахи... Чувство тревоги не отпускало, зудя в голове назойливо, будто комар. Снаружи слышались легкие шаги. Ллариг мгновенно выхватила нож, удобно устроенный в ножнах внутри голенища сапога и посмотрела в окно. Нисколько не сбившись с ритмичного дыхания, она спрятала оружие назад. Возле автомобиля Оллин с сосредоточенным выражением на лице стоял Эккарт. Он подождал, пока Шапка выйдет из машины, и подал ей маленький белый прямоугольник.

— На ощупь похоже визитка, — пояснил он. — Вся пропахла нашими новыми знакомыми.

— Еще что-то? — Фир дотронулась до руки оборотня, наслаждаясь теплом его кожи.

— Запах фоморов, — кивнул Эккарт. — Но я не понимаю, откуда. И он явно свежее, чем оставшийся от гойделов.

— Я не могу найти фейка, — поделилась Шапка. — Машина была открыта, а внутри все перерыто, будто что-то искали.

— Geliebte, — перебил ее оборотень, — отойди от этой машины.

— Почему? — Ллариг вопросительно вскинула бровь.

— Мне не нравится запах, — хмуро пояснил он. — Я сам проверю что внутри.

Женщина пожала плечами и отошла к своему внедорожнику. Повернувшись лицом к машине Оллин в которой сидел Эккарт и, вслушиваясь в ночные звуки, она стала рассматривать найденную визитку. Результат, мягко говоря, удивил.

Фейри не очень любили вещи, сделанные людьми. Металл, так часто используемый в современных изделиях, блокировал большинство видов магии, заставляя волшебных существ чувствовать себя крайне неуютно попадая в замкнутое пространство из стекла и стали. Фир тоже ощущала волнение, но ее магия не была напрямую связана с природой, что не ограничивало Шапку во многих смыслах. Эккарт переносил замкнутые помещения не хуже. Как и любой оборотень, он в любую погоду открывал окно, когда ехал в машине и предпочитал открытые пространства с просторными комнатами и минимальным количеством мебели. Впрочем, вервольф не делал из своих предпочтений культа, ставя единственное условие — чтобы его любимая была рядом. В такие моменты он будто черпал силы из своей близости с Фир, концентрируясь на цели, а не на окружении.

Визитка в руках Фир принадлежала владельцу не очень крупного, но лучшего в городе тюнинг центра и, по совместительству, одному из основателей стритрейсинг клуба, с которым Фир Ллариг и Эккарт Гунн были хорошо знакомы. Познакомились они абсолютно случайно. Мощный Ланд-крузер, которым постоянно пользовалась парочка, был не

единственной машиной, им принадлежащей. Нет, Эккарт не мог водить, но скорость вервольф обожал точно так же, как и Шапка. Поэтому покупка шикарной гоночной машины и знакомство с местными стритрейсерами были только вопросом времени...

Простой автомеханик, принимавший участие в заездах на старенькой, собственноручно переделанной иномарке, умудрялся обходить папиных мальчиков на дорогах тачках. Старый, как ни странно, снискал молчаливое одобрение обоих, подкупив парочку своим безбашенным характером, цепкой деловой хваткой и безграничной верой в собственные силы. Он был просто одержим машинами, гонками, заездами... Примерно тогда же к нему начало приходить признание в определенных кругах и заказы на «прокачку» авто. Взявшись за это дело с умом, через четыре года Старый был владельцем собственного бизнеса.

Мобильный Шапка достала из внутреннего кармана пальто. Маленькая простая модель, предназначенная исключительно для звонков — Фир уважала эту вещь за практичность и живучесть. Женщина набрала номер с визитки и начала считать гудки. На третьем ей ответили.

— Тюнинг центр «Альфа — Омега». Добрый вечер. Чем я могу вам помочь?

— Здравствуйте, — Ллариг улыбнулась в трубку. Когда ей было нужно, Шапка могла быть очень вежливой. — Я бы хотела поговорить с Валерием Геннадьевичем. Скажите, что звонят из фирмы «Красная Шапочка и Серый Волк».

— Минуту, пожалуйста, — попросили в ответ и переключили в режим ожидания. В трубке заиграла композиция. Фир улыбнулась еще шире. Она прекрасно знала эту мелодию.

— Ну, здравствуй, Красная Шапочка, — услышала она через некоторое время.

— Здравствуй, Суперстар! — Шапка попыталась придать голосу побольше веселых ноток. Ей совсем не хотелось впутывать этого человека в такие мерзкие дела, которые могли бы послужить ему билетом из этой жизни. Следовало действовать аккуратно.

— И где же наш Серый Волк? — Кажется, собеседник вполне поверил тому, что слышит. Это было очень кстати.

— Рядом стоит, привет тебе передает. Мне бы уточнить кое-что, — Фир не хотела отклоняться от темы.

— Ну вот, — притворно вздохнул Старый. — А я уж было подумал, что ты решила его бросить и хочешь, чтобы я тебя утешил.

Ллариг слегка поморщилась, когда до ее ушей донесся неприятный металлический скрежет.

— Извини, сладкий, — притворно вздохнула она в трубку, — у меня требования не только супер-мега завышены, но и заточены только под одного человека.

— То есть, я пролетел, — уточнил собеседник.

— Еще до своего рождения, — со смешком подтвердила Шапка.

— Ладно, — захохотал Старый, — тогда давай свой вопрос.

— Мне интересно, не было ли у тебя новичков. — Ллариг мгновенно перешла на деловой тон. — Судя по всему, на иномарке. Лихачат, предпочитают ездить группой. У них была твоя визитка. Молчаливые такие.

Конечно, большинство из данного описания было лишь ее предположением, но годы научили Фир разбираться в людях. Дети Миля всегда были молчаливы. Про визитку она не могла сказать прямо — извини, мы ее нашли, поэтому надеялась, что человек не будет спрашивать подробно. Как и все фейри Фир не умела лгать. А остальная информация исходила от Эккарта, поэтому ей вполне можно было доверять.

— Нет, красавица, при мне они не появлялись, — после секундного размышления выдал Старый. — Но, если это так важно, то я могу спросить у ребят, которые дежурят, пока меня нет. Были ли такие у нас вообще на неделе.

— Отлично, — улыбнулась Ллариг.

— ОК, я отзвонюсь тогда, если что-то узнаю, — ответил собеседник. — Передавай привет Волку.

— Передам.

Она отключила телефон и повернулась к вервольфу.

— Слышал, — буркнул он.

— Не обязательно было портить чужую машину, — заметила Фир.

— Угу.

— Ему никогда не удалось бы меня отбить.

Оборотень хмыкнул и провел пальцем по глубоким неровным царапинам, оставшимся на боку синей миниатюрной машинки.

— Я знаю, — наконец выдавил из себя Эккарт, — но сама мысль, что он захочет попытаться... не делает меня спокойнее. Учитывая, что ты так чертовски возбуждающе пахнешь.

— У нас проблемы с самоконтролем? — Мурлыкнула Шапка, подходя ближе и позволяя себя обнять.

— Есть такое, — задумчиво подтвердил вервольф, привлекая девушку к себе теплыми крепкими руками

— А я думала, что этот этап уже пройден.

— Угу. Но когда я чую твой запах, у меня в голове будто выключатель щелкает. Даже появилось желание... ну... что-то вроде откусить Старому голову...

Окружающие не всегда понимали их отношения. Ревность у этой парочки никогда не была направлена друг на друга. Только на того, кто пытался вмешаться в их союз. Честно говоря, Фир сейчас дико заводила мысль, что Эккарт так ревновал. Сама Ллариг ревновала не меньше, хотя и редко показывала это. Вот и сейчас, чувствуя его напряженное тело, упирившееся ей прямо в бедро, Шапка радовалась, что за столько столетий рядом они не утратили чувства, только оттенявшего их обоюдную любовь. Наконец Эккарт выдохнул ей в волосы и нехотя отстранился.

— Когда мы найдем эту ведьму, я ее отшлепаю, — предупредил он, — за то, что испортила нам вечер.

— Да, — подтвердила Фир, — подумать только. Мы могли бы сейчас лежать в теплой постельке!

— Ну, не совсем лежать, — хмыкнул оборотень. А потом нахмурился. — Отойди ты от этой чертовой машины!

— В чем дело? — настороженно спросила Ллариг. — Ты уже второй раз меня отгоняешь.

— Тут бомба, — нехотя прокомментировал вервольф. — И, нет, ты не будешь сама заниматься разминированием.

Фир недовольно засопела, как ребенок, у которого отняли игрушку. Теперь Шапка понимала, почему инстинкты кричали об опасности, когда она находилась внутри. Но ведь она легко могла с этим справиться. Кроме того, Ллариг не собиралась уходить, когда ее Ansa находился внутри, подвергаясь опасности. Тем временем Эккарт снова оказался в салоне,

внимательно осматривая машину изнутри. Он долго копался в большой спортивной сумке Ольги, по большей части, выпотрошенной на заднее сидение. Потом залез в бардачок, внимательно осмотрев все мелочи лежавшие там. И напоследок запустил руку под переднее сидение, вытащив наружу пушистый красный шарф.

— Держи.

Предмет гардероба аккуратно переключал в руки Фир. Девушка скорее почувствовала слабое биение жизни, чем увидела что-то способное намекнуть на это. Она подождала, пока вервольф выйдет из авто и закроет его, потом подала верхнюю одежду. Минута пока Эккарт оделся, и шарф переключал обратно в мужские руки. Прекрасно поняв намек, вервольф устроил шарф ближе к телу, пытаясь согреть спрятавшегося внутри пикси. Путь домой прошел в относительном молчании. Фир старалась ехать быстрее, время от времени поглядывая на любимого мужчину. Тола так и не очнулся, хотя печку включили на полную мощность, а вервольф не доставал шарф из-под пальто, аккуратно прижимая его к груди всю дорогу. Пока четких вариантов действий у них не было. Оставалось надеяться, что совместное с Беленусом обсуждение даст хоть какие-то плоды.

Глава 8

Несмотря на довольно позднее время, жители этого дома собрались внизу. В постель сегодня вечером отправился только Вадим, у которого не осталось совершенно никаких сил после нескольких дней приключений.

В огромном светло-бежевом кресле, положив голову на подлокотник, дремала Ану, окруженная феями-крошками. Иногда она открывала глаза, будто желая убедиться, где находится и, успокоившись, снова впадала в дрему. Пикси казались узором из бабочек, в художественном беспорядке рассыпанных на спинке кресла. Сегодня вечером в зале осталось больше половины обитателей цветочной оранжереи. Они все ждали вестей о своем сородиче, отправившемся с Ольгой. Аили, миниатюрная блондинка, сидела в объятиях своего мужа с романом в руках. Закрыв глаза Беленус, как большой кот, терся о ее щеку носом. Его мускулистые руки, золотые словно от загара, обвивались вокруг женской талии. Пожалуй, его жена была единственной, кому он беспрепятственно позволял дотрагиваться до себя и от чьих прикосновений приходил в восторг. Время от времени мужчина что-то шептал ей на ухо, заставляя Аили откладывать книгу в сторону и тихонько смеяться.

Звук работающего мотора заставил компанию встрепенуться, а после клацанья двери, ведущей из гаража на первый этаж, послышался взволнованный галдеж пикси. Фир, открывшая дверь в комнату немного удивилась, но быстро справилась с собой. Она громко объявила, что найти Ольгу не удалось, зато Тола с ними только... он спит. Пока Шапка, нервно ходя по комнате, рассказывала подробности, Эккарт вынул из-под плаща шарф с завернутым в него фейком и аккуратно положил его на кресло поближе к теплу горящего камина. Маленькое хрупкое тельце пикси выглядело совершенно беспомощным в складках ярко-красного шарфа, только оттенявшего бледность фейка. Впрочем, Эккарт этого не видел. Зато он отчетливо слышал редкие вдохи и выдохи, время от времени издаваемые Толлой.

Вервольф не очень любил фей-крошек. Вечно шумные, они вызывали головную боль и дезориентировали в пространстве привыкшего полагаться на собственные слух и обоняние оборотня. Однако мужчина старался спокойно переносить их присутствие, помня, что

именно пикси спасли его любимую в младенчестве, когда ее бросила мать. Пока половина феек вислась над Ллариг и Ану, заботливо хлопочущими над маленьким тельцем Толы, вторая половина стайки оккупировала Эккарта.

— Волк спас Толу! Волк спас Толу! — Скандировали они вразнобой тонкими голосками, заставляя вервольфа морщиться от боли в ушах и жалеть, что Фир им это сказала.

Наконец, они договорились между собой и прекратили какофонию. На оба плеча Эккарта сели пикси. Их легкие крылышки шуршали, слегка касаясь ткани его водолазки, а тоненькие ручки путались в волосах оборотня.

— За это мы расскажем тебе секрет, — прошептал ему на правое ухо нежный женский голосок. — То, что уже никто не помнит.

— И то, о чем ты еще должен будешь догадаться сам, — продолжил фразу мужской голос слева.

Близняшки Примо и Сегунда родились всего несколько десятилетий назад, но уже почитались среди фей-крошек как сильные провидцы. Фир рассказывала, что они не только похожи внешне, но и специально подчеркивают это сходство, надевая одежду одинакового покроя и цветов. Эти двое часто говорили загадками, продолжая фразы друг друга и не любили рассказывать о своих видениях вне круга пикси. Так что отказываться от столь щедрого предложения Эккарт не стал.

— То, что никто не помнит, — раздалось справа...

— ... Это благословение магией, — дополнили слева. — Когда *Она* благословляет, мы получаем дары.

— И дары не только духовные, но и материальные.

— Обещанные давно.

— А то, о чем нужно догадаться, — помолчав, сказала феечка справа, — это обещанное.

— Которое уже подарили, — продолжил феек слева. — Но за подарок придется побороться.

— Хотя его материальная форма уже почти обретена.

— И доказательство будет написано над сердцем.

Они синхронно замолчали, явно довольные своей речью. Эккарт вздохнул, прекрасно зная, что объяснений от странной парочки все равно не дожидаться. Хотя их предсказания были туманны, но сбывались всегда. Подчас, понять это можно было уже после того, как все свершится.

— Спасибо, — ответил оборотень.

— Подожди. — Примо подергал мужчину за волосы, доставая прядь, заправленную за ухо. — Мы не должны говорить это тебе.

— Но ты спас Толу, — продолжила его сестра, зеркально повторяя действия фейка с правой стороны. — Когда прольется кровь — отпусти зверя.

— А когда будешь решать, — послышалось слева, — помни о том, кто был твоими глазами.

Эккарту было понятно, что в последнем предложении имелась в виду его *Geliebte*. Но вот о времени, когда нужно будет отпустить зверя, стоило задуматься. А первая часть предсказания показалась бредом. Что доказывало — над этими словами следовало очень внимательно подумать.

— Теперь уже можно благодарить, — подсказала Сегунда. — В холодильнике был шоколадный крем...

Конечно, вервольф не мог видеть выражение их лиц, но он мог бы поклясться — оба так и лучатся довольством...

Кухня всегда была для Эккарта сосредоточением самых вкусных запахов в доме. Острые и пряные запахи из ящика с приправами, сладкие фрукты в тарелке на столе, мясной аромат из открытого холодильника... Но когда там находилась Шапка, эта комната превращалась в его личный кусочек рая на земле.

— Тола должен проснуться примерно в течение двух суток. — Фир достала из холодильника пластиковую банку с закручивающейся крышкой и подала ее оборотню, сидевшему за столом в окружении пикси. — Он много находился на холоде, поэтому спать будет достаточно долго.

Мужчина открыл упаковку и поставил ее на стол, рядом со снятыми темными очками. В воздухе распространился аромат шоколада, и феи-крошки шумной гурьбой ринулись к лакомству. Впрочем, они не дрались и не отталкивали друг друга, предпочитая делиться поровну. Через какое-то время почти все пикси изрядно перемазались кремом, напоминая шоколадные фигурки, которые Фир однажды заказывала в швейцарской кондитерской.

Фейки казались такими маленькими и нежными на вид, что мало кто мог догадаться, какие резервы скрыты в этих хрупких телах. Они плохо переносили низкие температуры, но продолжительность их жизни была такой же долгой, как и у любого фейри. Тело пикси легко было поранить, но восстанавливались они настолько же быстро и от таких страшных ран, которые даже тело чистокровного сидхе залечивало бы в два раза дольше. Возможно, дело и впрямь было в очень быстром метаболизме, обеспечивающем не только быструю регенерацию, но и здоровый аппетит. Сами же феи-крошки утверждали, что просто являются сосредоточием магической энергии. Фир охотно верила в это, объясняя все фактом, что в присутствии пикси начинало буйно расти все живое. А еще рассказывала старинные легенды, гласившие, что с уходом фей-крошек из холма-сидхена исчезнет волшебная сила и все немедленно придет в упадок.

Легкими шагами вошла в кухню Ану. Она с удивлением оглядела стайку перепачканных в шоколаде пикси и перевела взгляд на Фир, сидевшую на коленях у Эккарта. Эти двое были увлечены тем, что кормили друг друга, попеременно что-то шепча и обмениваясь довольными улыбками.

— Эй, никого не смущает, что уже три часа ночи? — С улыбкой возмутилась Жрица.

— Ну вот, — прошептала Ллариг оборотню на ухо, — она снова набралась этих человеческих штучек.

— Если Ану начнет лекцию о вреде ночных посиделок перед холодильником, то пора уходить... — поддержал ее Эккарт.

Сидхе в принципе были не склонны к полноте. Высокие, худощавые, одержимые вечной жаждой действия, они имели высокую скорость обмена веществ в организме, определявшую весь ритм их жизни. Фир, рожденная со смешенной кровью, имела схожее строение клеток тела, так что ночные набег на холодильник ее не смущали. У Эккарта, благодаря клеткам вервольфа метаболизм был еще быстрее, чем у сидхе. А вот сама Ану была наполовину человеком, иногда отыскивая крайности там, где их нет.

— Ану, — пробормотала Шапка, — ты не можешь потолстеть, смиришься с этим. Ты не

человек. Если у тебя грудь выросла больше, чем у обычной женщины-сидхе, это не значит, что ты унаследовала гены матери, которые наградят тебя лишним весом.

— По-моему, — добавил оборотень, — у тебя были столетия, чтобы в этом убедиться.

— Я зашла поговорить совсем не об этом, — отмахнулась Жрица. — Нужно, чтобы вы завтра утром отвезли мальчика и представили Семье.

— Почему ты так озаботилась этим? — Спросила Фир, откладывая десертную ложечку и внимательно глядя на Жрицу. — Что-то произошло, пока нас не было?

— У меня было видение, — просто ответила Ану. — Мальчику нужно приспособиться к нашей жизни, а там ему помогут лучше и быстрее. Хотя жить он может здесь, если захочет.

Подтверждая ее слова, Эккарт кивнул. Вадиму было необходимо научиться строить отношения с окружающими, это вервольф заметил еще при встрече с подростком. Еще нужно было найти способ высвободить физическое напряжение, связанное со второй ипостасью. Многие веры именно поэтому занимались тяжелым физическим трудом или силовыми видами спорта. Мужчина надеялся, что мальчик согласится заниматься у Виктора, выбрав подходящее направление.

— Не волнуйся, захочет, — пробормотала Шапка, облизывая кончики пальцев, перепачканных в шоколаде. — Я видела, как вы смотрели друг на друга. Считай, что у тебя новый приемный ребенок. У всех нас.

— Он не совсем ребенок, — заметил Эккарт.

— Пожалуй... — теперь Ану улыбнулась уже по-настоящему, — но все мы нуждаемся в том, чтобы нас любили.

— Тушэ [21]! — Согласился оборотень, с улыбкой подняв руки ладонями вверх.

Он прекрасно знал, насколько верна эта фраза. Фир, будто поняв его мысли, обхватила лицо Эккарта длинными пальцами и начала осыпать легкими, будто кусочки облаков, поцелуями. Мужчина закрыл глаза и обхватил девушку за талию, издав тихий звук удовольствия — нечто среднее между ворчанием и рыком. Жрица кашлянула, дав знать, что она еще тут.

— Ты что-то еще хотела сказать? — Ллариг даже не обернулась посмотреть на Ану, опирающуюся на дверной косяк.

— Зима затянулась, — начала Жрица. — Или мне так хочется думать.

— Ох... — только и смогла сказать Шапка. Она рефлекторно прижалась ближе к своему мужчине, положив голову ему на плечо, и только тогда спросила, — когда нам ждать гостей?

— Очень скоро.

— Имболк[22] уже прошел, — заметил Эккарт.

— Не в дате дело совсем — пожалала плечами Ану. — Ты же знаешь. Будем праздновать Кибелу[23], если так важно привязать это к дате. Но я чувствую, что так правильно. Онапроснулась именно теперь и нужно поприветствовать Ее.

— Значит, да будет так, — кивнула Фир.

Ану ушла, забрав с собой стайку фей-крошек и оставив в воздухе легкий аромат роз. А оборотень вдыхал ее запах, смешанный с насыщенным ароматом Фир, сидевшей у него на коленях и думал, как чертовски суматошно начался этот год...

В синих бездонных глазах оборотня Фир просто тонула. Черные крапинки зрачков смотрели прямо, а насыщенные различными оттенками синевы радужки походили на драгоценные камни, опущенные светлыми длинными ресницами. Его невидящий взгляд будто проникал в душу, замечая все секреты, а нежное выражение обращенного к ней лица Эккарта, было таким довольным, что Шапка не удержалась.

— Ты такой красивый.

Вервольф улыбнулся и вопросительно изогнул бровь. Он прекрасно знал, что совершенно не подходит под стандарты красоты. Не под человеческие, не под фейрийские. Однако на этот счет у Фир Ллариг было свое мнение.

— Ты умный, сильный, — продолжала она. — Я так люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — ответил Эккерт. — но не совсем понимаю, что сейчас происходит.

— Просто, — Фир обняла своего мужчину за шею, положив ему голову на плечо, — я подумала, что не смогла бы жить как Ану. Далеко от того, кого так люблю. Если с тобой что-то случится, я пойду следом. Куда угодно.

— Ничего не случится, — вервольф погладил девушку по голове, путаясь пальцами в рыжих кудряшках. — Что может произойти, когда ты рядом и так заботаешься обо мне?

— Иногда я боюсь, что не смогу заметить что-то вовремя.

— Все хорошо, моя *Geliebte*, — выдохнул Эккерт. — Мы справимся. Всегда справлялись.

— Отнесешь меня наверх? — Прошептала Фир.

В ответ мужчина обхватил ее бедра руками и встал со стула. Шапка обвила его ногами и руками, буквально повиснув на оборотне. Поза была невероятно удобной, в чем Эккерт убедился уже весьма скоро — в коридоре Фир решила, что просто так идти скучно и начала целовать вервольфа в подбородок.

— Если ты не прекратишь, то мы не дойдем до комнаты, — с придыханием предупредил он.

Фир успокоилась ровно до двери их общего пристанища. Когда дверь за Эккартом захлопнулась, Шапка ловко соскочила на пол, стянула с себя длинный черный свитер и леггинсы, оставшись в одном белье.

— Сними, — хрипло потребовала она, дергая Эккарта за одежду.

Оборотень и не думал возражать, глубоко вдыхая аромат секса, источаемый женщиной. Он сделал бы все, что ей вздумалось попросить, поэтому стянул майку через голову и взялся за ремень.

— Нет. Я хочу сама.

К нему прижалось мягкое прохладное тело, опутанное легким кружевным пленом. Жаркие поцелуи прокатились от шеи к пупку, а тонкие пальцы уже сражались с неподдающейся застежкой на штанах. После нескольких секунд заминки Фир зарычала. Резкий рывок — и обрывки кожаного ремня полетели в другой конец комнаты, жалобно звякнув о стену так и не открывшейся пряжкой. Напор любимой заставил Эккарта отступить. Мужчина ударился спиной о дверь, но совершенно не заметил этого, полностью поглощенный желанием. Девушка поднялась выше и начала облизывать его левый сосок, издавая горловые звуки, напоминающие мурлыканье. Пару раз легонько прикусила плоть, останавливаясь, чтобы подуть на горящие от укуса места.

Он честно старался сдержаться и не мешать ее наслаждению, но когда Фир, наконец,

спустила с него штаны и лизнула головку члена, Эккарт понял что видит слабый свет. Нет, это не был отголосок рая или чего-то подобного — просто внутренний зверь обретал свободу и глаза мужчины начали меняться, позволяя ему разглядеть горящую над головой лампу. Он почти испугался, но это чувство утонуло в желании к Ллариг, дурманящем и всепоглощающем.

— Моя очередь, — прорычал он, поднимая девушку вверх и впиваясь ей в губы.

Яростный поцелуй с привкусом крови еще больше подстегнул мужчину, разбившего губу о зубы Фир. Он издал звук, призванный выразить довольство и расстегнул кружево лифчика. Поддерживая Шапку за талию, отбросил деталь женского гардероба в сторону. Один сосок уткнулся Эккарту в ладонь, а другой он уже обхватил ртом, аккуратно лаская губами и языком. Женщина со стоном выгнулась, подаваясь навстречу к оборотню. Фир даже не заметила, когда он успел перенести ее к кровати и снять штаны, которые благодаря усилиям самой Ллариг были в районе его коленей. Вообще-то, ей было наплевать на такие мелочи. Главным было только то, что Ansa был рядом. Приподнявшись, Шапка слизнула кровь с его разбитой губы. В ответ вервольф поцеловал ее долгим поцелуем, пытаясь в процессе снять с девушки тонкие ажурные трусики.

— Пусти, дай я... — выдохнула она ему в губы.

Мужчина покачал головой и проложил вниз тонкую цепочку поцелуев. Фир посмотрела на его покрасневшее лицо и приподняла бедра, помогая стянуть с себя последнюю деталь одежды. Эккарт довольно выдохнул и потерся о нежную кожу Ллариг. Ей казалось, будто его пальцы и язык повсюду. Потерянная в ощущениях тела Фир перестала различать, где заканчиваются ее ощущения и начинаются его. Кажется, Ллариг что-то кричала, о чем-то умоляла и даже угрожала хотя потом, даже под угрозой пытки, не смогла бы вспомнить свои слова. Оргазм пронесся по телу оглушительной волной, которая, казалось, длится несколько минут.

— Фир, любимая? — Хриплый голос Эккарта вырвал девушку из сладкого оцепенения.

— М-м-м? — на большее Ллариг пока не хватило.

— Тебя в ванную отнести?

— Не трогай, — выдавила она из себя. — Умру прямо тут. Зато счастливая!

Он тихо рассмеялся довольным мужским смехом. Потом встал, выключил свет и снова лег рядом, притянув к себе любимую. Последним, что сегодня ощутила Фир, перед тем как провалиться в сон, были теплые объятия и прикосновение губ Эккарта к ее лбу.

Глава 9

Вадима разбудили рано, и теперь он стоял в подземном гараже, одетый в какие-то джинсы, кроссовки и непонятную куртку, глядя ословелым взглядом на машины вокруг. Два огромных внедорожника темного цвета, один шикарный автомобиль представительского класса и, в самом дальнем углу, блестящее гоночное авто с обтекаемыми формами. Парень выдохнул, осознав, что задерживает дыхание уже около минуты.

— Да, мне тоже нравится.

Женский голос почти испугал его. Она ходила так легко, что не было слышно шагов. Тоненькая, не очень высокая по сравнению с другими обитателями дома, Аили. Одета в небесно-голубые цвета, сероглазая и светловолосая, она казалась совсем юной. Из-под пальто виднелся высокий ворот белой блузки, тонкий батистовый шарфик и край черной

облегающей юбки. Классика, как говорила его бабушка... На ножках блондинки красовались ботиночки на тонких шпильках. Мужчина рядом был похож одновременно на сэра Галахада[24] и одного из героев тех любовных романов, которые бабушка прятала на шкафу от маленького любопытного Вадимки. Высокий, худой и гибкий Беленус излучал опасность. Не такую явную, как довольно массивный оборотень Эккарт или яркая Фир, а как смертельно опасный яд, который можно почувствовать только в последние минуты жизни. Мужчина распустил волосы по плечам — вероятно, по привычке. Он был одет в серое короткое пальто с выглядывающим из-под него белым воротом рубашки. Черные штаны, облегающие его ноги, как вторая кожа, и элегантные туфли довершали ансамбль.

— Берем лексус, — мужчина снял ключи с крючка на стене.

Пискнула сигнализация и пару минут спустя Вадим уже сидел на заднем сидении самой роскошной машины, которую ему доводилось видеть. Ну, хорошо, не самой. Но в ту, гоночную, его точно не пустят.

— Ох, перестань, — Аили села впереди. — Феи-крошки сказали, что опасности нет.

— А ты всегда веришь пикси? — Беленус сел за руль и повернул ключ. Мотор тихо и довольно заурчал, — я даже не всегда понимаю, что они имеют в виду.

— Ну, я-то всегда понимаю, — засмеялась его жена. — Вспомни, как ты купил акции Майкрософта в 1977?

— Парень, — водитель доверительно повернулся к Вадиму, — никогда не спорь с женщинами этого дома. Иначе будешь сидеть в кустах, с голой задницей в крапиве. Как гамадрил[25].

— Не пугай ребенка! — возмутилась Аили, — и вообще, перестань постоянно припоминать мне тот случай!

— Никогда! — торжественно поклялся ее муж. — Я не могу забыть тот холодный летний вечер, когда ты была беременна и очень хотела меда, но слезно умоляла меня за ним не ходить!

— Во-первых, было тепло... — начала она. — Во-вторых, я действительно сказала тебе не ходить...

— Вот! — Перебил ее Беленус. — Я же сказал, что женщин этого дома лучше слушать сразу...

— А в-третьих, — продолжила Аили, — ты же все-таки принес то, зачем пошел...

Вадим рассмеялся. Ему определенно нравились эти двое.

Солнце заливало комнату, не смотря на плотно задернутые шторы. Играло с часами, небрежно заброшенными на угол тумбочки. Рассыпало солнечных зайчиков, наткнувшись на цепочку, мерцающую дорогими, наверняка натуральными камнями и наконец, уперлось лукавым взором прямо в кровать. Потянувшись гибким длинным телом, Фир ощутила рядом теплую кожу другого существа и тот час же потерлась о рядом лежащего мужчину, давая ему знать, что уже проснулась. Его большая рука зарылась в яркие кудряшки на голове женщины и аккуратно притянула ее поближе. Женщина охотно передвинулась, прижавшись щекой к его груди.

— М-м-м... — сказала она. — Вчерашняя ночь на редкость удалась, да, Эккарт?

Голос Шапки, певучий, легкий, чуть с хрипотцой раскатился по комнате, вызвав улыбку

у лежащего под ней мужчины. Одной рукой он обнял плечи любимой, а другой начал поглаживать ее по голове.

— Я бы даже сказал, весьма, — довольно заметил оборотень в ответ. — Как и все ночи с тобой.

— Ну уж нет, — шутливо затянула она, — все дело именно в тебе.

Рука с длинными пальцами, такая белая на фоне загорелой мужской кожи, нырнула под одеяло, поглаживая тугие мышцы живота. Мужчина издал довольное ворчание и чуть передвинулся, давая Фир большую свободу действий. Она скользнула пальцами еще ниже и, путаясь в волосах на его лобке, нащупала член. Эккарт перестал гладить ее волосы и глухо застонал.

— М-м-м... — Фир лизнула его сосок, выманив еще один стон из мужского горла. — Пойдем в душ?

— Через несколько минут, — хрипло пообещал он, откидывая одеяло, — как только ты меня поцелуешь.

— Я не ограничусь одним поцелуем, — усмехнулась она, чуть приподнявшись на одной руке, второй нежно водя по эрегированному члену.

— А я на что рассчитываю, как ты думаешь? — Подмигнул оборотень в ответ.

Фир потянулась к своему мужчине и впилась в его губы. Эккарт снова издал рык и, приподнявшись ровно на столько, насколько требовала ситуация, посадил ее на себя верхом, снова откинувшись на подушку.

— Я буду главной? — С той же усмешкой спросила Фир.

— Всегда, когда ты этого хочешь, — подтвердил он.

Эккарт знал, что доминирование сильно ее заводит. Не важно, чье — его, мужское, либо собственное. Вервольфа это тоже заводило еще сильнее. Фир наклонилась, лизнув любовника в нижнюю губу, и снова откинулась назад, впустив в себя его член. Восстановила дыхание, мурлыкнула и начала движение, сводя мужчину с ума. Эккарт утопал в ее аромате и звуках тел, влажно касающихся друг о друга. Он протянул руку, захватив в плен грудь Фир и потер подушечкой пальца твердый сосок. Она ахнула и сбилась с ритма. Когда его рука начала ласкать вторую грудь, женщина потеряла самообладание, чего и хотел ее любовник. Мужчина скользнул ладонями на ее спину. Ллариг поняла, что он хочет сделать, и прижалась макушкой к его подбородку, целуя в шею. Эккарт обхватил ее сильнее и перекатился, оказавшись наверху. Поцеловал, нежно лаская языком сладкие губы любимой и начал двигаться внутри, издавая тихие сексуальные звуки низким голосом. Оборотень чувствовал, как зубы Ллариг впились в его плечо, а длинные ногти прошли по спине, оставляя кровотокающие полосы на недавно зажившей коже. Сейчас это было не важно. Разрядка наступила одновременно, подарив обоим сладкое чувство неги. Эккарт перекатился на спину, чтобы Фир оказалась наверху и он не давил на любовницу своим весом. Она улеглась поудобнее и поцеловала его в подбородок.

— В ванную не раньше чем через пятнадцать минут, — Ллариг обняла Эккарта за шею, — даже не двинусь.

— Я люблю тебя, — ответил он, поцеловав свою женщину в лоб.

— Я тоже тебя люблю, — мурлыкнула она, рисуя тонким пальчиком узоры на мужской груди.

Они помолчали еще немного, впитывая аромат и настроение друг друга. Потом Фир со стоном начала выбираться из кровати, вспомнив ночной разговор с Виктором, которому она

обещала привезти мальчика, чтобы их познакомить. К одиннадцати часам. А сейчас, по ее скромным подсчетам, было немного позднее. Или, скорее, намного. Поход в ванную вдвоем занял около получаса, потом Шапка выскочила наружу, поняв, что вместе они там пробудут еще очень долго. Одевшись, Фир направилась на кухню — ей нужно было позвонить в тюнинг-центр, чтобы переговорить с его владельцем. Потом необходимо было сделать звонок Виктору и предупредить главу Рысей, что они опоздают. Сидевшие в зале пикси разноголосо сообщили, что Беленус с Аили взяли мальчика и поехали за покупками. Ллариг недовольно поморщилась на это заявление, но особо беспокоиться не стала. Бывший бог природы прекрасно мог позаботиться о себе и своих подопечных.

Сварив кофе, к которому она пристрастилась еще в девятнадцатом веке, Шапка набрала номер Виктора. Кот ответил после четвертого гудка и легко согласился встретиться ближе к обеду. Старому Фир позвонила после главы Рысей. Мужчина сказал, что его ребята не помнят таких клиентов, о которых девушка спрашивала вчера, что, безусловно, было очень плохо. В первую очередь — для Ольги.

— Что вы так рано встали, я не понимаю? — Жрица вошла в кухню вместе с Эккартом.

— Почему, рано? — Спросил оборотень, садясь рядом с Ллариг и подвигая к себе чашку чая.

— Половина десятого утра, — многозначительно ответила Ану. — Я специально посмотрела.

Вервольф удивленно вскинул бровь. Часы имелись только на первом этаже. Поднимаясь выше можно было не надеяться на время, которое, кажется, снова начало жить по своим законам. Как когда-то в сидхене[26].

— И, все-таки я не понимаю, — недовольно пробормотала Фир. — По моим ощущениям выходит, будто я спала, как минимум, до полудня.

Она потянулась всем телом, слегка качнувшись на стуле. Эккарт мгновенно протянул руку, поймав предмет мебели и привычно поставив на место.

— Ты, женщина, — оборотень сделал глоток чая, — когда-нибудь сделаешь так и приложишься спиной к полу. Если меня в тот момент не будет рядом.

— А ты действительно веришь, что я смогу расслабиться, когда тебя нет рядом?

Услышав голос, которым была сказана эта фраза, вервольф невольно расплылся в улыбке. Учítывая, что внутренний зверь этим утром был удовлетворен, получилось почти не зубасто. Но все равно жутко. Шапка, однако, правильно разгадала выражение его лица и не менее пугающе улыбнулась в ответ.

— Они такие милые! — Послышалось от двери.

Беленус вошел, принося с собой свежий морозный запах улицы, легкий цветочно-пшеничный оттенок Аили, свой собственный аромат зеленой листвы и резкую нотку очень сладких женских духов. Эккарт вдохнул и резко чихнул, прикрыв нос руками.

— Сними ЭТО с себя немедленно! — Потребовал он у бывшего божества природы.

— Сам знаю, — пожал плечами брюнет, — но это девушка очень важна для бизнеса. Не мог же я начать ее отталкивать прямо там.

— Надо же. Ты ее не убил, когда она до тебя дотронулась? — Фир была приверженцем черного юмора, хотя и не признавала этого. Особенно, когда дела шли не очень хорошо, как сейчас с Оллин.

— Не успел, — из-за плеча Беленуса вынырнула Аили. — Я оттащила ее за волосы.

Скорее всего, так оно и было. Она ведь сидхе, а значит врать не может просто

физически. Кроме того, блондиночка могла выглядеть хрупкой, но покушений на своего мужа не терпела. Она знала, насколько Беленус не любил, когда его касаются чужие.

— Мы были в бутике, — длинноволосый обнял свою жену, положив подбородок к ней на макушку, — одели мальчика. Потом в салон заехали, чтобы его постричь. Уйму народа перебудили с утра пораньше.

— А теперь он не может оторваться от зеркала в спальне, — закончила Аили с улыбкой.

— Вы, молодцы, конечно, — вздохнула Фир, — но я бы попросила, чтобы никто не выходил из дома без моего ведома. Или Эккарта. Никогда по одному.

— Мы были вместе, — кивнул Беленус, — я всегда помню, что делать.

— Хорошо, — Ллариг кивнула, но ее лицо все еще выражало беспокойство.

— Скажи им, — Эккарт оперся на спинку стула, — то, что тебе по телефону сейчас Старый сказал.

Женщина медлила. Она не любила сообщать плохие известия.

— Таких клиентов не было, — наконец выдавила из себя Шапка. — Нужно искать в другом месте. Придется привлекать жителей города.

Беленус кивнул.

— Я обзвоню и попрошу проявить бдительность, — брюнет потер лоб пальцами, будто спасаясь от головной боли, — они помогут. Все помнят, что гойделы делали в прошлом.

Да, все знали и помнили, особенно времена Инквизиции и Геноцид. Проблем с помощью не будет, сидхе твердо это знали. Детей Миля не любил ни один здравомыслящий супер. Слишком далеко те зашли, пытаясь истребить всех фейри, оставшихся после исхода, но за прошедшие века им это так и не удалось.

— Дарен придет, — тихо сказала Ану.

— А Кина? — В голосе блондинки послышалась надежда.

Дочь Беленуса и Аили регулярно созванивалась с родителями, но приезжала очень редко. Высокая блондинка с фигурой фотомодели и мозгами, как у вычислительной машины была единственной девушкой в свите Жреца. Маккон и Коннхен относились к Кине так, будто она была их младшей сестрой, агрессивно относясь ко всем мужчинам, которые имели наглость приблизиться к принцессе. Впрочем, девушка сама не жаловала представителей мужского пола, утверждая, что сможет полюбить только того, кто превзойдет ее по интеллекту.

— Нет, Кина сказала, что у нее новый проект, — мягко улыбнулась Жрица. — С ним приедут близнецы.

— Хоть какие-то хорошие новости, — Шапка улыбнулась. — В общем, мы свяжемся со всеми оборотнями города и попросим помочь в поиске наших «гостей». А вы берите на себя вампов и остальных.

Беленус и Аили синхронно кивнули, соглашаясь со сказанным. Всем было прекрасно понятно, что от Ану сейчас помощи не дождешься. Предстоящая встреча с Дареном занимала все мысли Жрицы, отодвигая проблемы с Ольгой, Сыновьями Миля и фоморами на задний план. Даже сейчас она сидела, сжимая в руках горячую кружку с черным чаем и уставившись в пространство перед собой.

— Ану, — позвал ее Эккарт, — ты подготовишься к церемонии сама? Уточнишь, когда он придет?

— Да, я сделаю все... — ответила Жрица.

— Вот и хорошо, — констатировала Фир Ллариг. — Значит, мы завезем мальчика в Дом

Оборотней на регистрацию и поговорим с Антоном, потом заедем к главе Дома Рысей. Мобильный у меня с собой, поэтому держим связь.

— Я позову Вадима, а ты заводи машину, — оборотень встал со стула и вышел из кухни.

— Мне помогут пикси, — задумчиво сказала Ану. — Я свяжусь с Ноэлем. Сейчас не лучший момент для того, чтобы приехала его дочь.

Черт. Они совсем забыли об этом ребенке.

— Вполне возможно, что на следующей неделе все утрясется, — пожал плечами Беленус, — но скажи, пусть подождет пока.

Жрица кивнула и снова уставилась в пространство. Фир допила кофе и вышла вслед за Эккартом.

Глава 10

Фир еще раз взглянула назад, где сидел Вадим. Мальчик явно чувствовал себя уютно. Ему накупили уйму вещей, включая белье, несколько рубашек и свитеров, четыре пары разных штанов и обуви, о чем подросток увлеченно рассказывал последние двадцать минут. Модная стрижка ему очень шла, как и новый стиль одежды. Тонкие черты лица обрамляли темно-рыжие пряди, а золотисто-карие глаза выглядели еще больше, чем при первой встрече. Одежда, подобранная для Вадима, оттеняла цвет волос, добавляя в прическу огненные искорки.

— Судя по тому, что до полнолуния еще далеко, а с обращением проблем не было — ты чистокровка.

Ллариг пропустила начало разговора, задумавшись над дальнейшими действиями по нахождению Ольги. Судя по всему, мальчик решил спросить у Эккарта про оборотней... Или вервольфу все-таки надоело слушать про утренние покупки, и он решил рассказать рысенку что-то полезное.

— Что значит, чистокровка? — Мгновенно заинтересовался Вадим.

— Это значит, что ты родился у мужчины-рыси и женщины-человека. Женщина-вер не может родить, — пояснил Эккарт. — Ты уже достаточно взрослый, чтобы знать подробности. У всех них после превращения происходит выкидыш.

— А они пробовали не превращаться? — Нахмурился подросток.

— А ты сам пробовал не превращаться во время полнолуния?

Вадим вздрогнул. Он еще не знал, но чистокровные оборотни были подвержены влиянию ночного светила не так сильно, но все же зависели от лунных фаз. Само по себе превращение было довольно болезненным, особенно у молодых, но если ему сопротивляться... Мальчик не был уверен, что сохранил бы рассудок к концу суток. По крайней мере, во время полной луны его сопротивления хватало не больше чем на полчаса.

— Как твоя фамилия? — Фир заметила его реакцию и попыталась отвлечь, — может нам удастся выяснить, кто твой отец, или что-то про родственников.

— Я не знаю... — казалось, он растерялся, — мамина фамилия — Марецкая, но у бабушки такая же. Думаю, она никогда не была замужем.

— Значит, пока будешь Вадим Марецкий, — пожала плечами Шапка. — Поговоришь с Михаилом, он старше всех, кто работает в Доме. Может, вспомнит что-то важное.

— Я не уверен, что хочу искать отца, — мальчик отвернулся к окну и затих, мгновенно став выглядеть гораздо старше своих пятнадцати.

Солнце сияло в небе ярко, но ничуть не грело. Холодная ветреная погода все еще не изменилась, действуя на всех кроме жителей этого дома, расположенного за чертой города. Вот и этот человек был одет в простой спортивный костюм, попросту игнорируя капризы погоды. Крупный темноволосый мужик лет пятидесяти с усердием расчищал широкую, выстеленную камнем, подъездную дорожку. Метла так и плясала в его руках, а сосредоточенное выражение лица изменилось только тогда, когда во дворе остановился огромный черный внедорожник, из которого показались гости. Рыжая худая девушка и высокий блондин вышли из машины синхронно. Пару секунд спустя открылась задняя дверь, выпустив наружу худого подростка.

— Дядя Миша, — улыбнулась девушка.

Мужик улыбнулся, подошел чуть ближе, но неожиданно нахмурился, остановившись на половине дороги.

— Ах, ты ж, черт! — он в сердцах грохнул древком метлы в пол, заставляя дерево треснуть. — Ах ты, волчий хвост! Ты чего ее сюда притащил! Где твоя башка дурная колобродит? Ладно, старшие сдержатся, а про молодняк ты подумал?! А ну, быстро назад!

— Что... — непонимающе начала Фир.

— Домой езжайте щенка заводить, — отрезал мужик, — а тут нечего наводить шороху.

Шапка перевела взгляд на Эккарта, застывшего со странным выражением на лице. Будто именно сейчас он, наконец, понял то, что обдумывал на протяжении долгого времени. Потом на лице вервольфа появилась довольная собственническая ухмылка. Сняв с себя пальто, блондин подал его девушке и попросил надеть. Ллариг не стала спорить, решив получить исчерпывающие объяснения после.

— Так лучше? — он повернулся к Михаилу, сверкая зубастой улыбкой.

— Да, — кивнул тот, немного успокоившись, — но внутрь заходить не нужно. Ты ж не сдержишься, если к ней кто-то полезет, а у нас пару новеньких. Актеры. На гастроли приехали.

— Тогда нам нужна помощь, дядя Миша, — Фир поплотнее запахнула пальто, — мы рысенка привезли, его нужно оформить. И Антона позовите сюда, пожалуйста.

— Эти ваши регистрации, компьютеры и всякая фигня... — старый оборотень в сердцах сплюнул.

Срок жизни веров намного превышал человеческий — двести лет, это все же не восемьдесят. Фейри конечно так не считали, ведь бессмертие давало им определенные привилегии, но Михаил в своей жизни повидал многое, поэтому был категорически против существования физических списков всех оборотней в городе. Пусть даже и под видом клуба ролевых игр. Дом Оборотней представлял собой двухэтажный особняк из дерева и стекла, находящийся за чертой города и окруженный просторным парком с высоким забором. За основным домом находилась частная больница, оборудованная специально для перевертышей. Поблизости были и строения, для внезапных гостей. По периметру располагались охранные камеры, предназначенные скорее для людей, которые могли бы явиться сюда непрошено, чем для отлова или защиты от себе подобных.

— Ладно, пошли, — проворчал Михаил в сторону Вадима, — покажу тебе все.

Подросток глянул в сторону парочки, дождался кивка от Фир и последовал за старым

вером, который уже начал ему что-то рассказывать. Пройдя несколько шагов, мальчик начал отвечать на вопросы Михаила, а к тому времени, как они подошли к двери главного здания, сам спрашивал об интересующих его вещах. Ллариг проследила за ними взглядом, зная, что Эккарт в свою очередь внимательно прислушивается к разговору и удаляющимся шагам. Когда дверь за ними захлопнулась, Шапка обняла блондина за шею и зашептала ему на ухо:

— Ну что, уже можешь рассказать, зачем мне твое пальто?

— Чтобы скрыть запах, — улыбнулся он, — чтобы все веры на территории знали, что ты моя.

— Раньше у нас с этим проблем не было?

— Ну, давай же, — подбодрил Эккарт, — ты знаешь ответ.

— Ну-у-у... — Фир погладила его по затылку и улыбнулась, когда мужчинаотреагировал резким выдохом. — Если сложить два плюс два, то Дети Миля появились совсем не вовремя.

Эккарт медленно кивнул, замороженный тонкими пальцами, ласкающими его шею.

— Теперь ясно, почему Миша посоветовал мне поторопиться и побыстрее закончить все дела с вами двумя! — невысокий субъект с темными волосами и карими глазами смотрел на них с улыбкой.

Фир отпустила своего любимого, недовольно поглядев на подошедшего мужчину. Увидев реакцию на свое появление, он поднял руки, показав пустые ладони в универсальном жесте доброй воли.

— Я не просто так пришел, — его улыбка стала еще шире, напоминая Шапке Чеширского Кота из сказки Льюиса Кэрролла, — вы сами меня позвали.

Глава Дома Оборотней и вправду был котом. Перевертышем, конечно. Только вот превращения его происходили с помощью магии. Сам он говорил, что это было проклятие, наотрез отказываясь обсуждать, кто и почему с ним такое сотворил, хотя Эккарт предполагал, что соблазненные и брошенные ведьмы способны еще и не на такое.

— Мы к тебе почти официально, — вервольф обнял Фир за талию и повернулся к собеседнику, — помнишь Детей Миля?

Судя по нахмуренному лицу и недовольному шипению, вырвавшемуся из его горла, Антон помнил. В отличие от природных оборотней, в придачу к проклятию мужчина получил и бессмертие. Долгая жизнь, начавшаяся еще в Италии 1148 года, сталкивала его с теми, кого вервольф называл Детьми Миля, и Антон — урожденный Антонио ди Сенья — был далеко не в восторге от перспективы новой встречи.

— С этого момента поподробнее, — улыбка исчезла с лица мужчины, а взгляд стал настороженным.

— Первый раз я услышал их запах в среду. За нами следили. Вчера украли Ольгу, и все вокруг пропитано вонью гойделов. Нам нужна помощь, чтобы их найти.

— Не хотелось бы вмешиваться, — задумчиво ответил Антон, — но я не дурак. Если инквизиторы притащились сюда, то все слишком серьезно. Никто не сможет остаться в стороне. Рассказывайте подробно.

Они по очереди излагали факты, четко и не перебивая один другого. Антон слушал очень внимательно, иногда задавая вопросы, все больше убеждаясь, что помочь нужно не только потому, что фейри просят. Дети Миля были всеобщей проблемой. Их стремление уничтожить волшебных существ, изначально касавшееся только сидхе, постепенно переросло в ненависть ко всем, кто хоть немного отличался от обычных людей. Сначала

гойделы испробовали смену веры, чтобы заставить забыть о Богине, заменив ее мужчиной-богом, потом попробовали превратить рассказы и легенды в нелепые детские сказки-страшилки. Суперы смогли приспособиться, хотя это и потребовало определенных усилий. Святая Инквизиция в средние века стала апогеем. Антон прекрасно помнил ужас и бессилие перед служителями Церкви, среди которых обязательно находился представитель Детей Миля. Они не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков — попавший к ним в руки супер был обречен. Могло помочь только бегство, как тогда оборотень и поступил, прихватив с собой тех, кто согласился уехать. Те, кто остался, научились скрываться. К сожалению, успели не все.

В 1809, после уничтожения Инквизиции Жозефом Бонапартом, Антонио ди Сенья приехал назад. Он не нашел ничего знакомого в стране, которая когда-то была его домом. Старые знакомые и друзья давно умерли, а семейная ветвь прервалась, оставив мужчину в полном одиночестве. Подумав, он уехал назад, чему был только рад впоследствии. Больше на родину Антон не возвращался, решив, что это место больше не является его домом. Вторая Мировая преподнесла новый сюрприз — Геноцид. Обиженные потомки гордых арийцев стали прекрасным оружием в руках гойделов, решивших уничтожить всех суперов одним махом. Антонио до сих пор не знал наверняка, был ли Гитлер безмозглой марионеткой или просто психом, поверившим в призрачные обещания Детей Миля. В любом случае, это сработало. Цыгане — постоянно кочующие оборотни разных видов, евреи — искусные заклинатели и изготовители амулетов, да и вообще вся Европа, только ожившая после Инквизиции и первой Мировой Войны, снова оказалась втянута в эту игру. Большие прятки для суперов. Антон вздохнул.

— Мы поищем. Молодняк привлекать не будем, только из старых и только тех, кто сам согласится. Никаких чужаков, как я понимаю?

Эккарт кивнул.

— Дядя Миша говорил что-то про актеров, — заметила Фир.

— Да. Цирк приехал на гастроли, — ответил глава, — целая семья бенгальских тигров и их самец-альфа в роли дрессировщика.

— Интересно, почему волки так не делают? — Шапка задумчиво подняла глаза и загадочно улыбнулась.

— Потому что волки не экзотика, — ответил ее мужчина, — а кнут в твоих руках это довольно опасно. Если ты увлечешься.

— Что значит «если»?!

— Ну, давай.

Его насмешливые зеленые глаза испытующе глядели на подростка, будто что-то решая. Фир не заметила мгновение, когда выражение нерешительности на лице Вадима изменилось, и парень шагнул вперед, будто смертник. Он остановился возле Виктора, закрыл глаза и опустил голову вниз, обнажая шею. Мужчина ухмыльнулся и, наклонившись, слегка куснул парня за затылок.

— Теперь, добро пожаловать в Семью. Официально.

Виктор Кот, рыжеватый мужчина лет тридцати, был главой Семьи Рысей уже около пятидесяти лет. Высокий, очень крепкий физически, самосовершенствуясь, он много лет

занимался боевыми практиками. Прекрасный руководитель, Виктор в зародыше пресекал все возможные конфликты и строго следил за соблюдением правил, которые сейчас рассказывал Вадиму.

— Самое главное — люди не должны догадываться кто ты. Если ты попался — тебя забирают Чистильщики, и никто не сможет тебе помочь. На людей не нападать. Охота только на своей территории. Случайно находишься на чужой и тебе нужна жертва — только с разрешения хозяина, — мужчина рассказывал негромко и четко, глядя Вадиму в глаза. Он хотел быть уверен, что мальчик не только слушает, но и понимает. — Если Семья просит тебя что-то сделать, то ты делаешь. Если тебе самому нужно что-то от Семьи — говоришь мне.

Мальчик слушал внимательно. Его очень впечатлил Дом Обратней, куда они заезжали вначале, но Центр боевых искусств оказался вне конкуренции. В пятиэтажном здании Центр занимал всего два этажа. В некоторых помещениях лежали маты, в некоторых стояли тренажеры. Несколько огромных залов оказались полностью устелены татами. Кабинет Виктора, занимающего не только должность главного тренера, но и директора, находился на первом этаже. Рослый серьезный мужчина излучал спокойную уверенность в себе, присущую людям, имеющим власть и несущим ответственность перед другими.

— Если захочешь, то тебя могут усыновить до двадцати лет, больше ты сам не захочешь жить в семье, где есть другая рысь. Охотиться пока будешь у меня или у него, — мужчина кивнул на Эккарта, — если разрешит. Жить можешь либо в Доме Обратней, либо в Кошатнике, либо там где хочешь сам. Но сообщи мне, где планируешь находиться в любом случае.

— Я буду у них, — мальчик показал в сторону Фир, — мне Ану разрешила.

— Уже и со Жрицей успел договориться? — Неожиданно улыбнулся Виктор, — молодец.

— Вик, — перебил его Эккерт, — нам нужно, чтобы ты его подучил драться. В процессе и расскажешь ему то, что следует знать.

— Ладно, — легко согласился Кот, — будет в моей группе. После школы будешь ко мне ездить. Занятий не пропускать.

— Я не ходил и не хожу в школу.

Вадим внезапно застеснялся. Люди плохо реагировали на то, что он учился дома с бабушкой, обычно обращаясь с мальчиком так, будто он был ущербным. Неужели он и у них всех вызовет отвращение? Ану спокойно отреагировала, когда пришлось ей рассказать, но ни Фир, ни Эккерт этого не знали. Как и глава Семьи Рысей...

— Так пойдешь.

Голос Виктора прозвучал спокойно, будто подросток не сказал ничего необычного. Вадим заморгал, сбитый с толку ожиданием другой реакции, потом пораженно уставился на Кота.

— Вы не... — он возбужденно жестикулировал, не в силах подобрать слова, чтобы описать свои внутренние ощущения.

— Ты не умеешь читать, писать или считать? — Уточнил глава.

— Умею, — выдохнул мальчик.

— Вот, походишь к репетитору месяц-другой. Когда она скажет, что ты готов — пойдешь в школу, — Виктор пожал плечами, будто сказав вещь совершенно обыденную.

— Вик, можно тебя попросить, — Фир посмотрела на главу рысей, и он вдруг понял,

почему девушка одета в мужское пальто. Соблазнительный аромат сплетался с запахом волка, будто отмечая ее клеймом.

— Да? — Мурлыкнул он.

Не хотел, но так получилось. Внезапно в комнате стало тесно и жарко. Эккарт внимательно прислушался, втянул ноздрями воздух, потом встал и обнял свою женщину. В голове у Виктора немного прояснилось.

— Что ты хотела? — Чуть хриловато переспросил он.

— Не мог бы Вадим побыть у тебя пару дней? — Ответил за Шапку блондин, — нам нужна будет кое-какая свобода действий. В городе гойделы. Не хотелось бы, чтобы с ним что-нибудь произошло.

— Хорошо, — когда запах Эккарта перекрыл ее аромат, веррысь почти пришел в себя, — но вы лучше идите. Я за ним вечером заеду, вещи соберите только.

— Ну почему я должен ехать к нему? — Вадим был расстроен. — Ану же мне разрешила.

— Ну, ты же не насовсем к нему едешь, — пожала плечами Фир, — только на некоторое время. Кроме того, у него жена — учительница. Позанимаешься.

— Я должен быть в доме, — с серьезным видом заявил мальчик.

— Значит, будешь. От судьбы еще никто не уходил, — философски заметил вервольф. — Ты мне лучше скажи, как от нее пахнет?

— Сладко, — задумчиво ответил Вадим, — приятно так... а что?

— Нет, ничего. Похоже, у нас в компании появился еще один уникум, — улыбнулся ему блондин. — Надо же, рысь, совершенно не чувствительный к феромонам...

Глава 11

Фир с досадой заталкивала вещи в барабан стиральной машины. Обычно мелкими домашними делами занимался домовой, но сегодня ей срочно понадобилось перестирать почти всю одежду, надеваемую за прошедшие несколько дней. Связано это было с просьбой Эккарта, который последние пару суток ходил по дому с гордой и довольной ухмылкой. «У тебя снова изменился запах», — объяснил он. Усевшись на работающую машину в позе турецкого султана, Шапка мрачно уставилась перед собой.

Ее Ansa сказал, что был бы совсем не против еще одной пары близняшек, однако после нескольких дней размышлений Ллариг сомневалась, что будет хорошей матерью. Нет, она очень хотела ребенка, но ее мысли упрямо возвращались к фактам. Отца Фир не знала совсем, а матери оказалась не нужна. Как человек, никогда не имевший родителей, сможет стать самым лучшим для своего малыша? Девушка тяжело вздохнула и потерла глаза. Красные Колпаки не были хорошими родителями. У них совершенно отсутствовал инстинкт сохранения потомства. Маленькие Шапки росли сами по себе, с раннего возраста усваивая простую истину — кто сильнее — тот прав и будет главным. Дини Ши были не на много лучшими родителями, частенько подкидывая своих младенцев людям, чтобы те выкормили приемьша, даже не подозревая о том, что это не их родной ребенок. Странное представление о чести и долге, переданное новообретенными родичами, нередко

оказывалось губительным для неокрепшей психики, превращая уже взрослых и вполне сформировавшихся сидхе в социопатов с сильно завышенной самооценкой. Может быть то, что она росла не с биологическими родителями, было как раз плюсом?

Хуже всего было то, что рассказать о своих опасениях Фир было некому. Эккарта она любила безумно, но боялась его реакции на свои слова. Что он будет уговаривать, убеждать ее в собственной неправоте или, еще хуже, просто отмахнется. Ану бродила по дому будто тень, окруженная стайкой фей-крошек, а трехдневные поиски ведьмы пока не принесли результатов. Аили, родившая и воспитавшая двоих детей, не поняла бы, а делиться с Беленусом переживаниями Шапка уж точно не собиралась. И самое неприятное — Ллариг знала, как это все глупо. Понимала, что нагнетает проблему, которой нет, но поделаться с собой ничего не могла.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Фир?

Женщина вздрогнула. Она так ушла в себя, что совершенно упустила из виду тот момент, когда в кладовку, пристроенную к кухне, вошел Эккарт. Хотя нет, он не вошел, а просто неуверенно заглядывал внутрь, опершись на косяк плечом.

— Я тут.

Конечно, любимый не мог увидеть ее, а когда Ллариг забралась на стиральную машину — и услышать. Он шел на запах, Фир была уверена в этом. Шапка спрыгнула с нагретого места, подошла к оборотню, попав в надежные мужские объятия. Обняла его руками за талию, прижалась лицом к ложбинке между плечом и шеей, закрыла глаза и тихо выдохнула.

— Ну, что такое случилось? — Мягко спросил Эккарт.

Она только покачала головой, пока совершенно не готовая ответить.

— Потом расскажешь?

Прижимаясь к нему еще сильнее, женщина кивнула. Ей просто необходимо время, чтобы справиться со своими страхами. Да. Немного времени.

— Мне рассказать тебе, когда я пойму?

Его голос был так нежен. Конечно, Эккарт говорил о беременности. Как только плод окончательно сформируется, оборотень сможет учуять это по запаху гораздо надежнее всяких тестов и врачей. Фир снова кивнула, хотя в глубине души уже знала ответ. Подтверждение ей не было нужно. Возможно, это звучало глупо и самонадеянно, но было правдой.

— Я пришел сказать, что Тола проснулся.

Когда Шапка так близко прижималась к волку, ей казалось, будто рокот его голоса обволакивает все ее тело. Уютно...

— Пошли, сходим к фейкам тогда, — Фир нехотя открыла глаза, — а тут пускай закончит домовой. Я думаю, он уже освободился от сверхважного процесса натирания столового серебра. Или перепоручит белье кому-то из брауни.

Эккарт поморщился. Он ел только стальными приборами, считая любое серебро совершенно ненужным предметом в доме, а домовой обожал натирать и чистить раритетные ложки, вилки и ножи, запасливо прихваченные еще с прошлого места жительства...

Оранжерея представляла собой пристройку к основному зданию, состоящую из тонкого

металлического каркаса и стекла. Конечно, феи-крошки — как и все фейри — не были в полном восторге от обилия стали над головами, но благодаря стеклу конструкция позволяла сохранять относительно постоянную температуру окружающей среды с помощью волшебства и обеспечивала проникновение солнечного света. Именно поэтому с наличием железа скоро смирились, хотя Кайла иногда еще ворчала, что это глушит магический фон и не дает обогревать помещение в особенно сильные холода. Зимой большинство времени пикси проводили в доме, где им была отведена отдельная комната. Вообще-то, в оранжерее было достаточно тепло, чтобы некоторые виды растений могли расти круглый год, но ночью для фейков там было слишком морозно. С наступлением весны феи-крошки снова дружно начинали проводить время в своем стеклянном доме, стараясь пробудить цветы, что у них получалось задолго до того, как на деревьях снаружи появлялись первые робкие листочки. Толу, конечно же, разместили в комнате, где за ним по очереди приглядывали несколько пикси. Когда он очнулся, об этом немедленно сообщили Кайле, а так как в этом доме феи-крошки не считали нужным хранить тайн, — то и всем окружающим.

Эккарту сказали, когда он был в спортзале. Методичные упражнения не только помогали мужчине оставаться в хорошей физической форме, но и выплеснуть лишнюю энергию, которой у оборотня хватало с избытком. Особенно, когда он не мог себе позволить заняться чем-то активным. Кроме того, мужчина хотел дать Фир подумать — просто чувствовал, что любимой это необходимо. Его и самого волновало, что они не могут найти следов Оллин. А еще пророчество и ребенок.

Ребенок. Это слово пугало, если задуматься, все больше, особенно после слов близнецов-пикси. Конечно, при Фир он старался выглядеть веселым и довольным, но оставаясь наедине с самим собой, врать было невозможно. Он никогда не хотел бы выбирать между любимой и ребенком, в основном потому, что выбрал бы Шапку, которая бы не простила ему, если бы узнала. А *Богиня* вполне могла поставить его перед такой дилеммой — у *Неестранное* чувство юмора.

Фир нашла в кладовке, рядом со стиральной машиной. Эккарт даже поначалу сомневался, тут ли она, не услышав дыхания девушки из-за работающих приборов. Поэтому, как ему показалось, имя любимой прозвучало несколько неуверенно, но когда она ответила и сама подошла к вервольфу, все сомнения пропали и появились другие. Ллариг явно что-то беспокоило, хотя она и отказывалась говорить об этом. Пока отказывалась, поправил себя оборотень. Они всегда делились переживаниями, и в этот раз им есть, что сказать друг другу. Ведь он тоже не сказал о предсказании и своих страхах, но это может подождать. По крайней мере, до того, как они разберутся с Детьми Миля и непонятно откуда взявшимися фоморами.

Комната, отведенная для крошек-фей, в конечном счете, начала напоминать кусочек оранжереи, перенесенной в дом. Внутреннее убранство состояло из разных полок, на которых находились не только вечноцветущие растения, но и разнообразные сосуды с водой. Цветочную коллекцию разбавляли пара кадок с деревьями и бонсай с миниатюрным водопадом, подаренным лично Кайле. За всем этим пикси ухаживали сообща, находя в своем занятии несказанное удовольствие. Визит Фир и Эккарта сопровождался чиханием и слезящимися глазами оборотня по одной неприятной причине — у фей-крошек зацвело

лимонное дерево. Оно источало нежный, но достаточно насыщенный аромат, чтобы у вервольфа, который слишком хорошо воспринимал запахи, началась аллергическая реакция... Но уходить Эккарт отказывался. Он тоже хотел слышать, что скажет феек.

Тола лежал, укрытый тончайшим шелком, который делали сами пикси, утверждая, что изделия людей для них слишком грубы. Его волосы — до плеч, как у всех фей-крошек — разметались по подушке золотым ореолом, а крылья желто-черные как у бабочки Парусник Румянцева[27], были аккуратно сложены за спиной. На бледном заспанном лице фейка блуждала слабая улыбка. Рядом, ругаясь и с перерывами запихивая в него свежий нектар крошечной ложкой, суежилась сиделка. Тола не возражал, всем своим видом показывая, что очень рад выжить и то, что тебя кормят с ложки, не так страшно, в конечном счете. Для ускорения процесса опроса фейка Эккарта усадили прямо на пол, а Фир уселась ему на колени. В результате Тола оказался на уровне глаз Шапки, что было очень удобно — пикси мог не прикладывать лишних усилий, поворачивая голову к посетителям.

— Тола, расскажи нам что произошло, пока мой мужчина окончательно не задохнулся.

Хотя Ллариг говорила с улыбкой, глаза ее были серьезны. Тола кивнул и попросил сиделку перестать его откармливать. Феек наелся, ему ужасно хотелось спать, но рассказать, что произошло, было необходимо, поэтому Тола начал говорить:

— Днем все было нормально, я представлял собой заколку для волос и честно грелся в шарфе, а Оля старалась проводить время в тепле, чтобы меня не заморозить. Фир, мне показалось, она не совсем понимала, что представляют собой гойделы, поэтому я прочитал ей лекцию, когда выдался свободный момент.

Вокруг стояла непривычная для места обитания пикси тишина. Казалось, все обитатели прислушиваются к словам Толы. На самом деле, так оно и было — Фир совершенно не удивилась этому. Все феи-крошки любили Олю. Она всегда готова была посидеть с ними, рассказать что-то или почитать малышам, зачастую забывая, что они гораздо старше нее самой.

— Мне казалось, что Ану ей рассказывала, — удивилась Шапка, — даже не так. Я уверена, что рассказывала.

— А мне показалось, что она слышит об этом в первый раз, — удивился феек, — даже детали переспрашивала... В общем, она решила что последует совету Беленуса и возьмет отпуск. Написала заявление, поругалась с шефом и написала еще одно — уже на увольнение.

— Люди, — презрительно фыркнул вервольф, — вот у оборотней просто говоришь, что нужен своему альфе, и тебе сразу дают отпуск. Так нет же, развели бюрократию...

Его речь прервалась громким чиханием, которое не заглушил даже платок, заботливо принесенный феями-крошками.

— Когда мы вышли, снаружи было тихо, только на другом конце стоянки в машине копался какой-то человек. Оля открыла дверь и посадила меня внутрь. Она хотела забрать что-то в багажнике, я не знаю... В общем, когда мне удалось выпутаться из шарфа, в который она меня завернула, я смог увидеть только, как ее уносят к другой машине. Я начал искать мобильник, но, кажется, Оля забрала его с собой, а потом я увидел, как человек возвращается. Когда он открыл дверь, я вылетел на улицу. Он так ругался, когда он увидел меня! Начал искать что-то в машине, но я не видел что. Пришлось отлететь далеко, чтобы у него не было ни единого шанса меня поймать.

— Ты мог замерзнуть, — тихо перебила его Фир.

— Я знаю, — голос Толы звучал обреченно, но твердо. — Но это было бы гораздо

лучше, чем возможность попасть в руки Детей Миля. Олю, возможно, не тронут, если не узнают, что она — ведьма, но меня и так ждала смерть. Как любого фейри, попавшего в руки Детей Миля.

Он немного помолчал, будто собираясь с мыслями, и продолжил.

— Он закрыл дверцу, когда закончил осматривать салон, потом покопался под капотом. К тому времени я уже плохо владел своим телом, начал засыпать из-за холода, но, постарался подлететь поближе к другой машине, чтобы разглядеть второго. Думал, если смогу потом рассказать вам... ладно, не важно. Могу же. Так вот. В машине были двое — мужчина и женщина. Мне показалось, что ее держат там силой. И внешность у нее была странная, больше похожа на фейри, чем на человека. Плюс эти браслеты на запястьях... они выглядели так, как наручники, которые магам надевают...

Фир и Эккарт закивали, показывая, что услышали и запомнили слова фейка.

— В общем, я снова отлетел, чтобы не упасть к ним прямо в руки и увидел, как тот мужчина, который копался в машине Оллин, быстро побежал к своему авто. Со стороны деревьев на него двигалась странная тень. Это был не фейри. Не человек. Не знаю, что или кто это было. Может быть, я уже уснул, и это была часть моего сна, но мне казалось...

— Что ты видел? — перебил его Эккарт.

— Девушку. Похожую на ту, что сидела в машине, только обернутую тьмой, будто шалью. Когда она шла, мне казалось, что чернота двигается за ней. И еще, мне показалось, она испугала Детей Миля.

— Опиши, — попросила Фир.

— Ростом ниже тебя. Волосы темные. Глаза светились зеленым светом, как светлячки. Красивая по меркам людей, ближе не видел. Та, что в машине, была очень похожа, но тусклая, будто смазанный рисунок.

Эккарт пожал пальцы Ллариг. Тола родился гораздо позже того, как из виду пропали последние фоморы, поэтому, он не мог знать, что существа, находящиеся в нескольких мирах одновременно, будут выглядеть именно так, нестабильно. С другой стороны, будь девушка фомори на сто процентов, она вообще не смогла бы находиться в этом мире в своем собственном виде без какой-либо поддержки.

— А мужчины? — голос Шапки прозвучал глухо.

— Первый типичный гойдел-воин. Физически развит, золотистые волосы в короткой стрижке, четкие скупые движения. Второй — тот, что сидел в машине — худой и тонкий. Почти наверняка друид. Движения у него были плавными и текучими, вы знаете, они отрабатывают, когда читают заклинания.

— Что было дальше?

— Я упал, — Тола попытался пожать плечами, но у него не очень удалось.

— То есть, ты не добрался до машины Ольги? — уточнил Эккарт.

— Нет, — ответил феек, — я только помню, что меня подняли теплыми руками. Помню, как держался за пальцы и женский голос, который говорил что-то типа «я приду», но было это во сне или нет, утверждать не возьмусь.

— Ясно, — Фир кивнула и добавила, — если вспомнишь что-то еще, сразу говори, нам передадут. Кстати, не удивляйся, если Беленус с Аили зайдут послушать то же самое еще раз.

Разноголосый щебет фей-крошек со всех сторон подтвердил слова Шапки. Тола согласно кивнул и быстро закрыл глаза, в надежде избежать повторного насильственного кормления целебным нектаром.

— Эта девушка — явно из фоморов, — констатировал Эккарт.

— Согласна, — кивнула Шапка.

Они вернулись в кладовку, потому что Фир сильно сомневалась, что домовой найдет время для ее просьбы. Чтобы отвлечь его от столового серебра, нужно была причина поважнее, чем сушка белья каких-то сидхе. Но, к удивлению девушки, все было сделано. На этот раз брауни постарались проявить инициативу, чем заслужили благодарность в виде миски с молоком, за которым, собственно, они и пришли на кухню.

— Мне в голову приходит только одно объяснение. Эта фомори по какой-то причине на нашей стороне, — продолжил свою мысль оборотень, — и думаю, девяносто девять процентов, что эта причина сидела рядом с друидом гойделов в их машине.

— Осталось выяснить, кто та девушка, которая нужна фомори, чего хотят от нее Дети Миля, зачем они поймали Оллин, знают ли они, что мы тут... — загибала пальцы Фир, — где они спрятались, куда дели Олю. Потом найти их, напугать и забрать нашу деточку.

— Ты интересно используешь человеческие слова, — улыбнулся вервольф.

— Ты же сам водил меня в кино, — лукаво приподняла бровь девушка.

— Тебе же нравятся боевики, — мужчина пожал плечами.

— Тебе тоже! — возразила она, показав ему язык.

— Братишка, а они совсем не меняются, правда? — Знакомый голос оборвал их шутливый полу-спор.

— Точно, Мак. Совершенно такие же.

И уже в их сторону хором:

— Привет, Па и Ма!

Фир посмотрела на довольную улыбку Эккарта и медленно повернулась. На пороге кухни стояли парни-блондины, одновременно похожие и очень разные. Казалось, что *Богиня* вложила в них особую суть, безумно притягательную для всех, кто сумеет находиться рядом, но ясную только *Ей*одной.

— Мальчики мои! — пискнула Фир не хуже пикси.

— Да, наша семейка в сборе, — зубасто ухмыльнулся один из близнецов, обнимая приемную мать.

Второй только кивнул, стиснутый отцовскими объятиями и точно такой же улыбкой сверкнул в сторону брата.

Глава 12

Близнецы были чуть более высокими, чем их отец и немного более белокурыми. С длинными, струящимися по спинам волосами, которые так любят носить сидхе. Одинаковые смешливые глаза, обворожительные улыбки, широкие плечи и грациозные как у хищников движения. Если эти двое хотели, то друг от друга их не мог отличить никто, разве что отец и приемная мать.

— Нас снова поселили в тех же смежных комнатах, — ворчливо произнес Маккон.

Он всегда так говорил, хотя, если их расселяли по дальним комнатам, устраивал скандал. Жрица это прекрасно знала, давно махнув рукой на их капризы и сказав, чтобы

близнецы занимали смежные комнаты. Дом воспринял слова хозяйки буквально, создав для этих двоих подходящее место на втором этаже. Так что, если бы Маккон говорил серьезно, то вполне мог остаться без ночлега — эти стены имели уши в буквальном смысле слова и подстраивались под нужды своих обитателей.

— Да, Мак, давай. Расскажи моему шкафу, как тебе не нравится брать из него рубашки, — сделал серьезное лицо Конхенн.

Маккон всегда был заводилой и душой компании. Взрывной и языкастый, он был тем самым полководцем, который сможет повести за собой тысячу солдат, согласных умереть только за слова его одобрения. Густая грива светлых (до бедер) волос, которые он любил заплетать в косу, и всегда светящиеся весельем синие глаза. Главной любовью в жизни Маккона, после брата естественно, были мотоциклы, поэтому и одевался он соответственно — черная кожа и тяжелые ботинки. Хотя частенько таскал у своего близняшки тонкие шелковые рубашки, чтобы, как он сам заявлял, «держат марку».

— И расскажу, — фыркнул его близнец в ответ, — по тебе будто стайка шлюх прошлась, со всем этим парфюмом.

Конхенн был приверженцем классики вроде белых шелковых рубашек и костюмов от кутюр. Он предпочитал завязывать волосы в высокий хвост, достигающий до пояса. Хотя глаза у них с братом были абсолютно одинаковые. Серьезный, часто язвительный и малословный, он всегда являлся негласным лидером этой парочки, даже в детстве сочиняя такие проказы, в которых близнецов никогда не удавалось уличить. Кроме того, Конхенн любил спортивные авто, что помогало ему найти общий язык с мачехой. Его хобби было таскать у брата черные кожаные штаны для хождения по окрестным барам. Наверняка, в отместку за свой изрядно прореженный гардероб.

— Ты берешь то, что лежит в упаковке, — спокойно перебил его Конхенн.

За столетия, проведенные рядом с братом, он привык к постоянному звуковому сопровождению от своего близнеца, частенько не воспринимая его слова всерьез. Маккон всегда вел себя так, будто слова сами выскакивают у него изо рта, как подозревал Конхенн, иногда, даже не фильтруясь мозгом. Впрочем, эта его особенность имела и плюсы. Точнее — один большой плюс. Мак мог, кого угодно уговорить сделать все, что ему нужно. Наверняка даже смог бы продать снег эскимосам. Зимой.

— И даже твои носки пахнут так же! — Продолжал беситься Маккон.

— Это потому, что я заказываю вещи в одном и том же магазине, — пожал плечами его брат. — И, кстати, может, ты прекратишь брать мои носки?

— Только когда ты перестанешь тягать мои кожаные куртки! — Клятвенно заверил Мак, — и штаны тоже.

— Тебе не стоит называть наших дам шлюхами, братишка.

— Ты сменил тему.

— Ма говорила тебе, что если леди с тобой переспала, это еще не значит, что она продажная.

— Ты сменил тему. И не приплетай сюда Ма! Если бы нашлась девушка, похожая на нее хоть чуточку, я бы сразу же женился.

— Ты слышал запах? — Улыбнувшись заметил Конхенн.

— Да, — так же довольно ответил Маккон, — к лету нас точно просветят.

— Интересно, кто у нас будет...

— ... братик или сестричка?

Они частенько заканчивали фразы друг за друга. И девушками делились. Причем так, что те даже и не понимали, что сейчас тут сидит один брат, а через несколько минут его уже сменяет другой. Или делились в открытую. Ма в свое время сильно злилась на них из-за этих выкрутасов, но потом просто махнула рукой. Наверное, Па сказал, что их уже ничто не исправит и, конечно же, он был во многом прав. Ни один из этих двоих пока не нашел девушку, которой совершенно не хотелось бы делиться. Конечно, им нравились многие женщины, но... Люди годились лишь на одну ночь. Они были хрупкими и нежными, и оба близнеца попросту не могли полностью расслабиться с человеческими самками, боясь сорваться и сломать что-нибудь жизненно важное.оборотни были подругами получше. Более выносливые, склонные к экспериментам, но с таким коротким сроком жизни... Женщины-сидхе были идеальны по всем параметрам, не считая одного. В последнем сидхене их культивировали, как экзотические тепличные растения, получая на выходе красивых покорных идиотов, готовых слепо исполнять приказы короля и королевы. Инкубаторы для рождения новых сидов. Любая из них относилась к оборотням с ледяным презрением. В сидхене прекрасно была известна история о том, что близнецы стали фейри не по праву рождения, а в качестве дара от самой Дану. Мало того, что они оба были зверьми, так еще и не имели никакого магического дара. Хотя, если бы спросили самих Маккона и Конхенна, то можно было бы узнать кое-что интересное.

— Держи, — Маккон бросил своему близнецу черные кожаные штаны. — Возможно, нам придется порядочно поползать сегодняшней ночью.

— Да уж, — ухмыльнулся Конхенн, — Дарен просто тиран, если нужно обеспечивать безопасность Ану. Интересно, как он вообще доверяет ее охрану кому-то другому.

— Будто ты не видел попыток нашего босса залезть на стену! — Рассмеялся Мак.

Конечно, они никогда не осмелились бы шутить так в присутствии самого Жреца, но это было к лучшему. Он мог сильно разозлиться, если учесть, что в словах Маккона было слишком много правды. На лицах обоих близнецов появилось задумчивое выражение, а воздухе повисла странная пауза.

— Брат мой, ты думаешь о том же, о чем думаю я? — Выражение на лице Конхенна напоминало ребенка, поджидающего новогодний подарок.

— Когда Ма скажет, что она беременна, — осторожно начал Маккон, — Дарен решит, что Ану требуется дополнительная охрана...

— А так как мы будем сильно волноваться за Ма... — продолжил Кон.

— ... очень сильно! — Поддакнул Мак. — А Кина не сможет все сделать сама...

— ...исключительно потому, что мы ее попросим! — Его брат поднял вверх указательный палец.

— Дарену придется на какое-то время переехать и быть рядом с Ану!

— Бинго, брат мой! — Конхенн улыбнулся.

Оба знали, что Кина с ними согласится. Все из свиты Жреца считали, что он давным-давно заслужил немного счастья и уж если у них появилась такая возможность, упускать ее так просто они не собирались. Даже если сам Дарен сначала будет против.

— Меня так и подмывает позвонить Кине, — Маккон запустил пальцы в волосы на затылке, — сестренка бы сразу продумала детали.

— Для начала нужно убедиться, что Дарен не находится рядом с ней. Мне не очень хочется получить по шее.

— Тогда давай подождем, пока он приедет сюда? Или лучше, когда мы сами поедем и

улучим минутку для разговора с Киной наедине?

— Второй вариант, однозначно.

Они кивнули друг другу и продолжили приготовления.

Жрец должен был прибыть вечером для проведения ритуала пробуждения и прославления Богини. Хотя близнецы были рядом с ним с самого начала, они не знали точно, в чем заключаются эти ритуалы. Отчасти потому, что Дарен не хотел говорить, отчасти — потому, что они не хотели знать правду, которая могла оказаться не очень приятной. Дарена уважали и боялись. Даже те, кто хорошо знал и любил его, не могли точно предсказать действий Жреца. Казалось, он действует по наитию того Бога, которому служил так долго — жестокого, беспощадного. Умный и хладнокровный Дарен был воплощением силы, это признавали все, кто с ним сталкивался, даже прирожденные вожди. Его приказы не обсуждались и не повторялись. Единственным живым существом, осмеливавшимся диктовать Дарену условия и ставить перед ним рамки поведения, была Ану. Рядом друг с другом из Жреца и Жрицы они превращались в обычных людей, позволяя себе кричать, ругаться и дико ссориться по разным причинам. Или наоборот, проявляя такую глубину чувств, что окружающие начинали прятать глаза и поспешно ретироваться в разные стороны. Судя по блеску их глаз, они оба просто наслаждались такими моментами.

Существовала, однако, определенная опасность, из-за которой, собственно, Дарен и решил жить подальше. Эмоции этих двоих, особенно если они сводились, наконец, к сексу, освобождали огромное количество энергии. Буквально. По всему миру. Наводнения, цунами, землетрясения, пожары... Список можно было продолжать до бесконечности, но что с этим всем делать, не знал никто. Дарен не очень любил людей, поэтому ему было в сущности все равно. Но он обожал Ану, которой все равно не было, поэтому Жрец предпочитал жить как можно дальше, чтобы не иметь соблазна ее увидеть. Судя по наблюдениям близнецов, его старания не увенчались успехом ни на йоту, зато Дарен преуспел в мазохизме.

— Кон, лови! — В сторону одного из близнецов полетели скрученные жгутом цветастые полоски.

Он рефлекторно вскинул руку, схватив то, что взмыло в воздух и только потом разглядел. В руках Конхенна поблескивали две длинные ленты темно-синего и ярко-красного цветов. Оборотень недоуменно вскинул бровь.

— Зачем мне твои ленты? Еще и такие?

— Синяя — для битвы, — бросился перечислять Маккон, — красная для привлечения противоположного пола... а еще нужно будет вплести в волосы те гранатовые бусины, которые я нам купил.

— А мне зачем? — снова спросил его близнец.

— Надо!

Конхенн ошеломленно покачал головой. Иногда его брат действовал абсолютно вне всякой логики. Но, так как из его поступков всегда получалось что-то хорошее, то спорить Кон не стал. Хочет Мак бусины — будут ему бусины.

Смежной комнатой была гардеробная с двумя рядами шкафов по обе стороны стен. В ней близнецы как раз и находились сейчас. Правую комнату всегда занимал Конхенн, а в левой жил Маккон, поэтому — исключительно для удобства — их одежда располагалась так же. Доминирующим цветом у обоих был черный, преобладая не только в одежде и любимых вещах, но и в оформлении жилища. Только редкие вкрапления синего и красного оживляли чернильное однообразие, однако близнецы были от этого в полном восторге.

Единственными растениями в их жилище были бенгальские розы, совершенно не имеющие запаха. Это был своеобразный знак внимания к ним фей-крошек, живущих в этом доме, которые выращивали эти цветы специально для оборотней.

— Сегодня придется побегать, — Маккон вытащил из своего шкафа две черные футболки без рукавов и с V-образным вырезом, передав одну брату.

— Ты имеешь в виду, что хочешь мои кроссовки для пробежки или, что лучше вообще не надевать обувь?

— Я думаю, лучше не надевать, — Маккон взял расческу. — Я бы не хотел выбрасывать хорошую обувь.

— А штаны тебе не жалко? — Улыбнулся Конхенн.

— Неа, — Мак взял ленты и стал плести высокую косу, — я их как раз для этого и брал. Поддай мне вон ту шкатулку и помоги.

Конхенн взял лакированную коробку из дерева, украшенную искусной резьбой, и открыл ее, поднеся к свету. Внутри, аккуратно упакованные в пластиковые пакетики, покоились бусины из различных камней и металлов. Между ними виднелись разные заколки: парные и одноставные, диковинные и простые, старинные и совсем новые. Все это имело лишь одну общую черту — чертовски высокую стоимость. Кон поморщился. Он не любил эту черту своего брата, считая ее слишком вычурной.

— Доставай гранатовые бусины, — скомандовал Маккон, — как капельки, такие.

Его близнец кивнул, выудил из шкатулки требуемые украшения и забрал у брата расческу, самостоятельно занявшись его прической. Они привыкли заботиться друг о друге еще с детства, пока отец был занят добычей пищи, защитой племени и всякими мужскими делами, куда не допускались маленькие мальчики. Мать близняшек умерла при родах, нянькам-рабыням было на них наплевать, а другие дети откровенно их боялись, подученные взрослыми. Кто знает, говорили тогда, к чему родились близнецы? Не дурной ли это знак и не следовало бы сразу принести их в дар богам, как предсказал жрец их племени? Правда ли, что они могут стать благословением? Великими воинами, как предрекал военный советник? На эти вопросы никто не знал ответ. А пока от детей держались подальше, оставляя их воспитание на рабынь и отца, вечно занятого делами племени. Мальчики никогда не обвиняли этого улыбчивого человека со светлыми волосами и золотыми, как солнце, глазами в том, будто он их бросил.

Отец всегда был рядом, когда требовалось защитить, ободрить или просто приласкать их обоих. А уж когда в их жизни появились сидхе, близнецы полностью перестали чувствовать себя обделенными. Да, у них не было сверстников — товарищей для игр. Ну и что? А у кого еще есть мама, пусть и приемная, которая может научить тебя обращаться с любым оружием? У кого есть Беленус, который может показать настоящее волшебство, вырастив цветок за несколько минут? У кого есть Ану, которая может рассказать столько легенд и старых историй, что любой сказочник будет плакать от зависти? Или стайка пикси, всегда готовых к новым шалостям? И, конечно же, в подобных условиях известие о том, что они — оборотни, их не напугало. Скорее, обрадовало как возможность стать частью всего того, что мальчики видели с самого детства.

Эккарт был горд сыновьями и самостоятельно учил их охотиться. Конечно же, тут не обошлось и без Ллариг, кусочек за кусочком восстанавливающей его гордость после того как мужчина ослеп. Мальчики, видя, как их мачеха заботится об отце, стали откровенно обожать ее, ведь они всегда были друг у друга, а у их папы раньше не было никого. Именно она была

их первым учителем, показав, как важно, что твой любимый человек счастлив. Урок они усвоили.

— Ну, что там? — Маккон никогда не мог долго усидеть на одном месте.

— Все почти, — Конхенн затянул ленту крепче, чтобы она не скользила по гладким волосам брата.

Стоило ли говорить, что получилось очень красиво, даже по меркам придирчивого сидхе? Гладкое плетение перекрещивало пряди волос. Ленты казались сполохами цвета, а гранатовые капли, разбросанные в строгом симметричном порядке, напоминали капельки крови. Коса оканчивалась гладким узлом, стянутым примерно на уровне пояса низко сидящих кожаных штанов. Мак потряс головой, чтобы проверить устойчивость прически, и кивнул. Потом попросил маленькое зеркало и, встав напротив своего отражения у дверцы зеркального шкафа, начал рассматривать плетение. Закончив, удовлетворенно хмыкнул и, усадив Конхенна на тот же стул, с которого только что поднялся сам, принялся плести ему на голове то же самое. Когда процедура окончилась, близнецы стали напротив, тщательно проверяя схожесть друг друга.

— О, черт! — Простонал Маккон, — Ма нас поубивает, когда увидит татуировки!

— Гхм... — поперхнулся Кон.

Защитные руны располагались на спинах и запястьях близнецов. Фир еще не видела идентичных рисунков на телах своих пасынков, сделанных краской с низким содержанием серебра. Только так оборотни могли заставить тату сохраниться под кожей и, если на спине татуировки можно было скрыть футболкой, то запястья были полностью открыты.

— Ма... — задумчиво продолжил Конхенн, — вот если Па увидел бы, это было бы нечто! А ей я сам покажу. Потом, когда будем уезжать.

— У меня напульсники где-то были, — Маккон исчез в своей комнате и почти тот час же вернулся с сумкой. Немного покопавшись, он достал две пары разных манжет. Первые из кожи с железными заклепками, а вторые из плотной черной ткани, напоминающей эластичные бинты. Натянув их на запястья так, чтобы скрыть татуировки, он протянул парные брату, дождался, пока тот их наденет, и показал большой палец.

Они улыбнулись, глядя друг на друга как в зеркало.

— Вот теперь — мы шикарны. Пошли вниз.

Глава 13

— Дай я поправлю, — тихо сказала Фир.

Ее тонкие пальцы скользнули по мужской шее, выпрямляя воротник-стойку. Он прищурил глаза, наслаждаясь прикосновением, ее изысканным ароматом и нежным голосом, шепчущим на ухо. В темноте, всегда в полной темноте, кроме тех редких моментов, когда волк частично или полностью вырывался на поверхность.

Эккарт уже и не помнил, когда в последний раз боялся тьмы. Возможно, в далеком детстве... хотя нет, в последний раз темнота напугала оборотня, когда он ослеп. Тогда мужчина подумал, что просто не может открыть глаза. Такое уже было однажды, когда кровь из разбитой головы застыла прямо на веках, слепив ресницы и лишив его зрения, поэтому вервольф был спокоен какое-то время. Когда Эккарт понял, что глаза открыты, а света нет — пришла паника. Всепоглощающая, лишаящая связных мыслей. Мужчина стал задыхаться, но почувствовал чьи-то руки, обхватившие его за плечи. Вервольф дернулся, упав с приличной

высоты. Только потом, он узнал, что лежал на импровизированной кровати.

— Меня не так легко свалить с ног, — зашептал ему на ухо чуть хриплый женский голос, — но тебе, похоже, это удалось.

Фир стала ниточкой спасшей его от тьмы. Такая нежная, мягкая и невероятно сильная, она пахла солнцем, сексом, кровью и немного зеленой листвой. Смех ее был самым лучшим звуком, который он слышал в жизни, а нежное прикосновение пальцев — просто ошеломляющим. Именно тогда Эккарт понял смысл выражения «нет слов». Фраз, которыми можно было бы выразить все эти ощущения, не существовало в природе.

Через несколько лет, когда мужчина в какой-то мере свыкся со своей слепотой, ему приснилась *Богиня*, хотя это больше походило на видение с запахами и звуками. Вервольф даже на секунду испугался, что если именно произошедшее было сном и Фир не существовало? Но, когда он увидел *Даннан*, все сразу встало на свои места. Эккарт узнал *Еесразу*, хотя и являлся язычником вопреки всем рассказам своей возлюбленной. Как можно не узнать мать и дочь, сестру и подругу, любимую и любовницу? *Данубыла* ими, всеми сразу. Одновременно молодая и старая, юная и опытная, бесконечно мудрая. От *Нее* волнами исходил покой и постоянное движение, будто *Богиня* заключала круговорот жизни в себе самой. И запах... волны сладкого аромата, которым когда-то пахла его мать еще до того, как годы и ранняя смерть стерли ее лицо из памяти Эккарта, оставив только это нежное цветочное напоминание.

— *Хочешь ли ты жить вечно, сын мой?*

Звук *Еего* голоса был отражением всех женщин, которых он слышал в жизни. Миллионы тонов и оттенков, старые и молодые, смеющиеся и печальные. Будто трубы судного дня поют свою прекрасную и ужасную песню. Но голос ему понравился. Очень. Может быть потому, что в нем можно уловить нежные нотки, уже слышанные в голосе Фир Ллариг?

— Я не знаю, *Великая Даннан*.

Он ответил честно. Выросший в обществе, где люди с физическими недостатками не считались нормальными, Эккарт прекрасно понимал всю свою ущербность. Что делать слепому воину? Он не умел больше ничего, битвы были его жизнью, хлебом и гордостью. Да, физическая сила была при нем, но мужчина так явно ощущал себя лишним в этой жизни и давно думал, как поступить. До боли в голове и ноющих висков. Но выхода не было. Так ему казалось тогда. Как отступить от своих детей, которые останутся смертными? Близнецы были так беззащитны без его опеки. Слепота забрала у него и это... Эккарт не был рожден оборотнем, но семья была для него так же важна, как и для обычных волков стая. Он сделал бы все, чтобы защитить своих сыновей, а с некоторых пор и еще одну женщину, Фир. При звуке ее голоса сердце превращалось в бабочку, бьющуюся в плену детских рук. Что делать, если недавно обретенная возлюбленная решит, что больше не нуждается в слепом оборотне?

— *Ты недоверчив, мой Волк,* — в голосе *Ее* слышалась усмешка, как будто он произнес вопросы вслух. Тогда Эккарт еще не знал, что нужды в словах нет, — *Воин — это не только зрение. Это человек, живущий битвой, чей разум остер, как клинок. Ты слышишь, как листья шепчут о скорой зиме, облетая на землю. Ты чувствуешь, как спит под снегом трава, готовясь к нежной весне. Закрыв глаза, ты не сможешь изменить мир, но вполне сможешь измениться сам. Слушай и обоняй, пока глазами твоими будет Моя дочь. О детях не беспокойся, они должны выбрать сами. Их путь открыт.*

Она чуть помолчала, дав оборотню обдумать сказанные слова, а он ошеломленно молчал, напуганный ответом на невысказанные вопросы.

— Что я должен сделать, Великая Даннан? — Эккарт старался, чтобы его голос звучал твердо.

— *Будь защитой для женщин моего дома, — в голосе Данупочудилась мягкая улыбка. — Жрица и ее семья. Под твою охрану отдаю их всех. Да будет так!*

Мужчина склонил голову и... проснулся в нежных женских объятиях. Запах Фир окутывал его теплой родной волной, успокаивая и маня. В тот раз он смирился со своей слепотой окончательно.

На внешности мужчины превращение особо не отразилось, хотя остальными он был признан сидхе сразу и безоговорочно. Лишь только кожа приобрела свойственное всем сидам сияние и глаза, отливавшие волчьим золотом после заражения ликантропией, вновь стали синими, меняя свой цвет, только когда его звериная ипостась грозила вырваться наружу. Странно, но став фейри Эккарт не получил никакой особой магии. Более того, у вервольфа оказался иммунитет к любому волшебству, хотя оборотень стал чувствовать магию, как будто в него оказался встроен какой-то датчик. Теперь кровь Эккарта сочетала в себе и волка, и фейри — с этим приходилось считаться.

Он перестал стареть, но получил аллергию на чистое железо. Раны заживали намного быстрее, но мужчина был постоянно голоден из-за повысившегося обмена веществ. И, ох, его лунный цикл совершенно сбился. Теперь, превращение в волка происходило не только в полнолуние. Хотя это даже нравилось Эккарту — он заново учился управлять собственным телом и преуспевал в этом. Единственное, что беспокоило вервольфа — превращаясь в зверя, он все еще терял человечность, становясь животным большей частью своего разума. Если бы Эккарт изначально родился оборотнем, ему было бы легче контролировать свою вторую ипостась. Но, с другой стороны, будучи в человеческой форме, природные веры часто начинали вести себя, как их внутренние звери. Так что это была палка о двух концах.

— Ну, что, пошли вниз? — Голос Шапки вторгся в его давние воспоминания.

Все оказалось не так плохо в конечном итоге. Окружающий мир стал средоточием звуков и запахов, заменивших зрение. Сильнее стали и тактильные ощущения, а присутствие Фир Ллариг в жизни Эккарта делало все неприятности несущественными. Когда его сыновья заключили договор с Даннани получили в дар бессмертие, мужчина признал — все, что нужно для хорошей жизни, уже рядом.

— Конечно, Geliebte, — улыбнулся Эккарт в ответ, — все как ты пожелаешь.

— Ма, мы можем чем-нибудь помочь? — Фир обернулась на звук голоса Маккона.

Они с Конхенном были одеты и причесаны одинаково но, каким-то образом, Ллариг точно знала, кто именно из близнецов с ней сейчас говорит.

— Да, нам бы очень хотелось, — кивнул его брат.

Парни узнали о появлении гойделов и происшедшем с Олей еще до своего приезда и теперь с воодушевлением включились в увлекательные обсуждения на тему «как найти нашу девочку и что делать с Детьми Миля, когда мы их поймем». Хотя, конечно, обсуждение было чистой формальностью. Все прекрасно понимали, что без новой информации сделать что-то реальное они не смогут. Конечно, рассказ Толы точно и скрупулезно пересказанный Эккартом, был содержательным, но, по сути, добавлял гораздо больше вопросов. Особенно к фомори — а они практически не сомневались в том, что появившаяся в конце инцидента

именно из расы фоморов.

Конечно, феек описал похитителей, но любой фейри знал, что подделать внешность гойделам, при желании так же легко, как им самим. Так что они все еще ждали новостей от суперов, которые искали Детей Миля за городом и на его территории. Хотя, на всякий случай, Фир передала детальное описание оборотням, а Беленус поговорил с остальными.

— А если мы сами попробуем что-то разузнать? — Маккен лениво облизывал ложку, которую только что достал из банки с шоколадным кремом, — у нас ведь неплохие шансы.

Белиссима, одна из фей-крошек, окружающих Ану, подлетела к нему и робко подергала за тонкую пядь волос, на кончике которой каким-то чудом держалась кровавая капля граната. Он улыбнулся и полный звериной грации протянул руку вверх ладонью. Пикси с лукавым выражением на мордашке села прямо на нее, обхватив тонкими ручками большой палец оборотня и потерлась нежным личиком о подушечку. В ответ Маккон зачерпнул крем из банки и предложил фейке. Белиссима посмотрела на сородичей, оставшихся в воздухе, и покачала головой. Этим знаком внимания она не хотела делиться.

Маккон вопросительно изогнул бровь и тут же почувствовал прикосновение крошечного язычка к своей коже. Удивленно хмыкнув, мужчина мазнул шоколадом большой палец. Золотисто-черные как у махаона, крылышки Белиссы довольно затрепетали, когда она начала слизывать крем прямо с него.

— Мак... — Конхенн поднял глаза в потолок, — перестань с ней заигрывать. Она — пикси.

— Ну и что? — улыбнулся его брат, — может, мне нравится сам процесс.

Фея-крошка подняла личико, чуть испачканное шоколадом, и рассмеялась.

— Учи свою историю, сид, — произнесла она нежным голосом, — размер не есть величина постоянная.

Кон только хмыкнул в ответ. Он помнил, что раньше благодаря магии пикси могли изменять свой рост. Вот только происходило такое слишком давно, в те времена, когда еще бодрствовала *Богиня*...

— Вы можете попробовать, если разрешит Дарен.

Голос отца вторгся в его размышления о феях-крошках. Конхенн вздохнул и переключился на проблему с гойделами. В конце-концов, устав от планирования при явном недостатке информации, все разбрелись по огромной комнате на первом этаже. Фир с Эккартом тихонько переговаривались в углу. Беленус уставился в ноутбук, сверяя колонки цифр и данных, изредка с удовлетворением поглядывая на читавшую рядом Аили. Близнецы оккупировали огромную плазменную панель и теперь играли на приставке в футбол, громкими воплями отмечая очередную победу одного и поражение другого.

Свечи, покоясь в чашах подсвечников, роняли восковые слезы, гипнотизируя фей-крошек золотистыми огоньками. Огонь в камине отбрасывал на стены длинные тени окружающих предметов. Существа, живущие в этом доме, не очень любили электрический свет.

— Ану, сядь, — в который раз попросила Аили.

Жрица рассеяно посмотрела в ту сторону, откуда шел звук и спросила:

— Что?

— Он придет, скоро будет тут. Сядь, пожалуйста.

Жена Беленуса говорила, будто с маленьким ребенком. Жестикулируя, чтобы привлечь к себе внимание. Четко произнося слова и фразы.

— Извините, — Ану присела на ближайшее кресло, закусив губу.

Посидев немного, она снова встала и, нахмурившись, подошла к камину.

Можно сказать, что последнего гостя заждались, хотя все знали, что он появится лишь с наступлением темноты. Обычно Фир не отличалась терпением, но сегодня ее можно было назвать ангелом. По сравнению с Ану. Жрица ходила по комнате, ежеминутно мелькая возле близнецов. Те даже забросили играть в Х-бокс. Она довела Беленуса, сидевшего за ноутбуком — он прислал Аили, чтобы та попробовала успокоить женщину. Тщетно. Ану так и не удалось усадить на место. Поэтому смирились почти все, за исключением Эккарта, который тихо жаловался Ллариг на шум от стайки пикси, привычно следующих за Жрицей.

Звук открывающейся двери прозвучал как выстрел. Дело было не только в тишине, ведь наличие звуков в этой комнате было относительным. Может быть, просто отвыкли от того, что кто-то из тех, кого все считают своим, входит в парадную дверь. Но этот посетитель всегда делал то, что считал нужным.

Мужчина был высок. Выше любого в этой комнате. С очень коротко стриженными седыми волосами, которые странно смотрелись на фоне молодого лица. Гибкий, как хлыст. Казалось, он состоит из одних мускулов, наброшенных на скелет талантливейшим из скульпторов и только по божественному желанию покрытых теплой живой кожей. Впрочем, он не был похож ни на одну из тех перекачанных кукол, которых показывают на соревнованиях по бодибилдингу. Потрясала именно внутренняя мощь, аурой расползавшаяся от него по комнате.

Лицо его представляло собой маску совершенной и изящной красоты, которую можно было наблюдать только на обложках журналов. Странный контраст с телом, сплошь покрытым шрамами. Но ни точеный профиль, ни широкий подбородок, ни твердый изгиб совершенных губ не могли скрыть ту холодность и отстраненность, которую излучали все его черты. И глаза. Серые омуты отпугивали любого, кто осмеливался посмотреть туда, обещая муки и страдание. Настоящее безумие полыхало в них лишь иногда, но в эти моменты мужчину боялись даже его приближенные, предпочитая держаться подальше. Эти глаза выражали бесконечную гордость и легкое пренебрежение ко всем живущим. Взгляд короля. Взгляд Жреца.

— Дарен... — в одном хриплом выдохе Ану выразилось столько, что мужчина вздрогнул.

— Ану... — в его тихом голосе будто звучал голос дудочки гаммельнского крысолова[28], действующий только на одну женщину в этой комнате.

Точки его черных зрачков переместились на замершую в углу фигуру Жрицы, и что-то изменилось. В выражении его лица появилась странная мягкость, плечи слегка опустились, будто сбросив некую тяжесть. Дарен улыбнулся. Ану плавно двинулась к нему, замороженная той нежностью, которую излучал взгляд Жреца. Мужчина же остался неподвижен, будто хотел дать ей самостоятельно выбрать — приближаться к нему или нет.

Жрица остановилась на середине пути и снова назвала его имя просящим, почти умоляющим тоном. Дарен хищно пошел на звук ее голоса, не отрывая взгляда от тонкой женской фигурки. В его правом ухе, отражаясь светом многочисленных свечей поблескивало несколько бриллиантов, вставленных в серебристую оправу металла. Он остановился прямо

напротив Ану, встав на колени и протянув руки к ней вверх ладонями. Золотистый от загара. Мускулистый, как дикий зверь. Белый тигр, вот как его называли в тех кругах, где он привык вращаться. Опасный для всех, но не для нее.

— Да-арен... — женщина будто погладила его голосом, прежде чем сделать последний шаг и захватить лицо мужчины в плен своих ладоней.

Он поглядел на нее с восхищением, прежде чем притянуть к себе, обвив сильными крепкими руками. Ану его не боялась. Совершенно. Что бы он ни делал, как бы себя не вел. Она спасла его давным-давно, когда надежды уже не осталось, и постоянно напоминала о том, кем Дарен является, снимая все его маски.

Легкое касание губ постепенно превратилось в глубокий обжигающий поцелуй. Дарен забылся настолько, что даже не сразу понял — те мягкие мурлыкающие звуки выходят именно из его собственного горла. Они оба пропустили момент, когда вспыхнули занавески на окне.

— Черт! — близнецы наперегонки помчались к огню, на ходу захватив плед, лежавший на диване и плотную кожаную куртку Эккарта, небрежно сброшенную на кресло.

Глава 14

Если честно, последние три недели время после наступления темноты было похожим. Эта ночь была такой же холодной, как и предыдущая. Зябкая, морозная, с обязательной утренней корочкой льда на частых лужах. Инеем, оплетающим голые ветви деревьев. Будто не весна, а холодная осень.

Фир плотнее запахнула кожаную куртку, которую Эккارت накинул ей на плечи. Ох, Богиня! Они еще не были уверены в беременности, но этот мужчина уже стал проявлять повышенную заботу. «Одевайся теплее. Держись поближе. Ты должна хорошо питаться. Может быть, ты останешься в доме сегодня?» Нет, Ллариг нравилось, как любимый вел себя. Просто, представляя предстоящие восемнадцать месяцев беременности, она начинала мысленно стонать. Эккарт мог быть настоящим тираном, если это касалось сферы их общих интересов.

— Конхенн, проверь южную часть сада. Маккон, на тебе север, — его голос четко и выверено произносил приказы, — мы следим за домом и воротами. В центр не ходить.

Верно. Именно в сердце дубовой рощи, в центральном месте сада находились сейчас Дарен с Ану. Фир совершенно не хотела знать, чем они там заняты. Особенно, когда вспоминала тяжелый густой запах крови, которым к утру пропитаются оба — и Жрец, и Жрица. Более того, Шапка готова была сделать ставку, что никто не хотел бы этого узнать, хотя Беленус мог бы рассказать. Именно он был предыдущим Жрецом и знал наверняка, что именно происходит там, в роще.

Близнецы синхронно кивнули и исчезли в противоположных сторонах сада. Шапка подошла к своему волку и обняла руками за талию, прижавшись всем телом. Такой теплый! Фир потерлась щекой о его плечо, готовая отступить в любую секунду, чтобы, если понадобится, они оба могли тот час же сорваться с места. Никто не должен помешать Жрецам — вот за чем следили телохранители. По небу разнесся рокот грома. Эккарт накрыл тонкие длинные пальцы любимой своими теплыми ладонями. Легонько, как перышко, щекочущее кожу ребенка. Фир знала, что именно сейчас вервольф внимательно вслушивается в окружающие звуки. Принюхивается, пытаясь распознать любую возможную

опасность. Шапка и сама внимательно смотрела по сторонам, понимая, что сравниться с ним в слухе и обонянии не сможет. Но она могла быть глазами для них обоих.

Ветер шевелил голые ветви деревьев, тени которых под светом располневшей луны были похожи на причудливо изогнутые руки. Мимоходом Фир подумала, что скоро полнолуние, а значит, Эккарт станет более раздражительным и агрессивным, чем обычно и — о, да — более нежным и ласковым только с ней одной. Как будто оборотень что-то брал от любимой, необходимое, чтобы не сорваться, сохранить себя, не разбив на мелкие кусочки. Подпитывался от прикосновений, касаний и самого ее дыхания, чтобы выдержать еще немного.

В какой-то мере Эккарту везло. Он не был привязан к луне так сильно, как обычные обращенные оборотни, которые совершенно не могли противиться ее зову. Однако полный лик ночной небесной Богини все еще манил волка, спящего в крови мужчины. Близнецам в этом случае было гораздо проще. Рожденные оборотнями, они точно знали, кем являются, и хорошо научились этим управлять. Их превращения не сильно зависели от фаз луны или каких-то природных факторов и ни один из парней не делил себя на волка или сидхе — оба были и тем, и другим одновременно. Полные природных сил и древней магии, каждый из близнецов представлял собой настоящее чудо, созданное самой *Богиней*.

С очередным раскатом грома открылась дверь особняка, выпуская наружу Беленуса. Высокий, прекрасный, с развивающимися волосами и легким сиянием, исходящим от его кожи. Шапка с удивлением поглядела на свои руки, обвивающие оборотня. Их тела тоже слегка светились в темноте, понемногу теряя матовость. Гламор — магия, которой пользовались все сидхе, чтобы изменять свою внешность давным-давно перестала быть необходимостью. Еще с тех самых пор, как исчезло это маленькое напоминание, из-за которого люди принимали их всех за богов. Возвращение такого количества волшебства немного пугало. Если так пойдет, то они все начнут сиять магической силой, как много веков назад. Кто-то слабо, кто-то сильнее ...

Бывший Жрец быстрыми шагами приблизился к парочке, аккуратно неся в руках продолговатый предмет, завернутый в темную тряпицу, цвет которой Шапка не смогла рассмотреть в темноте.

—!! Я опоздал! — на лице Беленуса разочарование смешалось со злостью и, как показалось Ллариг, с толикой страха.

— Не ругайся рядом с моей женщиной, — лениво рыкнул на него Эккарт.

— Она превзошла меня в этой науке, — хохотнул в ответ бывший бог природы, — но извини, я и правда не должен был. Ану забыла свой атам[29]. Это нехорошо. Очень.

— Почему? — Фир снова потерлась щекой о плечо Эккарта.

— Ну, скажем, — Беленус запустил правую руку в волосы на затылке, потер шею, — представь, что ты решила поехать куда-то на машине. Садись и вспоминаешь, что ключи остались дома. Так вот атам — это своеобразный ключ.

— Плохо.

— Судя по тому, что от нас всех начинает исходить сияние — очень, — длинноволосый сел прямо на землю, положив рядом с собой нож, обернутый тканью. — Как же курить хочется!

— Ты же бросил, — заметила Шапка.

— Да, Аили не нравился запах, — Беленус неопределенно махнул рукой, — Ану наверняка решила провести второй вариант церемонии, раз уж эта штучка осталась в доме.

Ритуал же нельзя прервать, когда круг уже поставлен.

Прошло всего пару минут, с тех пор, как Беленус вышел из дома, но бывший бог природы просто преобразился. Его кожа в свете растущей луны отливала мягким теплым золотистым светом, достаточно ярким, чтобы отбрасывать нежные блики. Глаза превратились в озерца ярчайшей зелени, будто отражая летние, купающиеся в солнце луга. Волосы, вместо обычного коричневого цвета приобрели тысячи оттенков — от темного густого шоколада, до светлого сладкого латте.

— Так вот откуда это неприятное ощущение, — фыркнул оборотень.

— Какое? — Ллариг прижалась к нему ближе, пытаясь уловить изменения в состоянии своего мужчины.

— Будто с меня одежду сняли... Я кожей чувствую ветер от каждого из вас.

— Неприятно? — Шапка нахмурилась, чуть отстранившись.

— Нет... — шепчет вервольф, повернувшись к ней лицом и прижавшись губами к нежному женскому ушку, — ты теплая, мягкая, сладкая... От тебя — это очень приятно...

Его язык прошелся по мочке и скользнул вниз, оставляя влажную дорожку на шее Фир. Ллариг втянула воздух, пытаясь добыть из него хоть немного внезапно пропавшего кислорода. Но, не в силах удержаться, тут же томно выдохнула:

— А-а-ах!..

— Беленус, шел бы ты... в дом, — хриплый ленивый голос Эккарта обвился вокруг девушки в его объятьях. В этот момент ей даже было неважно, что он говорит, лишь бы говорил. И не останавливался, целуя ее горящую кожу.

— О, да, — ответил брюнэт, — второй вариант всегда действует ТАК. Я почти забыл. Мне лучше быть с Аили. Конечно.

Текущим движением Беленус поднялся вверх, изящно подобрав нож. Казалось, даже его действия изменились, став плавными и легкими. Как будто мужчина получил не только прилив магических сил, но и что-то невидимое, давно потерянное.

— Верну атам на место, и мы тоже будем славить Великую Мать и Великого Отца, — мурлыкнул он, сладко прикрыв глаза. — Ану выбрала за всех нас сегодня, но мне понравится. Из-за Аили, я уверен...

Тихо напевая древнюю молитву, славящую Даннан, он направился в дом. Когда мужчина открыл наружную дверь и попал на свет, стало заметно, как сильно на него подействовало даже начало церемонии. Кожа сида отливала ярким золотом, глаза пылали весенней зеленью. Волосы его выглядели как кора дуба, с темными прожилками и светлыми сколами, создавая полную иллюзию древесной поверхности, если Беленус стоял неподвижно. Фир не заметила этого, опьяненная собственным чудом.

Эккарт был прекрасен. Конечно, для Фир он всегда был красив, но магия, разлившаяся по телу вервольфа, изменила его. Кожа мужчины светилась, волосы отливали чисто белым, похожим на шерсть животного, в которого он превращался. Глаза... Ллариг была зачарована этими лазурными омутами, томно проглядывающими из-под ресниц еще сильнее, чем раньше.

— Рада, что сегодня очки остались в доме и я могу видеть твои глаза, — прошептала она, — так красиво, когда магия переполняет тебя... Ты удивителен!

— Я тоже хотел бы видеть тебя, — прошептал он в ответ.

Секунду подумав, Шапка взяла его руки и приложила к своему лицу. Мужчина погладил ее скулы кончиками пальцев, пробежался по щекам ладонями и притянул еще ближе,

прикасаясь частыми поцелуями к нежной женской коже.

— Ты прекрасна, — наконец улыбнулся он. — Опиши мне цвета...

— Моя кожа отсвечивает серебристым, а ты золотой, как полная луна, — Фир с интересом рассматривала и сравнивала себя с Эккартом, находя странную гармонию. — Твои волосы белые, как мех зверя, а мои красные, как кровь. А глаза... я тону в твоих глазах, любимый.

Он прервал ее поцелуем, поглотив остаток слов и мыслей своим напором. Мужчине казалось, будто губы этой женщины — волшебный пьянящий источник, из тех, что дарят счастье и бессмертие каждому, кто осмелиться выпить хоть каплю. Эккарт чувствовал, как магия волнами растекается из тела любимой, мягко обнимая его, притягивая все ближе. Настоящее чудо, такое, каким для него была сама Фир — женственная и нежная. Такой была ее магия.

Но это было не все, с удивлением понял оборотень. К ее собственному волшебству примешивалось маленькое, едва заметное. Робкий лучик солнца, слегка касающийся нежных розовых лепестков, едва ли действовал смелее, чем эта нотка магии, мелькавшая в сущности Фир Ллариг. Эккарт затаил дыхание, когда понял, что это может быть. Нет, он просто мог бы поклясться...

— Я ощущаю это, Фир! — потрясенно прошептал мужчина, — я слышу его в тебе.

— Что ты слышишь, любимый? — нежным голосом спросила Шапка.

— Наше дитя...

За те сотни лет, когда они охраняли Жреца, ритуал никогда не действовал так странно. Мак с удивлением рассматривал свои руки, сияющие бледным золотистым светом. Ох, Богиня! Даже его волосы казались золотыми нитями с нанизанными на них кровавыми каплями рубинов, но не внешность была главной. Маккон ощущал в себе магию. Не так, как обычно — тонкий прохладный ручеек, а ледяную реку. Бурную, бушующую, покорявшуюся только ему. Энергия просто переполняла тело, совсем как в подростковом возрасте, когда его зверь чуял приближение самки. Наверное, если бы Мак задался целью, то смог бы пробежать десять километров за три секунды и вдруг...

Чуткий нюх полуоборотня уловил легкий аромат моря. Женственный и зовущий, как песня сирены. Легкий, как журчание воды смех раскатился по окрестностям, маня мужчину к его обладательнице.

— Ах... поглядите-ка... Сид! — Ее голос, глубокий, чуть хриплый, отдавался в висках крохотными колокольчиками. Нежными и чувственными, будто самые изысканные ласки, — я не видела тебя раньше с жителями этого дома.

— Предположим, меня здесь раньше не было, — его голос звучал хрипло, — а откуда ты знаешь обитателей этого места?

— О! — Девушка рассмеялась, — ты бы удивился, как много я знаю!

— Подойди ближе, — он бы мурлыкал, если бы мог, но вместо этого получились звуки, похожие на низкое ворчание. Впрочем, Мак не думал, что собеседница испугалась, иначе она не вышла бы на слабый лунный свет, которого вервольфу было вполне достаточно.

Девушка оказалась довольно высокой, но по сравнению с мужчиной, стоящим напротив, казалась миниатюрной. Темные волосы крупными кудрями вились по ее плечам, хотя ниже

были явно собраны в какое-то подобие полу-косы. Огромные круглые, как у кошки глаза состоящие, казалось, из одной радужки ярко-зеленого цвета смотрели на Маккона в упор, а полные красные губы сложились в язвительную ухмылку.

— Вблизи ты еще больше мне нравишься, — в ее глазах зажегся огонек. Буквально. Легкое зеленое пламя вырывалось из-под ресниц, отбрасывая легкие тени на лицо.

— Смелое заявление для того, кто меня не знает, — клыкасто улыбнулся в ответ он.

— О, я надеюсь, мы исправим это упущение? — Влажный язычок пробежался по нижней губе.

— Если ты не прекратишь меня дразнить, знакомство выйдет гораздо ближе, чем ты планировала, — рыкнул Мак, внезапно ощутив сильнейшее возбуждение.

— И тебя совершенно не волнует, что ты меня не знаешь? — Улыбка вновь вернулась на ее лицо.

— А должно? — Крадущимся шагом он подбирался ближе, — меня беспокоит только желание съесть тебя.

— Ну, — она снова облизала губы, на этот раз, не переставая улыбаться, — тогда тебе придется побегать, Сид. Чтобы ты не думал, что я попалась тебе так легко.

Она размытым следом света мелькнула в темноте, остановившись в пределах его видимости.

— Ну, я бы не сказал, что это будет слишком сложно, — рыкнул Маккон, сорвавшись с места.

— Ты такой красивый. Как ангел.

Конхенн слышал запах человека, но не думал, что она придет именно сюда. В конце концов, здесь же стоит хренова туча охранных заклинаний именно от людей. Но нет, девчонка была прямо перед ним. Молоденькая, лет девятнадцати. Симпатичная пухленькая блондиночка. Интересно, как она умудрилась его так хорошо рассмотреть только при свете луны? Люди же не приспособлены к этому. Сам Кон смог даже рассмотреть родинку на ее запястье в форме полумесяца.

— Наверное, я сплю, — продолжила девушка, — ведь не бывает таких красивых мужчин, правда? По крайней мере, не у моих соседей во дворе.

— Да, котенок, ты спишь, — подтвердил Конхенн.

Шла бы она отсюда, от греха подальше, внезапно подумалось ему, Ритуал — штука довольно опасная, не зря же все четверо членов их семьи ходят вокруг. Да и он сам, если уж на то пошло, не так уж безопасен для этой девочки. Скорее, наоборот.

— Иди домой, я приснюсь тебе еще раз, — пообещал он.

— Когда? — Простодушно спросила девушка.

— Когда-нибудь, — пожал плечами полусидхе, — когда ты сама захочешь.

— Но я хотела сейчас...

Конхенн со вздохом посмотрел на нее.

— Можно, я дотронусь до тебя? — Тихо спросила девушка через минуту, — потом я пойду назад, обещаю.

— Дотронься, котенок.

Он сам не понял, почему разрешил ей это, но когда девушка коснулась его щеки, что-то

случилось. Мужчина потерял контроль над собой, чего не было уже несколько столетий. Он глухо заворчал и притянул мягкое податливое тело ближе, с жаром целуя сладкие женские губы. Его кожа вспыхнула легким золотистым светом, бликами ложась на окружающие предметы, волосы нимбом раскинулись по земле, когда он откинулся назад, чтобы девушка могла отойти. Кон вполне мог бы сдержаться, если бы она ушла прямо сейчас. Наверное. Но его надежды были напрасны.

— Ангел, ты ангел! — Ее жаркий шепот завораживал волка внутри мужского тела, а неумелые поцелуи заставили потерять остатки самоконтроля.

— Ох, Великая Мать и Рогатый Отец, — простонал Конхенн в воздух, совершенно не услышав грома, вторившего его словам и не увидев огромную молнию, ударившую точно в центр дубовой рощи.

Глава 15

В зеркале отражалась высокая худая девушка с молочной светящейся кожей. Ее длинные волосы состояли из прядей различного оттенка крови — от темной, венозной, до ярко-алой, артериальной. Каре-зеленая радужка превратилась в тонкое кольцо, почти неразличимое на фоне черной точки зрачка и кроваво-красных белков. Ногти на пальцах стали еще белее и крепче, чем раньше.

Посматривая на свое отражение, Фир наслаждалась сладким какао. У приоткрытого окна, в окружении солнечного света все прекрасно было видно. Кожа еще лучилась магией, что, как подозревала Шапка, пройдет не скоро. Если вообще пройдет. Поэтому Ллариг вспоминала, как владеть гламором. По ее коже будто провели невидимой рукой, смахнув сияние. Поиграв с магическим фоном, женщина с удовлетворением поглядела на кончики своих пальцев. Ногти Шапки окрасились в темно-вишневый цвет. Вспомнив, как когда-то фейри подшучивали над людьми, Ллариг поставила кружку с напитком на большой стол в гостиной и провела обеими руками по волосам. Поглядев в огромное зеркало, висящее напротив парадного входа, Фир невольно улыбнулась — там отражалась блондинка.

— Играешь? — Веселый голос Беленуса, спускающегося со второго этажа, не смог застать ее врасплох, Ллариг прекрасно слышала его шаги.

— Давно не ощущалось столько волшебства, — она повернулась к мужчине, увидев на его лице широкую улыбку.

Беленус мало изменился со вчерашней ночи. То есть, изменился совершенно. Поцелованная солнцем кожа сияла нежным золотистым светом. Волосы, подколотые на затылке с помощью длинной золотой шпильки с изумрудом, напоминали цветом кору дуба со всеми сколами, прожилками и шероховатостями. Глаза сверкали глубокой зеленью заливных лугов, рожденных сердцем лета. Мужчина двигался плавно и легко, будто под музыку, слышимую только ему одному. Все это совершенно не удивляло Шапку — все боги природы вели себя так... странно. Ему, наверняка, ее движения тоже кажутся странными — слишком порывистыми, быстрыми и хищными. Ллариг улыбнулась. Ей нравилось возвращение давно забытых возможностей.

— Все так великолепно, как не было уже давно, — мурлыкнул он, — я и забыл, каково это — когда Боги с тобой. И Аили... О, моя Аили!

Беленус довольно закатил глаза, а затем продолжил:

— В чайнике осталось хоть что-нибудь?

— Я только выключила, — пожалла плечами Фир, — но там тебе домовой самовар поставил.

Пару лет назад они купили электрический чайник, пытаясь отвадить домового от дымного чудовища, но он упорно продолжал свое гнусное дело по обслуживанию этого монстра. Хотя теперь и выносил самовар наружу, конспирируясь от соседей в образе большого полосато-серого кота. Благо, что никто этого ужаса пока не видел.

— Кошмар! — С восторгом выдохнул темноволосый, направляясь в сторону кухни.

Не смотря на способ приготовления (а, скорее всего, именно благодаря ему), чай и настои на травах у домового получались отменные, поэтому пропускать такое удовольствие Беленус был не намерен. Вернувшись через пару минут с двумя чашками горячего чая на травах, мужчина сел за стол и умиротворенно откинулся на спинку стула.

— Где Дарен и Ану? — Спросил он, вдыхая аромат из своей чашки.

— Жрец утащил свое сокровище наверх примерно часов шесть назад. Скоро встанут, — Фир отпила какао, — мы с Эккартом вернулись тогда же, и он еще спит. Мальчики пока где-то там, на территории возле дома. Это сказали гномы, а им можно верить в таких вопросах, ты же знаешь. А еще у нас две гостьи.

— Да, откат, — хохотнул Беленус, — я помню, как вакханок манил. Это было... сильно.

— Ты манил вакханок? — Этого Шапка не знала.

— Я не хочу говорить об этом, — отмахнулся мужчина, — если бы не произошедшее с Оллин, то сегодня было бы идеальное утро.

— Они же не осмелятся ей что-то плохое сделать, правда? — Именно это беспокоило их всех. Точнее — на это надеялись, не найдя ведьмочку в первые двадцать четыре часа.

Времена инквизиции давно отошли в прошлое. Не имея мощной человеческой поддержки, Дети Миля стали довольно осторожны, предпочтя действовать исподтишка. Чаще всего гойделы выслеживали жертву месяцами, кропотливо наблюдая и рассчитывая все дальнейшие шаги, чтобы потом убить, и сразу прятались, опасаясь мести родственников жертвы и Дарена с его свитой.

В мире фейри Жреца знали не только как представителя Древних Богов, но и как Царя Дикой Охоты. Этот титул был подарен ему самим Кернуносом, подчеркивая сумасшествие не только древнего Бога, но и самого Дарена. Все несправедливо обиженные молили его о заступничестве, все, кто не смог бы отомстить самостоятельно.

Клятвопреступники прятались, в надежде избежать кары. Убийцы невинных дрожали во тьме, ожидая посланников рогатого Бога. Обидчики слабых не могли решить, куда же скрыться, но не было места в мире, где можно спрятаться от Охотника. Жреца очень боялись. Несомненно, гойделы знали, с кем связались на этот раз — Жрица со свитой жили слишком далеко от американского сидхена или европейских владений Дарена. Вопрос был в том, почему они решили сделать это именно сейчас? Решили, что Жрец не будет вмешиваться? Или, что его вмешательство ничем не повредит их планам? И, уж если Дети Миля были так уверены в своем превосходстве на этот раз, то чем же это грозило не только Оле, но и самим сидам, живущим в этом доме? Если ведьмочке все же сделали что-то плохое... у жителей этого дома был кое-какой сюрприз в наличии.

Фир услышала низкий звук, похожий на полу-рык — полу-шипение, непроизвольно вырвавшийся из ее горла.

— Ого, — восхитился Беленус, — это в честь чего?

— Если они сделают ей хоть что-нибудь, я их на куски порежу, — мрачно заявила

Ллариг. Собеседник, конечно же, не стал уточнять, кого она имела в виду.

— Вчера вечером со мной связался Алек, — задумчиво озвучил темноволосый. — В принципе, ничего сверхподозрительного, но... он говорил о скоплении отрицательной энергии в одном из районов с частными постройками. Я попросил проверить это место.

Давным-давно Алека называли бы ангелом. Сам себя он называл Пожирателем Грехов. Бесподобно красивый — это признавали все; бесконечно старый — он глядел на окружающих, как на маленьких детей, затеявших некую игру; очень умный — казалось, он знает ответы на все вопросы. Алек питался отрицательной энергией, воспроизводимой живыми существами. Подобно энергетическому вампиру, Пожиратель выкачивал все самое темное из человека или места, избранных для питания. Ну и, соответственно, как любой гурман, отлично знал, где можно раздобыть любимый деликатес.

— Он тебе не перезванивал? — Спросила Шапка.

— Нет еще, — Беленус отпил чай, — я предупредил, что мы все будем заняты ночью, а утром у него прием. Поочередно психологом и психиатром подрабатывает.

Алек предпочитал не сильно выделяться, играя роль бизнесмена средней руки — чтобы хватало средств на любимые шалости. Поэтому, разумная дружба с Ану, знакомой с нужными людьми и суперами, пришлась как нельзя, кстати, существенно облегчив мелкие проблемы. И, о да, Алек тоже искренне ненавидел Детей Миля, из-за которых во времена Инквизиции потерял кого-то очень близкого. Впрочем, кого именно, можно было только догадываться.

— Идеальное для него место, — улыbnулась Фир.

— Угу, — подтвердил мужчина, — даже буйных успокаивает одним щелчком пальцев.

— Я тоже так могу, — шутливо проворчала Шапка.

— Да, — засмеялся собеседник, — только Алеку не нужно будет никому ничего ломать.

— Доброе утро всем! — Аили появилась в гостиной, сияя улыбкой не хуже чем утреннее солнце. Двигаясь плавно и легко, она поцеловала Беленуса, забрав у него одну из чашек с чаем и обратилась к Фир, — а что с твоими волосами?

— М-м-м... — Ллариг уже забыла, что использует гламор, хотя еще вчера пришлось бы приложить массу усилий, чтобы удержать эту иллюзию. — Это гламор.

— Здорово, — восхитилась Аили, — я тоже попробовала вернуть ту внешность, которая была у меня вчера утром.

— У тебя вполне получилось, — кивнул ее муж.

— Может, покажешь себя без иллюзии? — Предложила Фир, тряхнув волосами, возвращая им прежний цвет, — давно не видела, как ты выглядишь по-настоящему.

Гламор исчезал постепенно, будто Аили стеснялась своего истинного облика. Заметив это, Беленус взял ее руку в свою ладонь и, поднеся к губам, поцеловал тонкое запястье. Его жена вспыхнула нежным золотистым светом, будящим воспоминания о зреющих пшеничных полях на границе лета и осени. В глазах Аили клубились серые облака, готовые пролиться благодатным дождем, и россыпь бриллиантовых росинок, щедро рассыпанных по всей радужке. Губы отсвечивали нежно-розовым, а волосы, желтые как липовый мед, крупными кольцами вились до середины спины.

— Ну, волосы у тебя явно стали длиннее, — оценила Шапка.

— Они просто... отросли, — пожала плечами Аили, — вчера.

И улыbnулась.

Ритмичная мелодия разорвала тишину на кухне — звонил телефон Фир. Эккарт услышал, как Конхенн сонно поднял голову от стола, зевнул и притянул кружку с кофе поближе. Вообще-то, оборотни старались не употреблять искусственно возбуждающих средств, опасаясь вспышек беспричинной ярости, но Кон слишком устал и слишком хотел спать, чтобы отказаться даже от такой попытки дождаться брата. С другой стороны, организм перевертыша имел достаточно быстрый метаболизм, поэтому Конхенн чувствовал себя странно, попеременно борясь с периодами, когда жутко хотелось спать или наоборот, когда его одолевала сверхчеловеческая активность.

— Да иди отдыхать уже, — засмеялась Фир, и уже в трубку продолжила, — да, слушаю.

Эккарт слышал разговор так отчетливо, будто была включена громкая связь. После вчерашней ночи все ощущения стали намного четче. Например, он мог бы сказать, что утром Фир пила какао с двумя ложками сахара, или что его сын сегодня ночью был с блондинкой — ее сладковато-молочный запах окружал Конхенна, как когда-то тонкое шелковое покрывало окутывало арабских невольниц. В главном зале Беленус кому-то звонил по телефону, слушая гудки. Аили сидела за ноутбуком — ее пальчики отстукивали дробь по клавиатуре. Домовой гремел кухонной посудой, а во дворе, словно стадо миниатюрных слонов, топали гномы. Примерно так Эккарт воспринимал окружающее, когда был в зверином облике. В человеческом теле все казалось чуточку иным, хотя, по зрелому размышлению, происходящее ему очень нравилось.

— У меня тут паренек из отпуска вернулся, — звонил Старый, после взаимных приветствий перешедший прямо к делу, — говорит, были у него такие клиенты, о которых ты интересовалась пару деньков назад. Пашка как раз последний день работал, а эти ребята очень требовательными оказались, вот он и запомнил.

— Слушай, так это прекрасно! Я думала, что мы ребят совсем потеряли! — Голос Фир звучал так дружелюбно, будто они искали лучших друзей, которых потеряли по ошибке. — Может, подкинешь какую-нибудь контактную информацию?

— Я поэтому и звоню. Они нам номер оставили, запишешь?

— Спрашиваешь! Суперстар, ты просто чудо!

Ллариг запомнила цифры и попрощалась. Повесив трубку, она помчалась к Беленусу, сообщать новую информацию.

— Конхенн, пойдй, приляг, — услышав, как сын снова уперся головой в столешницу, Эккарт решил немного покомандовать.

— Па, я хочу дождаться Мака, — сонно пробормотал один из близнецов, — с ним что-то важное произошло, уверен.

— Тогда иди на диван в главном зале, иначе у тебя скоро шишка будет от этого стола, — улыбнулся мужчина.

— Кофе не помогает, как я надеялся, — посетовал Кон. — Ты прав, пожалуй. Там сразу будет слышно, когда брат вернется.

— Сын, — Эккарт приостановил Конхенна, выходящего из кухни, — на тебе запах краски для татуировки. Под кожей.

— Да, Па, — подтвердил тот.

— Фир скажешь, когда будете уезжать. Ей вредно волноваться.

— Мы учуяли, Па, — улыбнулся Конхенн.

— Я подтверждаю, это именно то, что вы подумали, — ответной улыбкой Эккарта можно было освещать комнату, — иди, отдохни.

— Давай, девочка моя, скажи это.

Сегодняшнее утро было гораздо более теплым, чем положено ранней весне. Ранние птички выводили свои замысловатые трели. Стоял нежный клейкий запах распускающихся древесных почек и рыхлой плодородной почвы. Кое-где выглядывали редкие пучки только проклюнувшейся зеленой травки.

— Маккон, я не могу, — она покачала головой, — такие обещания связывают слишком сильно.

При свете дня она была еще красивее. Ниже самого Мака, с чуть полноватой, но очень гармоничной фигурой. Ее кожа была молочно-белой. Волосы девушки оказались темно-рыжими, почти каштановыми, перемежаясь медными и красными прядями. Заплетенная с середины спины коса так растрепалась ночью, что она и вовсе расплела волосы, оставив их свободно виться до середины бедер. Глаза утратили свечение, приобретя глубокий изумрудный цвет с золотыми и черными прожилками. Но морем она пахла по-прежнему, даже сильнее.

— А я не могу позволить тебе войти, Донна, если ты откажешься.

Мужчина покачал головой. Разноцветные ленты и многочисленные рубины в его чуточку потрепанных волосах вспыхнули в свете восходящего солнца. Он излучал магию, хотя и не так ярко, как пару часов назад. В дневном свете стали заметны некоторые перемены: в волосах Маккона появились белоснежные пряди, на радужке глаз — золотые и серебряные полосы, лучами расходящиеся от зрачка, делая основной синий цвет еще глубже и интенсивнее. Татуировки на запястьях были скрыты напульсниками, но на спине — футболка была снята — играли ониксовым блеском, состязаясь в яркости с его светящейся загорелой кожей.

— Ладно, — девушка потеряла виски, будто мучаясь от головной боли, — я еще могу пожалеть об этом, но пусть будет так. Клянусь ни словом, ни делом, ни бездействием не вредить Жрецу, Жрице или их свите в течение полугода от данного момента. Если я нарушу данное обещание, пусть небо упадет на меня и раздавит, пусть земля разверзнется и поглотит меня, пусть море поднимется и обрушится на меня, пусть придет за мной Дикая Охота.

Маккон открыл рот, чтобы возразить, но она ловко приложила указательный палец к губам, которые еще недавно целовала с таким пылом.

— Это все, что я пока могу обещать, — взгляд изумрудных с черными прожилками глаз был серьезен, — ты же прекрасно понимаешь.

Он вздохнул и кивком подтвердил ее слова, потом повернулся спиной, разглядывая окрестности. Но даже не вздрогнул, почувствовав теплый пальчик с острым ноготком, обводящий контур его тату.

— От крови, от боли, от сглаза, от проклятия, — перечисляла Донна по очереди, — от любовных чар, от яда, от неудач... Ты суверен, Маккон?

— Не совсем, — пожал он плечами, — я где-то майку потерял.

Мужчина опустил на четвереньки, почти уткнувшись носом в землю. Девушка с

удивлением наблюдала за действиями своего недавнего любовника.

— Что ты делаешь?

— Ищу предмет своей одежды.

— А почему в такой странной позе?

— Потому что я — наполовину вервольф, милая, — зубасто улыбнулся Маккон.

— Ну, — ухмыльнулась она в ответ, — это многое поясняет.

— Например? — он встал, отряхнулся и посмотрел в глаза девушке, приподняв левую бровь.

— Ты рычал, — Донна довольно прикрыла глаза, растянув губы в широкой улыбке. — Черт, это было так мило.

— У тебя странное представление о милых вещах, — рассмеялся оборотень.

Прошло всего пару часов с момента их знакомства, но рядом с ней Мак чувствовал себя так легко, будто знал девушку всегда. Конечно, полуоборотень понимал, что доверять новой знакомой слишком сильно не стоит, но вопреки всей логике ничего не смог с собой поделать. Будто она звала его, как древние сирены манили моряков, вовлекая в пучины сладострастными голосами.

— У тебя тоже о них странное представление, — в ее глазах плясали чертенята.

Он и правда поверил, что ей нужна помощь, хотя не верил женщинам уже давно, и ей Богу, не собирался начинать сейчас. Он и правда решил дать ей встретиться со своей семьей, представить Жрецу и Жрице, потому и заставил принести клятву, которую не мог нарушить ни один фейри. Он и правда шутил с ней сейчас. Смеялся. Забыл, хотя бы на несколько минут, о своих обязанностях телохранителя.

— Ладно, пойдем, я провожу тебя в дом, — Маккон махнул в сторону особняка.

Пора было вспомнить о долге.

Глава 16

Беж и зелень, дерево и стекло. Мягкий ковер под босыми ногами и минимум вещей. Множество подсвечников, укутанных оплавленным воском и расставленных везде, где только можно. Запах цветов и отблески огня в камине. Уютные кресла, большой диван с внушительным, мирно дремлющим мужчиной. Он завернулся в плед и просто источал удовольствие. Кофейный столик с огромным букетом цветов, стоящим ровно посередине, большой обеденный стол с десятком стульев, в хаотичном порядке расставленных вокруг.

Место было большим, просторным, светлым, совершенно не таким, как ожидала Донна. Или просто она слишком давно общалась с сидхе, невольно предпочтя компанию смертных? Их большие темные дома почему-то вызвали у нее ассоциации с пещерами, где им с Финной приходилось прятаться, а запахи в человеческих жилищах были и того хуже.

Конечно, если бы не сестра, Донна, возможно, осталась бы жить в волшебном холме у сидов. Пускай в качестве полу-прислуги — ведь она все же была из королевской семьи — но хотя бы в Волшебной Стране. За столетия рядом со смертными она уже тысячу раз передумала и пожалела о своем решении. Теперь, попав сюда, фомори впервые за долгое время ощутила себя на своем месте.

Из цветочного букета на середине столика выглянули две любопытные мордашки. Пикси. Она не видела маленьких проказников уже несколько столетий. Большие глаза, розовые ротки с пухлыми губами, хрупкие тела со светящейся кожей. Их разноцветные

крылышки — у одного лимонно-желтые, а у второй голубые с коричневым отливом — терялись в цветочной массе. Фомори оценила то, что они показались, ведь если фейки хотели, никто не мог их заметить. Или так было раньше.

Пикси с лимонными крылышками чихнул и рассмеялся, как будто зазвенел маленький серебряный колокольчик. Донна улыбнулась ему. Крошка лукаво погрозил девушке крошечным пальчиком и превратился в желтую лилию. Его подружка чмокнула лепесток цветка и мгновенно стала веткой голубых колокольчиков. Оба зазвенели смехом. Нет, подумала фомори, в этом доме они определенно не потеряли своих сил. Никто из здешних жителей просто не мог. Дом определенно был сидхеном. Огромным пространством, заполненным чистейшей, незамутненной магией, и Мак, конечно же, был прав, взяв с нее ту клятву. Хотя он не учел одного очень весомого обстоятельства: это место никогда не позволило бы ей совершить ничего плохого его обитателям. Скорее всего, попытка окончилась бы для нее фатально. Донне понравилось внутри особняка, очень. Именно такой дом девушка представляла себе, когда думала о том, где ей хотелось бы жить.

Девушка посмотрела направо, уткнувшись взглядом в широкую мужскую спину. Маккон. Под черной тканью его футболки четко обрисовывались мускулы спины, будто крылья, ловко спрятанные под одеждой. Слегка светящаяся кожа, которая — она точно знала — была бархатистой и упругой на ощупь. Каскад светлых, сияющих на солнце волос играл спектром от золотого до белого, оттеня кровавые капли граната. Крепкие руки с длинными сильными пальцами... зажмурившись, Донна могла вспомнить, как этот мужчина касался ее.

Он был очень красив даже для сидхе.

С ним было спокойно. За все эти столетия, она впервые ощущала такое спокойствие. Нелогично и противоестественно, но все было именно так. Умиротворение, которого фомори не ощущала более тысячи лет. Не от секса, хотя — о, великие Боги, — этот мужчина был сказочно хорош. Не от обилия магии, которую буквально источало это место. Не от отсутствия угрозы — чего-чего, а этого чувства у нее буквально мурашки по коже. Нет. С Маком все было прекрасно. Он знал, куда нужно нажать и где погладить. Знал, когда нужно помолчать, а когда сказать. Она чувствовала себя защищенной. Нужной. Хотелось свернуться клубочком у него на руках и мурлыкать... По логике вещей, ей сейчас бы следовало сильно испугаться. Ко всем проблемам Донны как раз не хватало обалденно красивого мужика, который мог вызвать в ней такие чувства. О, да! Финна у гойделов, их дом сожгли, приходится просить помощи у сидхе, а она заводит роман с одним из бессмертных. Прекрасно, черт побери!

Донна сердито вздохнула.

— Подожди меня тут, хорошо? — Маккон усадил ее в большое мягкое кресло, — я проверю, где моя семья. Хотя, подозреваю, они на кухне. Хочешь сока?

Фомори кивнула, с интересом рассматривая просторный холл, оформленный в мягких зеленых тонах с вкраплением светлой древесины. Донне было очень удобно в кресле, учитывая их с Маком ночные приключения. Она сладко зажмурилась, предвкушая короткий отдых, пока ее недавний любовник ходит по неотложным делам. Желание замурлыкать от удовольствия проснулось в ней с новой силой.

— А меня представить ты не хочешь? — хриплый голос, доносящийся со стороны дивана, напоминал Маккона, но, определенно, не принадлежал ее оборотню.

— О, Конхенн, братишка! — Оборотень улыбнулся, молниеносно обернувшись и

хлопнув ладонью по плечу человека, лежащего на диване и завернутого в плед, — я думал ты наверху, дрыхнешь давно!

— Да нет, думал вот, когда уже придется идти твою задницу вытаскивать из неприятностей.

— А он неприятности с собой привел, — ухмыльнулась Донна.

Девушка откинулась на удобную спинку, позволив себе расслабиться. Странно, что находясь тут, рядом с сидхами, она совсем не ощущала угрозы, скорее, наоборот. Рядом с Маком все было... правильно. Фомори не просто чувствовала, она знала, случись что-то, из ряда вон выходящее, оборотень не позволит причинить ей вред. Хотя Донна была уверена и в другом — такие утверждения абсолютно беспочвенны.

— Я унюхал, — говоривший сел, откинув плед в сторону.

Она с любопытством разглядывала Конхенна, получив такой же заинтересованный взгляд в ответ. Те же синие, как безоблачное небо глаза, золотисто-белые волосы, мощное загорелое тело... Он был полной внешней копией Маккона, даже в мелочах, типа прически и одежды. Рассмотрев его внимательно, девушка пришла к выводу, что почти неуловимые отличия все-таки присутствовали. Донна смогла бы назвать пару-тройку, если бы постаралась. Кроме того, то великолепное чувство возбуждения, охватывающее ее рядом с недавним любовником, с этим мужчиной признаков существования не проявляло, хотя парень, безусловно, был хорош. А каким еще мог быть близнец Мака?

— Ты вся пропахла моим братом, — его голос был глубоким и красивым, но менее завораживающим, чем у Маккона.

— Я знаю, — кивнула Донна.

— А еще от тебя морем пахнет, — Конхенн прикрыл глаза, и тени его ресниц легли на щеки ажурным кружевом, — приятно.

— Ну, спасибо, — ответила девушка.

Благодарность получилась не очень восторженной, она это понимала, но менять что-то было уже поздно. В какой-то мере Донна гордилась своим происхождением, ведь ее отец почитался как бог, но ей действительно не очень нравилось упоминание о запахе. Слишком много неприятностей в свое время принесла им с Финной эта особенность.

— Тебе неприятно мое замечание, — мужчина открыл глаза, внимательно рассматривая собеседницу. А потом улыбнулся.

Ох, Боги! Как же они похожи! Не только внешне, но в улыбке и жестах проскальзывали знакомые черты Маккона. Это было немного странно, но Донне понравилось.

— Кто ты? — Кон улыбнулся еще шире, — я не ощущаю угрозы от тебя, хотя ощущаю твою силу.

— О...

Еехватило только на это крошечное междометие. Оказалось, Донна совершенно забыла, каково это, общаться с сидхе, да и вообще с фейри, которые могли чувствовать собеседника настолько тонко. Сама она четко ощущала волны силы, спокойно исходящей от обоих полуоборотней. Конхенн излучал спокойствие с налетом любопытства, а Маккон ощущался чуть иначе, с примесью секса, тягучего и сладкого, такого, каким они и занимались недавно. И впору бы покраснеть, вот только.... Будто откликнувшись на ощущения девушки, ее недавний любовник подошел ближе. Донна оттолкнулась от спинки кресла, прижавшись плечом к его бедру так просто и естественно, будто они делали это уже тысячи раз.

— Я Донна, — ответила она наконец, — дочь Ллира[30], сестра Маннана[31].

— Ого, — присвистнул Конхенн и, уже обратившись к Маку, добавил, — братишка, я знал, что тебе везет на приключения, но чтоб настолько...

— Я не приключение, — печально улыбнулась девушка, — я та, кто касается его жизни, проходя по краю.

— Мы все ходим по краю, порой, оказываясь в самой гуще событий, — чуть хриплый мужской голос был негромким, но сила, которая в нем ощущалась, просто поражала.

Фомори повернулась на звук голоса. Странно, но она совершенно не могла уловить эмоций этого человека, ни единого отголоска, будто он не думал и не ощущал вовсе. Но вот внешне... Поразительное лицо. Именно такое мечтал нарисовать каждый художник или извлечь из камня скульптор.

Коротко стриженные седые волосы, отливавшие чистыми белыми сполохами, и поразительные стальные глаза, светящиеся серебряными отблесками молний. Этот мужчина не был самым красивым из тех, кого за свою жизнь видела Донна, но он определенно входил бы в первую десятку или даже пятерку красавцев всех времен, если бы не шрамы, причудливой сеткой оплетающие загорелое тело. Говоривший был обнажен по пояс и девушка могла рассмотреть все в подробностях, хотя старалась не пялиться. Судя по реакции странного человека, это ей удалось не очень хорошо. Сталь его глаз почти мгновенно превратилась в омут, а на лице появилось надменное выражение. Почти такое же, как использовала сама фомори, чтобы отгородиться от назойливых смертных, но более ужасное, как отголосок близкой смерти. Она вскочила с кресла, одновременно отступая к Маккону, чтобы крепко ухватиться за него. Инстинктивно, как маленькие дети убегают к сильному взрослому, пугаясь Буки[32] в темноте. К тому, кто может защитить.

— Испугалась? — Шепот полуоборотня немного успокоил Донну.

Этот сид действительно имел на нее странное влияние. Возможно потому, что он был высшим фейри, волшебным существом из той же божественной породы, к которой принадлежала и она сама, а возможно — и это было несоизмеримо хуже — Мак просто был особенным для нее. Впервые за много веков само присутствие другого живого существа дарило столько спокойствия и уверенности в ближайшем будущем. Это были чувства, о существовании которых фомори почти забыла. И желание. Страстное, всепоглощающее как океан, подгоняемый приливом. Уже очень давно она кого-то хотела так сильно. Вообще кого-то хотела и это в какой-то мере пугало.

Странно, но попав в объятия Маккона, Донна совершенно забыла об испугавшем ее мужчине, который внимательно наблюдал за ними обоими. Лицо его теперь не выражало ни тени эмоций — ни скрытой улыбки, ни пренебрежения, ни ненависти... ничего, лишь глаза оживляли эту маску — острый, леденящий взгляд. Два кинжала, проникающих прямо в душу. Заметив этот взгляд, девушка прижалась к своему защитнику еще плотнее, будто укутываясь в окружающую его ауру.

— Это моя Донна, — Мак обхватил ее руками, для чего ему пришлось слегка нагнуться. Фомори почти неосознанно подняла руку, коснувшись щеки оборотня кончиками пальцев, — а это Дарен. И он не такой страшный, каким хочет казаться.

Она выдохнула, только сейчас заметив, что задержала дыхание.

— Мы подождем Ану, — мужчина внимательно посмотрел на пару напротив, и выражение его лица смягчилось, — прежде чем обсуждать что-либо.

Маккон кивнул в ответ. Щетина на его подбородке царапнула женскую ладонь, заставив Донну прищуриться от удовольствия. У оборотня были настолько светлые волосы, что его

небритость почти не была заметна. Интересно, — подумала фомори, как бы он выглядел в те времена, когда мужчины носили бороды?

— А она уже встала? — Конхенн зевнул, блеснув острыми длинными клыками, — или мне можно еще подремать?

— Думаю, еще минут двадцать у тебя есть, — пожал плечами Дарен, — я хотел сделать ей чай, поэтому спустился раньше.

В его голосе появились нежные нотки. Резкий контраст со сталью глаз. Хотя... его глаза уже изменились, как и общее выражение лица, будто ребенок, который, наконец, дождался рождественского чуда. Донна с удивлением посмотрела на мужчину, который так изменился за несколько секунд, и почувствовала головокружение. Фомори будто затягивало в воронку, открывая чувства и ощущения человека, на которого она смотрела.

— Она почти не спит без тебя, — девушка не смогла бы остановить эти слова, даже если бы хотела, — ждет все время... Ты так дорог, дороже всего... А она для тебя — благословение, чудо. Ох, Боги...

Донна всхлипнула. То ли из-за избытка чувств, которые так тщательно оберегали эти двое, то ли из-за внезапно вернувшегося дара видеть скрытое в сердцах других. Того, который она давно считала утерянным навсегда. Маккон прижал ее к себе чуть сильнее, поглаживая по плечу.

— Пойдем со мной, — он поцеловал фомори в лоб, — я тебе кофе сварю.

— Я не хочу кофе, — снова всхлипнула она.

— А чай? Или какао?

Девушка неопределенно кивнула и наконец, дала себя увести в сторону кухни.

— Ты это видел? — Кон с удивлением посмотрел на Дарена, — мне это сейчас не приснилось?

Жрец кивнул и улыбнулся, мгновенно превратившись в парня с обложки глянцевого журнала. И тоже пошел на кухню.

Глава 17

Вдохнув поглубже, Эккарт безошибочно выделил аромат гостыи из запахов, витающих вокруг. Да, она определенно была фомори лишь наполовину, но вот сказать, кто еще отметился в ее генеалогическом древе, оборотень затруднялся. Возможно потому, что эта часть была слишком слаба, а возможно все было в запахе Мака, пропитавшем девушку с ног до головы. Это совершенно точно была фомори. По крайней мере, своей большей частью. Вероятность, что она представляет собой угрозу для жителей этого дома, была не слишком велика. В конце концов, его сын не привел бы в дом существо, которое могло бы угрожать общей безопасности. Маккон достаточно легкомыслен во многих вещах, но назвать его глупым было бы серьезной ошибкой.

Наконец, решив, что немедленная опасность отсутствует, Эккарт позволил себе немного расслабиться. Он подтянул Фир поближе, наслаждаясь запахом любимой и теплом ее тела. Волк в нем ласкался под самой кромкой кожи, стараясь быть поближе к своей самке. Странно — отчетливо ощущая запах своего нерожденного ребенка, он не только не мог сказать, будет это мальчик или девочка, но и определить один ли плод. Это было довольно необычно, учитывая, что даже своих мальчишек-близнецов он учуял уже через день после зачатия. Скорее всего, все объяснялось происхождением его любимой. Ничего другого

Эккарт придумать не смог. Пока не смог.

— Это она согрела Толу, чтобы волк мог спасти его.

Дружное перешептывание пикси не могло ускользнуть от чуткого уха оборотня. Оставалось только догадываться, откуда фейки все это узнали. Впрочем, если дело касалось крошек, ничего нельзя было утверждать наверняка. Взять хотя бы вчерашнюю ночь — пикси, единственные из обитателей дома, совершенно не переменились. Не только внешне — об этом Эккарту сказала Фир — но и магически, будто уже имели все, что могли, не утратив ни капли за прошедшие столетия. Впрочем, вервольф и сам прекрасно ощущал изменения всех, кто попал под действие ритуала сегодняшней ночью. Не только живых и мыслящих. Магии в доме стало намного больше — будто щелкаешь выключателем, заходя в комнату. Да и само место их обитания ожило, обретя свои собственные мысли и сознание.

Вещи сами исчезали с дороги слепого оборотня. Стул чуть подвигался к нему, если Эккарт решал сесть. Коридоры стали чуть длиннее, а задавшись целью куда-то прийти, стоило завернуть за угол, и ты оказывался на месте. Так было когда-то давно, очень много веков назад, и вервольф уже отвык от подобных «подарков», которые его теперь изрядно нервировали. Вот и сейчас вспомнив проделки дома, мужчина с досадой нахмурился. Словно почувствовав поток его мыслей, Фир провела коготками по плечу оборотня, отвлекая от раздумий. Эккарту стало щекотно и он улыбнулся. Взял ее хрупкую ручку в свою большую ладонь и, чуть поглаживая нежную кожу, поднес ко рту, расцеловав каждый пальчик. Сидхе не мог увидеть, зато отчетливо ощущал взгляд фомори, остановившийся на них двоих.

Интересно, о чем думала их гостья? Впрочем, были вопросы, которые волновали Эккарта гораздо больше. Зачем она пришла? Какие цели преследует? Что знает? И один из самых главных — какое место в планах фомори занимал его сын? Этот шалопай еще в детстве умудрялся попадать в самые разные неприятности, успешно выпутываясь из самых сложных и безнадежных на первый взгляд ситуаций. Конхенн, в отличие от брата, на первый взгляд доставлял меньше беспокойства, но уж если что-то придумывал... Словом, окружающие предпочитали неожиданности от Маккона. Его шалости происходили стихийно, а не готовились так тщательно, как планы близнеца, и приносили гораздо меньше бед в итоге.

— Мы бы хотели услышать цель твоего визита, — голос Дарена заполнил пространство, звонко отражаясь от кафельных стен, — думаю, этот вопрос интересует всех. Как и тот, каким образом ты обошла охранные заклинания.

— Объяснить, как я прошла заклинание, проще, — фомори, которую Мак представил как «моя Донна», была спокойна. В ее голосе даже чувствовалась улыбка. — Сама матрица сплетена так, чтобы можно было подойти к дому, если не имеешь дурных намерений. Но я думала, что вы знаете об этом...

Жрец кивнул, и девушка продолжила.

— С целью моего прихода немного сложнее... — она снова замолчала, будто пытаясь решить, с чего же начать, — дело в моей сестре, Финне. Она у гойделов, как и одна из ваших подопечных.

— Донна, — мягкий голос Ану прервал речь фомори, — у нас нет подопечных. В этом месте все равны. Каждый из живущих здесь, по сути, часть общего.

— Но... вы же все фейри, — удивленно произнесла гостья, — более того, вы же сидхе! А она просто человек! Пускай с магическим даром, но простой человек! Я знаю, я видела...

— У нас тут не такой гадюшник, как у чистокровок, милая, — в голосе Мака слышались

одновременно и насмешка, и горечь.

Похоже, его мальчик не мог поверить, что женщина, с которой он провел ночь, может думать об их семье ТАК. И, одновременно, верил этому. Маккон прекрасно знал о нравах, царящих в последнем сидхене, и о том, как надменно ведут себя чистокровные сидхе. Конечно, он понял реакцию Донны, которая судила только по тому, что знала о других. Откуда ей было догадаться, что обитателей этого дома чистокровки принимают у себя только в редких случаях, делая исключение лишь потому, что Ану была Жрицей, а Дарен — Жрецом и Королем Дикой Охоты... Хотя возможно фомори помнила сидхе еще до того, как самые великие из них скрылись в Волшебной Стране, лишив мир своего благословенного присутствия. Это было бы даже хуже, чем знакомство с нынешней знатью, отличавшейся только непомерными амбициями, красотой и наличием материальных благ. У них не было главного оружия фейри — огромной магической силы, лишь остатки бывшего могущества, чтобы очаровывать людей, казаться красивее, чем есть на самом деле, зарабатывая на этом деньги.

О, Эккарт прекрасно помнил все рассказы Беленуса и Ану о древних героях и королях. Не те сказки наивных смертных о полубогах, способных наказать или одарить своей милостью, а настоящие воспоминания. Даже у него, выдавшего виды воина, от описания пыток сводило желудок от настоятельных попыток извергнуть содержимое, а от хитросплетений заговоров и союзов, в которых каждый был против всех, начинала болеть голова. По сравнению с сидхе, оставшимися в холмах, нынешняя знать была лишь проказливыми детьми. Конечно, еще оставались те бессмертные, кто жил в давние времена, но без магии что они могли поделать? Их уделом было лишь правление своими детьми, внуками и правнуками. В этом, кстати сказать, они изрядно преуспели. Заменяв власть магии деньгами, старейшины добились многого. Великие актерские династии, виднейшие политики, красивейшие модели мира... Люди даже не догадывались, кому они стремятся подражать. Эккарт не мог обвинять человечество в раболепии, ведь остатки бывшего могущества у сидхе все еще сохранились.

— Простите, — голос Донны прервал его размышления, — я сужу по очень давним воспоминаниям. Мы жили очень обособленно много веков и никакой связи с фейри не имели, только со смертными.

— Разве можно вытерпеть столько без других магических существ? — Удивленно спросила Фир.

Да, у них всех была маленькая слабость. Без особенного места, несущего отголосок волшебной страны, фейри ослабевали, хандрили и начинали исчезать. Эккарт один раз слышал сидхе, который за большую провинность был изгнан из последнего сидхена. Его голос звучал как битое стекло, а обычный яркий аромат, издаваемый всеми волшебными существами, стал похож на запах давно закрытой комнаты, затхлый и пыльный. Тот фейри добрался до них слишком поздно и даже их дому, наполненному самой сильной магией из ныне существующих, не удалось помочь. Он истлел за несколько суток, растворившись в воздухе.

— Мы — фомори, — гордо произнесла девушка, — мы живем по обе стороны бытия. Наша Волшебная Страна всегда рядом, стоит только захотеть этого.

— Удобно, — заметил Конхенн.

— Иногда, — запал в голосе Донны исчез. — Когда гойделы поймали Финну, то надели на нее наручники из железа. Это не ранит нас физически, как вас, но... моя сестра не может

использовать свою вторую сущность. Она не может подпитываться магией, а значит, скоро умрет. Истлеет. Превратится в прах.

Запах моря усилился. Маккон начал бормотать что-то успокаивающее, и его теплый звериный запах вновь окутал девушку, будто плащ. Она плакала. Через некоторое время Донне удалось немного успокоиться. Мягкий запах ромашки и мяты заполнил кухню.

— Выпей, — голос Аили был мягким, — тебе нужно рассказать нам все остальное. Чтобы мы смогли помочь.

Послышался шорох волос о ткань одежды — фомори кивнула.

— Как уже было сказано, мы с Финной столетиями жили только вдвоем, не пытаясь общаться с оставшимися на поверхности фейри. — Она немного помолчала. — Вообще-то, мы были изгнаны из волшебной страны. Надеюсь, это не повлияет на ваше решение о помощи.

— Со всеми случаются неприятности, — философски заметил Конхенн, — даже с лучшими из нас.

— Последние двести лет мы жили обособленно, — голос Донны окреп. Она стала излагать только сухие факты, — сейчас эта местность называется Болгарией. У нас была большая вилла, а зарабатывали мы на торговле предметами старины. В определенных кругах наша семья довольно известна — мы эксперты по истории и археологии. Местные, конечно, догадывались, но мы соблюдали максимальную осторожность — временные рамки, документы... Я не знаю, как они нас нашли.

Запах Мака снова окутал фомори. Послышался шорох — он обнял девушку за плечи.

— В тот день заболел наш поставщик продуктов. Этому человеку всегда можно было доверять, поэтому ни одна из нас ничего не заподозрила. Я отправилась на рынок сама — Финна никогда не любила скопления смертных, это напоминает ей... впрочем, неважно. Вернувшись, я обнаружила лишь нашу виллу, толпу соседей и пожарных. Моя сестра исчезла.

— Это не насторожило? — Спокойный голос Беленуса не выдавал ни тени эмоций.

— Сначала нет, — Донна облокотилась на Маккона и их запахи смешались в один, — позднее появилось время обдумать все это. Я считаю, что они специально хотели оставить в доме одну из нас, чтобы разделить и ослабить обеих. Меня планировали поймать позже.

— Как ты это поняла? — Зеленый человек начал анализировать ситуацию.

— За мной следили. У нас была квартира в городе, и я подумала, что Финна пойдет туда, чтобы встретиться со мной. Их было много, и они работали в парах... как мне показалось. Убежать удалось, но сестры в условленном месте не оказалось, — фомори вздохнула и потерла пальцами лоб, — к следующей слежке я была готова. Мне удалось припереть к стенке одного из них, но никакой информации он мне не дал. Тогда я поймала другого и увела в укромный уголок. Птенчик напел мне интересные факты. На Финну надели железо, чтобы она не могла убежать, а еще они не знали, кто точно из нас двоих нужен. Поэтому пытались поймать и меня тоже.

— Зачем?

Донна покачала головой.

— Он умер раньше. Так или иначе, через несколько суток они решили перевезти Финну сюда. Я до сих пор не знаю, зачем. Возможно, чтобы отдалить нас друг от друга.

— Судя по их реакции на стоянке, — заметила Фир, — гойделы тебя боятся.

— Хм... — Эккарт не видел ее реакции, но мог бы поклясться, что фомори покраснела. — Я немного пошалила, когда ловила того, кто мог предоставить мне

информацию.

У фейри было странное чувство юмора. Начиная с пикси, любимой забавой которых была возможность кого-то одурачить, заканчивая Темным Двором, представители которого находили смешное в самых изощренных пытках. Впрочем, отдельно нужно было вспомнить родную расу Донны. «Шутить как Фомор» — эта фраза означала абсолютно непонятное для других действие, которое, впрочем, очень смешило своего создателя. Но оборотень даже и не представлял, что девушка могла сделать гойделам.

— Тогда почему ты сама не спасешь свою сестру? — Поинтересовался Конхенн.

— Я не слабая и знаю, что делаю, — объяснила она, — но меня одной мало. В прошлый раз, когда я попыталась все сделать сама, гойделы увезли Финну сюда. Время уходит, и неизвестно, сколько еще моя сестра сможет прожить в таком состоянии. Это ваша территория, поэтому именно к вам я пришла за помощью.

— Откуда ты знаешь, что территория принадлежит нам? — Заинтересованно встрепенулся Беленус, — ведь вы жили обособленно?

— Мы может и были отшельницами, — в голосе фомори чувствовалась улыбка, — но ни я, ни моя сестра никогда не были идиотками. Да, мы давно наигрались с властью и смертными, но не следить за происходящим было бы глупо. Кроме того, всегда интересно, как дела у твоих знакомых. Пусть это знакомство и шапочное.

— У-у-у-у... — затянул Конхенн, — у кошечки есть коготки.

— А еще, — фыркнула она, — кошечка может кусаться, большой серый волк. Тебе лучше запомнить это.

— Э, нет! — Засмеялся Кон, — большой серый волк, это у нас Па! Я так, средних размеров. Куда мне до старших!

Последовала минутная заминка и раздался громкий заразительный смех обоих близнецов.

— Она подмигнула Маку и показала Кону язык, — пояснила Фир с улыбкой в голосе.

— У меня закончились аргументы, — шепнула фомори Маккону, — пришлось прибегнуть к секретному оружию.

— Я вижу, — так же ответил Мак в ответ, — ты просто сразила моего брата.

Несмотря на логичность и завершенность рассказа Донны, Эккарт никак не мог отделаться от мысли, что девушка рассказала им не все. Было что-то... какая-то отсутствующая часть, без которой полная картина не получалась. Оборотень искренне надеялся, что ошибается. Или что они найдут деталь головоломки до того, как она действительно понадобится.

— Ладно, шутки — шутками, а поспать надо, — зевнул Конхенн. — Тот кофе, что я пил, уже совсем не действует.

— Донна, где ты хочешь отдыхать? — Совсем тихо прошептал Мак.

— Если ты не возражаешь, то я осталась бы с тобой.

Еще вчера Эккарт, возможно, не смог бы уловить этот диалог, но сегодня ему даже не пришлось напрягать слух. И это ему... нравилось?

— Донна, — голос Ану, — ты можешь остаться.

— Тогда мы навверх, — Маккон зевнул так же, как и его близнец.

— Она что-то не договаривает, — задумчиво произнесла Фир.

Эккарт и Дарен согласно кивнули. Аили ограничилась емким «да».

— Но остальное — правда, — отметил Беленус.

— Еще бы! — Хмыкнул Жрец, — она дочь Ллира.

— Это многое объясняет, — кивнул зеленый человек. В его руках мелькали две изогнутые железки, — но чего не хватает, я пока не понял. Вопрос в том, насколько велика опасность для нас всех. Хорошо бы выяснить это до того, как мы вляпаемся в эту историю по уши.

— Мы уже ввязались, — вздохнула Ану, — Донна обратилась за помощью. Приняв ее, мы взяли на себя определенные обязательства. Что немаловажно, фомори впустил сам дом, значит она не желает нам зла и действительно нуждается в помощи.

— Ану, — Жрец присел рядом, — Ладо моя, почему ты сплела такое защитное заклинание? Ты должна быть в полной безопасности.

— Тут безопасно, Дарен, — она положила ладонь на его щеку, — здесь Фир, Эккарт, Беленус, Аили... Мне ничего не грозит.

— Но зачем ты оставила лазейку? — Он внимательно смотрел в глаза Жрицы.

— Все должны иметь возможность получить помощь, если нуждаются в ней.

— Не ценой твоей жизни. Только не так.

— Дарен, — она гладила его, как котенка, — ничего не случится. Ни одно живое или мертвое существо, имеющее дурные намерения, не сможет проникнуть на территорию.

— Твое существование дает мне жизнь, — Жрец говорил совсем тихо. Он ненавидел показывать свою слабость, но Ану значила намного больше, — я не пытаюсь повлиять на тебя или заставить. Просто хочу, чтобы все было предельно ясно.

— Я знаю, — Женщина взяла его лицо в свои ладони, удерживая крепче любых оков, — но я тут ради всех волшебных существ. Куда им идти, если я откажу в помощи? Ты знаешь это лучше всех.

— Эй, большой парень, — голос Фир был теплым. Она тоже обожала Жрицу, — мы все тоже тут. Прежде чем до Ану добраться, нужно пройти через меня, Эккарта и Беленуса. Или твой кредит доверия исчерпал себя за пару-тройку столетий?

— Или ты, наконец, готов переехать к нам — Эккарт подтянул блюдо с яблоками поближе к Ллариг, — и взять командование на себя?

— Я уезжаю вечером, — глаза Дарена были закрыты, — близнецы останутся, пока будут нужны. Если понадобится моя помощь, дайте знать.

— Окей, как скажешь, босс, — улыбнулась Шапка. Она знала, как тяжело Дарену оставлять Жрицу, и просто не представляла, что было, если бы ей пришлось оставить Эккарта.

— Значит, мы помогаем фомори, — Беленус встал. На стол, звякнув, легли детали разобранной проволочной головоломки[33]. — Мне нужно еще раз позвонить Алеку.

Глава 18

Закат за окном уже набирал силу, но темно на первом этаже не было — горели свечи и огонь в камине, будто особняк сам знал, что нужно его обитателям. Сквозь приоткрытые зарешеченные окна проникал свежий весенний воздух с запахами только появившейся травы и нераскрывшихся почек, а тепло было настолько, что даже пикси остались внизу, не

испугавшись небольшого сквозняка.

Они сидели тут уже несколько часов, ожидая неизвестно чего. Беленус и Аили с неизменными ноутбуками, Дарен с Ану на руках и Фир с Эккартом, играющим на гитаре. Все ждали. Не близнецов, которые все еще спали в своих комнатах. Не фомори, хотя, видит Богиня, столько вопросов, сколько накопилось к Донне, не было ни к кому в этом доме. Просто ждали, и это ожидание нервировало. Шапка была зла, и даже мирный вид гостиниой ее совершенно не успокаивал и если бы не Эккарт, к которому можно было прижаться... Она специально села так, плотно прижавшись грудью к его спине и обхватив ногами. Женщина понимала, что в такой позе любимому очень неудобно держать гитару, но ей просто необходимо было быть к нему как можно ближе.

— У меня отвратительное чувство, — пробурчала Ллариг прямо на ухо оборотню, — будто нас насильно ввязали в какую-то гадость. Она нам не лгала, а просто не договорила что-то важное. Я чувствую. И намерения у этой женщины неясные.

Мужчина кивнул в ответ. Его пальцы мерно перебирали струны, заставляя гитару издавать чарующие звуки музыки.

— Мы о ней ничего не знаем, как и о ее сестре. Кроме того, — Фир потерлась об него носом, — мне не понравилось, как они с Макконом смотрели друг на друга.

— Почему? — Эккарт повернул голову, поцеловав ее в краешек губ, — что не так?

— Он смотрит на эту девушку восторженно. Фомори явно его задела, — Ллариг нахмурилась, — а вот самой фомори, похоже, он не так понравился. Это сожаление во взгляде, когда она смотрит на нашего мальчика...

— Хочешь сказать, что Донна его использует?

Эккарт задумался, извлекая из гитары серию мягких стонущих звуков. В его жизни запахи, звуки и тактильные ощущения значили безмерно много но, судя по серьезному выражению лица, увиденное глазами Фир игнорировать он не собирался.

Да, фомори вся пропахла Маком, но после секса с оборотнем это естественно, особенно когда мужчина-вер оставляет на партнерше запаховые метки, призванные сообщить другим одну простую и понятную мысль — «моя». Да, она весь разговор жалась к их мальчику, но если учесть, что он был единственным знакомым сидхе в комнате... Они впервые встретились около половины суток назад, и обманываться было бы глупо. С другой стороны, хоть и прошла уйма времени, оба прекрасно помнили собственную реакцию друг на друга. Сбрасывать со счетов саму судьбу — ошибка.

— Не хочу сказать, что она его использует, — подумав, выдохнула Ллариг, — я просто этого не исключаю. Не хотелось бы, чтобы Маккон страдал.

— Он уже большой, — оборотень пожал плечами, — мы не можем ему указывать, как в детстве. И умный. Что бы ни сотворил наш сын, он видит последствия. По крайней мере, я так думаю. В любом случае, защитить от всего нельзя.

— Все время забываю, что близнецам уже не по двадцать лет, — улыбка Фир вышла грустной, — и о них не нужно так заботиться.

— Ты будешь замечательной мамой, Geliebte, — Эккарт снова повернулся, чтобы поцеловать Ллариг. На этот раз его губы коснулись ее подбородка, — мои близнецы были самыми счастливыми мальчиками в мире, когда заполучили такую приемную мать. Ты им всегда потакала и баловала этих негодников, они тебя обожают до сих пор.

— Для ребенка никто не сможет заменить настоящей мамы, — возразила Шапка, — я старалась, делала, что могу...

— И у тебя замечательно получилось, — закончил за нее вервольф. — Мальчики не стали бы называть тебя матерью, если бы это не было правдой. Помнишь, как они оба упрашивали тебя научить их обращаться с оружием? Или как близнецы ходили за тобой по пятам, когда мы охотились на оленя в первый раз? О, или того крестьянина, который осмелился назвать цвет твоих волос дьявольским! Конхенн неделю вынашивал план мести, все время одергивая Мака, чтобы тот подождал.

— Так вот какие адские псы держали его в болоте! — Захохотала Фир, — а жена подумала, что он ездил в город к любовнице. Там баба была жуткая, как горный тролль! Этому засранцу потом сильно от нее досталось.

Конечно, Шапка прекрасно помнила не только эти эпизоды, но и множество других. Близнецы приняли ее сразу и безоговорочно, возведя на пьедестал матери, которой она не являлась — в биологическом плане. Быть может потому, что Ллариг сразу поняла и попыталась восполнить тот недостаток любви, который испытывали дети. Не из жалости, требований общества или любви их отца, доверие которого хотела завоевать. Ей были важны сами мальчики. Они были похожи, как две далекие звезды, и были разными, как день и ночь.

Конхенн был старше на тринадцать минут. Серьезный, вдумчивый и внимательный, он всегда имел наготове тысячи вопросов, выслушивая ответы с совершенно недетским интересом. С возрастом эти качества все больше прогрессировали, добавив ему легких морщинок на лбу и колоссальный запас знаний по любому предмету. Маккон был более активным, предпочитая сначала действовать, а потом думать. Впрочем, старшему брату всегда удавалось уговорить своего близнеца действовать по плану. Единственное, чем можно было отвлечь маленького шалопая — это сказки, которые ему рассказывала Ану или боевые искусства преподаваемые самой Фир. Впрочем, нельзя было сказать, что Кон игнорировал эти занятия — близнецы интересовались одними и теми же вещами, только в немного разных пропорциях.

Потом, вспоминая знакомство с малышами, Фир поняла, что ощутила родство с первого взгляда. Не физическое, а более глубокое, духовное. Ей трудно было трактовать это ощущение, но, как подозревала Шапка, именно это чувствовала к ней Ану — желание защитить, согреть, накормить, обласкать. Вот только собственных родителей у нее не было, поэтому чувство, называемое материнской любовью, Ллариг осознала гораздо позже, чем смогла ощутить.

— Эй, вы двое, — зеленый человек оторвался от монитора своего ноутбука, — хватит уже шептаться.

— Я уже говорил тебе, друг мой, — инструмент в руках Эккарта мурлыкнул, — завидовать плохо.

— Уже больше пяти вечера, — Беленус беспокойно стучал по гладкой поверхности стола тупым концом карандаша, — а Алек до сих пор не позвонил.

— Но ты же спросил, куда он собирается? — Шапка привстала, чтобы взять яблоко.

— Конечно! — фыркнул длинноволосый, — будто ты не знаешь...

— Мы можем проверить, — предложил Эккарт, откладывая гитару в сторону.

Несколько фей-крошек, рассевишихся плотной гурьбой на каминной полке, разочарованно загалдели. Они готовы были слушать вервольфа часами, а он баловал малышей не так часто, как им того хотелось, и теперь пикси шумно выражали свой протест.

— Ну, проверьте, — Беленус пожал плечами. — Только не влезайте в неприятности. Если там что-то опасное, то сразу назад, за подмогой. Я не спорю, что вы справитесь сами

если будет нужно, но...

— Перестраховщик... — пробурчала Фир.

— Да, да, как скажешь, — отмахнулся он, — подойди, я покажу тебе, как ехать.

Шапка отдала изрядно покусанное яблоко оборотню и склонилась над компьютером, внимательно глядя на экран.

— С начала выедете на Кольцевую, — голос зеленого человека стал серьезным, — тут повернешь направо и поедешь в сторону Лебяжьего. До самого пруда не доезжайте, вам надо ближе к Зацени, вот сюда.

Ллариг кивнула. Она знала это место досконально — именно в этом месте около года назад они искали место под новый дом.

— Искать нужно старый кирпичный особняк. Два этажа, черная крыша, — перечислял Беленус, — во дворе гараж и пара сосен. Это строение далеко от дороги и остальных домов.

— Знаю, — Фир внимательно смотрела на карту, — мы тут были. Я помню, где это.

— Место относительно тихое. Я предлагаю, чтобы вы поставили машину тут, — он ткнул пальцем в экран, — а сами все проверили. Помните, никакой самодеятельности.

— Да, папочка... — мяукнула Шапка, — как скажешь.

— О, Богиня! — Беленус с мучением посмотрел в потолок, — Эккарт, хоть ты проследи, чтобы вы не ввязались ни во что. Если появится хоть видимость неприятностей — сразу звоните, я пришлю близнецов.

— Да, папочка, — пробасил вервольф, — как скажешь.

Внедорожник был почти не заметен в темноте — густо насаженные кусты, хотя еще без листьев, делали свое дело. Света в салоне не было, поэтому двоих сидящих в машине можно было рассмотреть, только если начнешь внимательно присматриваться и уж конечно, расслышать их диалог было совершенно невозможно.

— Беленус прав, и нарываться будет глупо, — вервольф задумчиво погладил подбородок.

Сейчас на оборотне были только старые кожаные штаны, черные потертые гриндерсы[34] и жилет. Фир притянула его к себе и с мягким вжиканьем застегнула молнию на одежде, чтобы защитить шею Эккарта высоким воротником-стойкой. Оборотень взял лицо Ллариг в ладони и поцеловал в губы, поглаживая ее скулы большими пальцами.

— Хорошо, мы только посмотрим, — согласилась она.

Вытянув из бардачка резинку для волос, Фир потянула своего мужчину вправо. Он покорно повернул голову, позволив девушке завязать ему на затылке короткий хвост.

— Теперь вспоминай, — она приглаживала пряди, выбившиеся из прически оборотня, — мы смотрели этот дом в прошлом году. Большая гостиная с камином, отдельный гараж, большой подвал с морозильной камерой. На втором этаже четыре комнаты, расположенные в два ряда. Ты еще сказал, что там пахнет смертью.

— Это тот, кирпичный, — Эккарт кивнул, — скорее всего, трупы держали именно в морозилке, в подвале. Я так и не понял, были это люди или животные.

— А какая разница? — Шапка пожала плечами, — смерть — она всегда смерть. Мне бы не хотелось жить в таком месте.

Вервольф был полностью согласен. Сладковатый запах разложения в этом доме

вспоминался ему не раз. Обычный человек не смог бы даже расслышать его, но чуткий нос оборотня уловил все. Одно дело, когда ты упиваешься погоней и азартом охоты, когда жертва имеет с тобой равные шансы и может сбежать, но тут... Складируют трупы мог только Homo Sapiens. Ни одно животное в здравом уме так не делает.

— Сначала нам нужно проверить, есть ли там что-то подозрительное, — пальцы Эккарта пробежались по волосам, проверяя надежность резинки, — если нужно, то обыщем все комнаты в доме.

— Не забудь про двор и гараж, — Ллариг достала из бардачка кинжал и всунула его в высокое голенище сапога, — там тоже можно найти много интересного, если есть, что искать.

Ее гибкое тело было заковано в темный костюм со вставками из кевлара[35], а в глазах плясало пламя предстоящей битвы. Как все истинные Красные Шапки или Дини Ши она жила битвой и предвкушение чистым азартом отдавалось в ее венах. Фир сняла любимое красное пальто и закинула его на заднее сидение. Пояс ее костюма оказался неожиданно толстым и многослойным, обвивая фигуру несколько раз.

— Ножи с обсидиановыми[36] вставками, — напомнил вервольф.

Они шли не для того, чтобы убивать, но предпочитали быть во всеоружии. Обсидиан действовал на фоморов так же, как железо на сидхе или серебро на оборотней. Впрочем, Эккарт тоже не любил этот камень, легко крошащийся и оставляющий в ране тонкие пластинки слюды — при заживлении они частенько оставались в ране, появляясь прямо из-под кожи уже после того, как все срасталось заново. Это вызывало такую боль, что даже старые оборотни сходили с ума от боли, что уж говорить о гойделах, которые фактически были людьми. Кожаные ножны Ллариг пристегнула к поясу. Эта пара была такой тяжелой, что, воткни она их в оба голенища, ножи мешали бы передвигаться. С характерным звуком Шапка вытащила лезвия, удобно расположенные чуть ниже пояса, и с удовлетворением кивнула. Через тонкую полированную поверхность камня, идущую по самой кромке, можно было увидеть свет луны.

— Довольна игрушками? — Улыбнулся мужчина.

— Вполне, — ответила она, — тебе дать что-нибудь?

— Нет. — Он отрицательно покачал головой, — обойдусь своими силами.

Синхронно и мягко хлопнули обе дверцы. Выйдя наружу, Эккарт вскинул голову и принялся. Ночь пахла весной — влажной почвой, озоном, клейкими почками и едва пробившейся травой. Трудно поверить, что это произошло всего лишь за сутки. На лице вера заиграла легкая улыбка, которой он всегда встречал пробуждение природы. Зверю внутри нравился весенний призыв. Сладкий свежий ветер, треплющий волосы, пружинящая почва под ногами и эмоциональный подъем, который всегда приносила весна. Возможно, дело было только в гормонах, но оборотня все вполне устраивало. Он всегда считал, что боги подарили каждый сезон для особого действия: весна для пробуждения, лето для активности, осень для сбора плодов и зима для сна. Не Эккарт заводил этот порядок, не ему и менять.

Рядом почти бесшумно двигалась Ллариг. «Почти» — это для самого вервольфа, который мог расслышать даже движение ветра в ее волосах, но не для человека или пары десятков низших фейри. Сейчас ее густая копна непослушных кроваво-красных кудряшек была туго стянута в длинную толстую косу. Фир подошла к своему мужчине. Ее запах, такой привычный и родной, заполнил окружающее пространство.

— Будь осторожна, Geliebte, — сказал он, мягко касаясь губами ее лица, — сохрани

свою жизнь для меня.

— Только если ты ответишь мне тем же... — прошептала она, целуя его в ответ. — Сохрани свою жизнь для меня, Ansa.

Они постояли так еще минуту сохраняя тепло друг друга, а потом, словно две легкие тени, Фир Ллариг и Эккарт Гунн скрылись в ночной темноте.

Глава 19

Плохо освещенный дом сиротливо укрылся за скелетами нескольких деревьев и скудными остатками кустов. Тусклый свет из окон крался во двор, будто охваченный страхом зверек, едва задевая на своем пути два больших черных авто. Лишь пара высоких елей, расположившихся возле старого потрепанного гаража, пыталась придать ландшафту некоторую оживленность. Легкий холодный ветерок не пугал двоих находившихся снаружи. Больше ни одного признака живых существ не было.

— Это они, я чувю, — голос Эккарта даже в шепоте обрел рычащие нотки, — хорошо, что мы подошли с подветренной стороны.

Клыки у него во рту удлиннились, а глаза стали желтыми как полная луна. Оборотень еще не превратился, но уже балансировал на грани. Зверь чувствовал близость хорошей заварушки и поднимался все ближе к поверхности, туманя мысли мужчины. Казалось, достаточно лишь малейшего намека к действию и изменения настигнут его, будто колоссальный по силе взрыв.

— Я скину смс всем в доме, — едва слышно прошептала Фир.

Она знала, что любимый услышит. В таком состоянии — застыв над чертой превращения — он мог сказать даже, какой стороной на стол упала монета. Оборотень кивнул, отлично зная, как хорошо Шапка видит в темноте. Ее вертикальные зрачки четко уловили движение, а тонкие длинные пальцы уже набирали сообщение на мобильном, почти полностью скрытом ладонью. Тусклый блик дисплея мелькнул в темноте.

— Отойдем на пару метров, — прошептала Ллариг, — мы могли засветиться.

Ее напарник бесшумно сорвался с места, отбегая вправо. Фир уловила его движение, повторив все с точностью. Их разделяли лишь какие-то секунды. Со стороны наблюдателя, если бы таковой имелся, показалось бы, что мелькнули две размытые тени. Или одна, только длинная и неясная в ночной мгле.

— Пригнись.

С тихим рычанием Эккарт нырнул вниз, притягивая Шапку на себя. Ллариг была готова к его неожиданным действиям. Ее ладони уперлись в землю по обеим сторонам от оборотня, частично погасив энергию падения. Крыльцо вспыхнуло ярким пятном в вечерней темноте, выпустив наружу пятерых мужчин, будто нарисованных под копирку. Их массивные накачанные фигуры рассредоточились по двору. С помощью четких и скупых движений группа осмотрела окрестности и быстро загрузилась в один из массивных джипов. В окружающей тишине двигатель прозвучал неожиданно громко.

«Хорошо, что мы еще не подошли ближе», — подумала Фир.

Поднимать шум сейчас было бы не лучшей идеей — в доме могла находиться Оллин. В сложившейся ситуации ведьму легче всего было превратить в заложницу, при условии, что она еще жива, конечно. Со сражением придется повременить — с этим Эккарт был полностью согласен. Оборотень лежал настолько спокойно, что на него было легче

наступить, чем заметить. Лишь только его дыхание чуть слышно вырывалось облачками морозного пара, теряясь в складках одежды Шапки.

Машина покинула двор, с шуршанием потревожив мелкие камни на гравийной дорожке. Постепенно вечерняя тишина вернулась к безмолвию ранней весны.

— Уехали пять воинов, — Ллариг все еще лежала на оборотне. Впрочем, он совершенно не возражал, — вопрос в том, кто остался внутри.

— Хочешь проверить? — Слепые глаза Эккарта слегка поблескивали в темноте, обозначив начавшееся превращение.

— Конечно. — Фир улыбнулась, ничуть не смущенная тем, что выражение ее лица больше походило на хищный оскал. А потом притворно вздохнула, — Дарена бы сюда.

— Будто ты хуже справишься, — фыркнул вервольф.

— Не хуже, — она чмокнула мужчину в нос, — принцип действия у нас разный. Просто по-другому.

Ллариг оттолкнулась от земли, привстав на коленях. Оборотень внимательно принюхивался, пока его любимая доставала нож из голенища сапога. Когда лезвие с тихим шумом покинуло ножны, Эккарт поймал ее запястье.

— На мне заживет быстрее, — пояснил он, — когда я перекинусь.

Шапка кивнула. Чужая кровь была хуже, чем собственная, но это же срабатывало, не так ли? Кроме того, ее любимый был гораздо лучшим донором, чем кто-нибудь еще. Вервольф вскинул руку вверх, подставив тыльную сторону предплечья. Фир легко обхватила его запястье, чтобы случайно дернувшись Эккарт не поранил себя еще больше, и полоснула ножом по коже. Не слишком сильно — крови было нужно не очень много, но и не слегка — чтобы не пришлось обновлять порез.

Мужчина даже не шелохнулся. Темная струя с восхитительным запахом потекла к локтю, огибая рельефные выпуклости мышц. Фир Ллариг подхватила багряную каплю пальцами, ласкающими движениями поднимаясь вверх по коже к самой ране. Когда ладонь полностью покрылась жидкостью, Шапка поднесла ее к голове, втирая в волосы. Закончив действие, она начисто вылизала порез на теле Эккарта, простым усилием воли прекратив кровотечение.

— Хм, — тихо сказала девушка, — кажется, вчера ко мне вернулась не только эффектная внешность.

Оборотень вопросительно вскинул бровь. Вместо ответа Фир обеими руками обхватила его предплечье с силой прижав края раны друг к другу. Его белые клыки сверкнули в темноте, когда Эккарт с шипением втянул воздух, почувствовав жжение. Будто внутри мышечной ткани были тысячи миниатюрных иголок, скрепивших плоть между собой.

— Слишком быстро? — Виновато прошептала Ллариг.

— Нет, — он поморщился, потирая свежий шрам, который исчезнет к утру, — просто неожиданно. Ты так не делала со времен... черт, очень давно...

Шапка пожала плечами, измазавшись в густой бурой жидкости, которую начали источать ее волосы. В воздухе разносился густой, чуть сладковатый запах свежей крови, отдающий металлическим привкусом. Древняя магия, дремлющая в теле Фир Ллариг проснулась, требуя своей дани. Ее глаза полностью заволочло красным туманом, лишь только блики от далекого света и черные крапинки зрачков виднелись в плотном цветном мареве. Девушка глубоко вдохнула.

— Стань за мной, любимый.

Эккарт безмолвно перебрался к ней за спину. Движения его, плавные и тягучие, выдавали звериную сущность оборотня с головой. Казалось, что мужчина просто перетекает с одного места на другое, используя при движении такие мышцы, которых просто не бывает в теле человека. Он остановился за спиной у своей женщины как безмолвная тень, готовый к любой угрозе. Ллариг снова глубоко вдохнула и замерла, будто оценивая окружающие запахи.

— В доме четверо гойделов, человек, фомор и падший, — ее глаза отбрасывали красные блики. — Спорим, наша деточка там?

Ее голос дышал ужасом, как сизый туман, наступающий с болот в конце дня. Магия Красных Шапок не только дала ей возможность слышать запах крови всех вокруг, но и всколыхнула ужас, дремлющий в каждом из них. Все детские страхи, дремлющие глубоко в недрах воспоминаний, подростковые кошмары, наподобие боязни провалов и даже опасения смерти совсем взрослых людей — все это смешалось в ней. Только для Эккарта ничего не изменилось, как не менялось никогда. Его Ллариг оставалась все той же женщиной, которую обожал оборотень, как бы ни реагировали на нее другие. Возможно, это был его пресловутый иммунитет к магии, но мужчина верил — Фир просто подсознательно не хотела, чтобы он ощущал это именно от нее, равно как и он сам никогда не смог бы причинить вреда своей любимой.

— С четверыми мы легко справимся, — задумчиво пробормотала Ллариг. По ее лбу поползла кровавая капля, которую девушка смахнула рукой.

— Хочешь начать без близнецов? — Эккарт улыбнулся, обнимая ее сзади. По его щеке скользнула прядь волос Фир, оставляя кровавый след, — наши мальчики обидятся.

— Я тоже заслужила немного веселья, — притворно заворчала Шапка, — они и так все время с Дареном. Кроме того, еще эти пятеро вернутся скоро, так что Маку и Кону тоже хватит. А мы пока Оллин заберем. И фомори с падшим.

— Ну что с тобой делать, — вздохнул оборотень, — если ты права?

— Помочь? — довольно прошептала ему на ухо Фир.

Движения их были стремительны. Почти смазавшись в пространстве нечеткими контурами, фигуры уже через минуту были возле дома. Гигантским прыжком Шапка преодолела первый этаж, оказавшись на козырьке. Черепица глухо звякнула, когда стройное поджарое тело женщины приземлилось, обрушив на покрытие всю свою тяжесть. Эккарт застыл внизу, возле двери, как воплощение ночных кошмаров.

— Что там за чертовщина? — Недовольный мужской голос с командными нотками не был знаком ни оборотню, ни Шапке. — Не стой столбом! Иди, проверь!

Он немного затягивал гласные, произнося слова плавно и напевно, как делают все друиды. Что ж... это, по крайней мере, объясняло, почему они не выбежали из дома с воплями ужаса, когда начала действовать магия Фир Ллариг. Какими бы засранцами не были гойделы, защитные заклинания строить они умели. Шапка дождалась, пока изнутри откроется дверь и наружу выйдет человек.

Мужчина был массивным, что выдавало в нем чистокровного воина. В отличие от друидов, бойцы не владели никакими заклинаниями, но их идеально тренированные тела были воплощением силы. Они часто были покрыты татуировками с изображением рун, веря в защиту своих богов во время боя. Вышедший на крыльцо был рыжеволосым гигантом с короткой стрижкой, покрытым тату с ног до головы. Его голубые глаза были холодными, а взгляд — цепким, как смола. Не обнаружив ничего подозрительного за дверью, мужчина

подождал, когда глаза привыкнут к темноте и с осторожностью вышел на крыльцо. Оглядевшись вокруг, гигант не обнаружил внизу ничего. Впрочем, за дверь он заглянуть не догадался, сразу подняв взгляд на козырек между первым и вторым этажом.

— Привет, — Фир помахала крепышу.

Если ухмылка Шапки его напугала, то это было совсем незаметно, но вот реакции мужчины позавидовал бы любой — он молниеносно выхватил пистолет из кобуры, прицелившись в незваную гостью. Выстрел получился слишком громким в окружающей тишине, пуля ушла в небо, а гигант упал на землю, зажимая окровавленными пальцами распоротый бок. Из ночной тишины вынырнул Эккарт. Он частично изменился, превратившись в гротескную копию человека, хотя смеяться стал бы только сумасшедший. Руки и ноги стали длиннее и мощнее, будто в мускулы вкачали лошадиную дозу стероидов. Пальцы укоротились, зато выросли длинные крепкие когти, острыми концами которых оборотень мог бы вспороть металл, как кусок масла. Плечи тоже раздались вширь, чтобы хоть как-то удерживать собственный вес.

Отлично ощущая гойдела по запаху, вервольф почти неуловимо мелькнул в пространстве. Его мощная когтистая лапа опустилась на шею воина, раздробив несколько позвонков. Золотые глаза зверя сверкнули на человеческом лице, обозначая господство волчьей сущности. Теперь он различал свет, излучаемый дверным проемом. Резкий свист Фир почти совпал со смертью человека. Услышав зов, Эккарт бросился к входу, с корнем вырывая из стены дверной косяк.

Выбив окно на втором этаже, Шапка приземлилась на колено, ощутив под ногами грязный, пахнущий плесенью ковер. Сильные запахи мочи и насилия были повсюду, смешиваясь с ароматами крови и страха. Ллариг поднялась, внимательно прислушиваясь и приносясь. В тусклом свете одной единственной лампы она выглядела как оживший кошмар — залитая кровью, с пылающими алыми глазами и безумной ухмылкой с острыми рядами зубов.

Внизу царил хаос. Оборотень обладал полным иммунитетом к магии, поэтому друиды, как не старались, но остановить разрушения не могли. Единственное что беспокоило вера, так это присутствие только двоих гойделов в гостинной. Это означало, что еще один находится где-то тут, в доме и потенциально способен причинить вред его самке. Этого волк допустить не мог. Один из друидов — бородатый, пахнущий пивом субъект, начал читать стабилизирующее заклятье, пытаясь поставить щит вокруг себя и своего напарника. Другой, высокий и худой как жердь, схватил стул, метнув его в оборотня наподобие снаряда. Эккарт отшвырнул предмет мебели в сторону. Ударившись о стену, тот брызнул щепками во все стороны, несколько не замедлив передвижение мужчины к цели.

Увидев это, высокий друид протянул ладони вверх, выхватив из воздуха маленький огненный шар. Плавным двигая руками, гойдел бросил пламя в лицо вервольфа. Будь полусидхе простым оборотнем — все бы получилось, но Эккарт обычным не был. Поймав шар когтистой лапой, перевертыш погасил его с тихим шипением, просто сжав пальцы и растянул губы в жуткой клыкастой ухмылке. Гойдел попятился к стене, невольно толкнув напарника. Бородатый в ответ заматерился, но, увидев выражение на лице оборотня, прервал свою тираду на полуслове и отскочил к столу. Схватив пистолет с гладкой полированной поверхности, мужчина попытался прицелиться. Эккарт зарычал и бросил в него что-то из мебели. Кресло попало точно в цель, сметая друида с дороги. Бородатый влетел в стену и тяжелой грудой осел на полу.

Плавнo двигаясь вдоль стен, Фир слушала суматоху на первом этаже, где вервольф планомерно разносил гостиную. Она знала, что помощь пока не требуется — если понадобится, любимый обязательно даст знать. Наверху было тихо, безмолвие нарушало лишь ее собственное дыхание. Ллариг вытащила клинки из ножен, придерживая лезвия пальцами, чтобы получившийся звук был еще тише. Стерев кровавые капли, стекавшие с волос на белую кожу лба, Шапка прислушалась к своим ощущениям. В трех из четырех комнатах были живые существа, но они были слишком близко, чтобы она могла сказать кто где. Выбрав ближайшую дверь, Фир плавно повернула дверную ручку.

Помещение было темным и зловонным, с единственным плотно занавешенным окном. Тараканы толпами разбежались от вошедшей внутрь женщины, будто ощущая излучаемый ей ужас. Шапка шла вперед, аккуратно осматриваясь по сторонам не желая повторить ошибку гойдела-воина, умершего во дворе. Убедившись в относительной безопасности помещения она, наконец, подошла к фигуре, привязанной к стулу в центре комнаты.

Он был без сознания. Один из самых красивых мужчине несидхе, которых она видела в своей долгой жизни. Алек, кареглазый блондин с феерически прекрасной улыбкой был в крови и грязи, но все равно был прекрасен. Стройное накачанное тело буквально висело на стуле, поддерживаемое на месте только веревками. Его волосы слиплись от алой жидкости, а губы были совершенно разбиты — его наверняка били по голове. Ллариг обошла Падшего, внимательно осматривая место, где он сидел, потом быстро вложила один из ножей в ножны, выхватив из голенища сапога серебряный кинжал. Аккуратно приблизившись, Фир рубанула воздух над тонкой струйкой песка, образующей круг возле стула к которому был привязан мужчина. Металл со звоном вошел в пол, а песок вспыхнул разноцветным пламенем, рассыпавшись по углам яркими искрами.

Фыркнув, Шапка вытащила кинжал из линолеума и подошла к привязанному вплотную. Бегло осмотрев узлы, она перерезала веревки и подхватила бесчувственное тело, положив его на пол. Проведя рукой по своим волосам, девушка собрала кровь, которой скрупулезно измазала лоб и веки мужчины, потом села на Пожирателя Грехов верхом, зафиксировав своими бедрами его руки. Крепко прижала одну руку к его губам, а вторую — измазанную в крови — поднесла к сердцу мужчины. Через три секунды он выгнулся дугой, едва не сбросив с себя ее стройное тело. Ллариг держалась, сильно прижимая ладонь к его рту, не давая издать ни звука. Наконец тело мужчины расслабилось. Он обессилено раскинул ноги и вытянул руки вдоль тела. Фир нагнулась к его уху и чуть слышно зашептала.

— Извини, что пришлось так экстренно тебя реанимировать, но действовать надо быстро, — дождавшись ответного кивка, Шапка продолжила, — внизу двое гойделов и мой мужчина. Где-то тут еще один гойдел, фомори и ведьма. Мне нужно, чтобы ты держался в стороне и при малейшей опасности свалил отсюда нахрен. Желательно, забрав с собой еще кого-нибудь из их трофеев. Не путайся под ногами, и все будет замечательно. Понял?

Он снова кивнул. Фир убрала руки и бесшумно поднялась с пола. Алек вдыхал воздух мелкими глотками, чтобы не закашляться. Наконец он восстановил дыхание и рывком сел. Окровавленные волосы, завившиеся мелкими кольцами, упали мужчине на лицо. Полутьма комнаты превратила его фигуру в совершенного ангела с картин Рафаэля. Шапка подождала еще немного и выскользнула за дверь, напоследок приложив палец к губам в универсальном жесте требования тишины.

В коридоре было тихо, осторожные шаги Ллариг заглушались грохотом с первого этажа. В соседней комнате оказалось пусто, только пыль и какие-то тряпки в углу, разглядывать

которые, у фейри не было времени. Она не могла не заметить тяжелый дурманящий запах застарелой крови, царящий повсюду. Похоже, что это место совсем недавно использовали. О предназначении помещения Фир предпочла не догадываться. Взломав дверь напротив, Шапка стиснула зубы, чтобы не заорать от душившей злобы. В углу комнаты на голом липком полу, лежало хрупкое женское тело. Оля скрутилась в позу эмбриона, подтянув длинные ноги вверх, почти касаясь подбородка коленями. Из одежды на ней осталось мало что, а открытую кожу покрывали глубокие раны. Часть из них все еще кровоточила, а некоторые уже запеклись темной коркой. На тонких запястьях были защелкнуты металлические браслеты, врезавшиеся в тело почти до костей.

Плавно двигаясь вперед, Ллариг подкрадывалась к ведьме, стараясь не упустить мелких деталей вокруг. Ловушек не было. Фир еще раз недоверчиво окинула комнату взглядом. И не нашла ничего. Гойделы просто заперли Оллин тут, сковав руки анти-магическими наручниками. Неужели это означало, что они сломали ее?

— Не надо больше, — хриплое хныканье переросло в полу-стон. Точнее, должно было перерасти, если бы у девушки остался голос. Ее плечи затряслись от беззвучных рыданий.

Опустившись на колени рядом с Олей, Шапка не смогла подавить злобный рык, вырывающийся из горла. Кровь, влажно расплзающаяся по ее волосам, превратилась в сплошной поток, крупными яркими дорожками заливая все вокруг.

— Это я, маленькая, — сказала Ллариг так нежно, как могла, — потерпи еще немного, мы уже почти идем домой.

— Фир, — слабая улыбка осветила обезображенное шрамами лицо ведьмы, — я не сказала. Ничего не сказала.

— Я знаю, — фейри убрала с ее лица спутанные пряди волос. — Ты у нас храбрая девочка. А теперь поспи.

Скользнув пальцами по бледной коже Оллин, Шапка усилием воли замедлила ток крови в сонной артерии, отключив ведьму. Это было вредно, но, как помнила фейри еще с давних пор, болевой шок для человека мог быть смертелен. А что может быть хуже самой смерти, когда исправить уже ничего нельзя?

Выйдя из комнаты, Ллариг показала за спину, в сторону открытой двери. Пожиратель грехов, уже довольно твердо стоящий на ногах, кивнул в ответ и направился в помещение. Выглядел он немного лучше. Бледное лицо Алека выражало решимость, а рот был сжат в полоску — падший наверняка искусал себе все губы. Ллариг проводила его взглядом и достала из ножен оба клинка, плотно обхватив рукояти.

Оставалась последняя комната.

Глава 20

Сидхе были в доме. Ощущение от присутствия появилось задолго до того, как они переступили порог этой обители. Не то чтобы всем овладело какое-то гнетущее ощущение предвкушения, просто... она молилась, чтобы дверь впереди осталась запертой, чтобы не пришлось делать то, что заставлял Джарра, стоявший за спиной. Она обещала не вредить никому, даже Сидхе.

Девушка повернула голову и в ее шею снова впился ошейник, густо усеянный шипами по внутренней стороне. Тонкая алая струйка побежала вниз, впитываясь в давно влажную майку, неприятно липнущую к телу. Боль, ощущаемая при этом, уже давно потеряла свое

первоначальное значение, из фактора устрашения превратившись в простое физическое неудобство. Просто, как насморк, мать ее... Короткие волосы, обрезанные тупым ножом ближе к затылку почти под корень, достигали уровня скул со стороны лица и упрямо лезли в глаза. Еще недавно вместо жалких остатков на ее идеальной головке чуть вились длинные белокурые локоны, обрамляя тонкие черты аристократического лица. Кажется, с этого момента прошли столетия.

Мучитель за ее спиной стоял молча. Наверняка упершись взглядом в дверь. Она предпочитала даже не вспоминать имени, ограничиваясь местоимением «Он» или емким словом Джарра[37]. При взгляде на него ощущались только злость и собственное бессилие. И ожидание. О, да! Ждать она умела, как гадюка, затаившаяся под старым ветхим деревом, поваленным бурей.

Сам он был силен. Нет, не физически, это щедрое мужское тело никогда не стало бы эталоном мощи ни у одной из рас мира. Длинные тонкие руки с пальцами, будто лапы паука, ноги как спицы, тощее тело. Когда Джарра садился, ее не покидало ощущение, что однажды он переломится пополам. Водянистые глаза, прозрачно-серого цвета, вечно недовольное выражение надменного лица. Казалось, он никогда не улыбался, бросая все свои силы на злобу, постоянно источаемую в пространство, но магия в его крови была сильна, властвуя почти безраздельно.

Гойделы всегда отличались высоким волшебным потенциалом, балансируя на грани людей и фейри. Люди смогли победить Сидов, вытеснив магических существ в добровольную ссылку, и это было удивительно, но то, что гойделы смогли сохранить хотя бы часть своих способностей в первозданном виде, когда остальные потеряли почти все — просто феноменально. Плохо было одно — сохранив свою магию, Дети Миля сохранили и все то плохое, что имели. Жадность, коварство, зависть и злоба в сочетании с вполне трезвым рассудком для них были нормой.

Перенеся вес с ноги на ногу, она снова почувствовала, как шипы ошейника дернулись, глубже впиваясь в рану. Не нужно было поворачиваться, чтобы узнать — это проклятый Джарра натянул поводок в своих руках. То ли из страха перед ней самой, то ли из чистого садизма, Он постоянно проделывал такие штуки... или придумывал что-нибудь похуже. Впрочем, после пыточной Сулеймана ее трудно было чем-то удивить. Иногда, даже полезно иметь собственный опыт палача. Знаешь, что порой бывает и хуже.

Толстые браслеты оттягивали запястья вниз. Утяжеленные вставками из обсидиана железки лишали силы воли и, что более важно, полностью блокировали магические способности. Это ощущалось как медленная смерть от тяжелой болезни, но Он, похоже, был только рад этому. Думать об этом необходимо было, стараясь не сплевывать на пол, иначе Джарра мог ударить ее по голове. Нет, страшила не боль, а скорее, потеря координации движений, которой грозил такой удар. Если Сиды все же их найдут, понадобятся все силы и возможности, чтобы выжить самой и спасти сестру. Хоть и сводную, но ближе у нее не было никого. Трудно поверить, что та, кого сама раса называла «Прекрасный Ужас», может о ком-то так заботиться.

Она чуть слышно вздохнула. А как можно было не переживать о том, кто всю жизнь пекся о тебе даже больше, чем о себе? Чего стоило только ее невиданное решение — забрать ублюдка своего отца, чтобы растить в собственном доме. Ладно бы в качестве игрушки, но нет! Ее сестра потребовала для бастада положения равной и билась за это насмерть. Сначала, чтобы упрочить положение новой родственницы, потом — с теми, кто посмел

бросить вызов ребенку ее отца, слишком маленькому и немощному, чтобы заступаться за себя самостоятельно. Нет. Она никогда не сможет расплатиться за это. Именно поэтому требовалось существовать даже так, когда честь требовала освободиться, пускай даже ценой собственной жизни. Нужно было выжить. Пускай даже ценой гордости. Спасти старшую сестру, которую гойделы тоже схватили и держали где-то еще. Потом можно будет вернуться, чтобы поговорить кое с кем наедине.

О, да! Ухмылка, растянувшая рот и открывающая крепкие белые зубы была плохой. Настолько, что Джарра бы сильно занервничал, если бы смог ее увидеть. Им было о чем поболтать. Она уже знала, что Ему особенно не понравится часть о пытках при дворе Селима I. Особенно демонстрация на живом объекте. И пусть он молится своим богам, как умеет, потому что никакая сила не спасет его от того ужаса, который она решила подарить этому гойделу. Терпения хватит.

Зеленые глаза девушки затуманились предвкушением, а тонкий язычок быстрым движением скользнул по полной верхней губе. На нежном детском личике отразилось кровожадное безумие, из-за которого ее боялись при дворе собственного отца наравне с самим Ллиром. И хотели не меньше. Любой мужчина расы был бы счастлив стать ее избранником на самых жестких условиях. Переступив с ноги на ногу, она приказала себе успокоиться. Время для обдумывания мести еще будет, а сейчас требовалась полная собранность. Существовала одна большая проблема. Обычно Сидхе были примерно равными противниками, но с этими браслетами все было намного сложнее. С одним сильным фейри еще можно было справиться, с обоими — шансы катастрофически падали. Если не удастся вырубить одного из них сразу, то шансов успешно завершить бой почти не было. Может быть, удастся как-то намекнуть, что ситуацию контролирует Джарра?

Минуты текли в ожидании, давая надежду избежать боя. Если Сиды не зайдут сюда, сам Он выйти не отважится. Несмотря на свою силу, Джарра предпочитал действовать из-под тишка, как крыса. О, да! Достойное дело для любого из гойделов. Сидхе никогда не опускались до подобного, даже во время памятной войны с фоморами.

Дверь легонько скрипнула, целиком открывая дверной проем. Высокая гибкая фигура мягко скользнула внутрь, осматриваясь по сторонам. Несмотря на царящий в комнате полумрак, было заметно, что Сиды красива, как и все фейри. Немного настораживал кровавый цвет волос но, будучи частой гостьей при дворе Неблагих[38], она помнила, как выглядят Красные Шапки. Вероятно, эта Сидхе была полукровкой, как и та, кто стоял теперь напротив. Похоже, единственным верно рожденным в этой комнате был гойдел. Смешно.

Увидев ее, Сиды крепче перехватила рукояти кинжалов, которые держала в обеих руках. Судя по взгляду, Он тоже оказался замечен, но не вошел в категорию опасных. Плохо. Очень плохо. И тут... тиски, сжимавшие ее душу начали ослабевать. Было ли это из-за близкого присутствия другого магического существа, или второй Сидхе нашел остальных друидов, контролирующих ее сущность? По сути, это не имело значения. Главное — теперь можно было сопротивляться. Появилась реальная возможность повернуть ситуацию себе на благо, и этот шанс она упускать не собиралась. Рывок сзади и текущая по шее кровь напомнила о Джарре. Чертов гойдел! С шипением вынув короткий клинок с железным лезвием из крепких ножен, она стала в боевую стойку.

— Извини, — наверное, в голосе все же прозвучало раскаяние, — ничего личного.

Остатки мебели с треском ломались под тяжелыми ботинками, когти с жутким хрустящим звуком разрывали покрытие на стене, а в воздухе повис сладковатый запах крови. Изломанные тела гойделов бесформенными грудями мяса были разбросаны по гостиной. Один из друидов застыл у стены, оставив на светлых обоях липкое бурое пятно из смеси крови и собственного мозга. Второй, с лицом, выражающим беспредельный ужас, слепо глядел в потолок. Если бы не мышцы, его голова не удержалась бы на месте — оборотень раздробил ему шейные позвонки и почти вырвал гортань.

Поднеся руку, наполовину превращенную в когтистую лапу, к своему лицу, Эккарт поморщился. Запах крови гойделов, сладковатый и чуть отдающий хвоей, вызывал у оборотня рвотные позывы. Подняв голову вверх, мужчина принялся. В комнате царствовали ароматы смерти, грязи и тления, но на втором этаже запах был чуть иным. Более живым и насыщенным, щедро сдобренным страхом и болью. Быстро осмотревшись вокруг, вер отправился наверх, еще на лестнице почуяв запахи, которые были ему знакомы.

— Хреново выглядишь, мой клыкастый друг, — хриплый голос Пожирателя Грехов был очень тихим, но Эккарт на слух не жаловался. Оборотню казалось, что ему шепчут прямо на ухо.

— Судя по запаху, тебя тоже сложно назвать образцом здорового образа жизни, — ухмыльнулся вервольф.

— Вашей ведьме, кажется, гораздо хреннее, чем нам обоим, — уже серьезно заметил Алек, — она с этими сволочами гораздо больше времени провела, чем я.

— По запаху чую, — нахмурился Эккарт.

Плавным и легким движением вер мелькнул к Падшему. Мужчина отшатнулся и едва не упал, от слабости и дополнительного веса тела Оли, которую он нес на плече.

— Ти-ише, — оборотень подхватил их обоих, остановив падение на грязный ветхий ковер, насквозь пропахший плесенью и крысами, — это же только я. Не нужно так нервничать.

— Обязательно вспомню об этом в следующий раз, когда ко мне вот в таком виде приблизится плотоядный вер, — пробурчал Пожиратель Грехов.

Но Эккарт не слушал. Его мощные когтистые лапы мягкими касаниями скользили по телу ведьмы, будто он дотрагивался до маленького хрупкого ребенка.

— Внутренних повреждений нет, пульс относительно нормальный, — нахмурился он, — но я не понимаю... мне казалось, что все должно было быть намного хуже.

— Наверное, твоя женщина с ней поработала, — Алек устало сел прямо на пол. — Меня она здорово потрянула. До ее шокотерапии я думал, что неделю не встану, как минимум.

— Эта женщина — моя жена, — лениво рыкнул Эккарт.

Он не слишком прислушивался к Падшему. Оборотня больше занимали лязгающие металлические звуки в глубине дома.

— Мне кажется, что вы можете проводить ритуал связывания судеб только после рождения общего ребенка. Разве нет?

— А мне кажется, что ты слишком болтлив для умирающего, — иронично заметил вервольф. — Бери девушку и тащи свою задницу вниз. Постарайся, чтобы она не очнулась и не стала глазеть по сторонам — ужасов для нее достаточно. Выйдешь из дома — спрячься. Должны подъехать близнецы, дождись их. Если вернутся те пятеро, что уехали — не геройствуй, а постарайся свалить подальше.

— Блин, никогда бы не подумал, что существо, которому столько лет, как тебе, может так выражаться на сленге, — пробормотал Падший, подхватывая бессознательное тело ведьмы.

— Аккуратнее, — Эккарт уложил Олю поудобнее, — люди слишком хрупкие, а она хороший ребенок.

— Я учту, — кивнул Алек, одной рукой держась за перила, а другой, обхватывая ведьму за талию, — чего не сделаешь ради друзей...

— Кто бы мог подумать, что настолько древнее существо может так много болтать... — пробормотал оборотень, темным пятном тени исчезая в глубине дома, куда его влекли лязгающие звуки.

Когда прольется кровь — отпусти зверя.

Эккарт резко остановился на середине коридора и потряс головой. Слова Сегунды прозвучали так четко, будто пикси сидела у него на плече. С одной стороны, галлюцинация была очень некстати — вервольф знал, что в эти минуты его самке требуется помощь. С другой — ничто в жизни не происходило просто так, и видит Богиня, крови сегодня пролилось предостаточно. Подумав еще секунду, мужчина пожал плечами. Он и так почти обернулся сегодня, так почему не завершить процесс? В доме осталась только Фир, а близнецов он узнает по запаху — ни один вожак не тронет члена своей стаи. Что до остальных... попадутся ему, значит сами виноваты. Встав на колени и опершись ладонями в пол, Эккарт позволил второй сущности взять верх.

Все было не так, как показывают в фильмах. По его телу пробежала волна, свивающая мышцы в тугий клубок, а кости заскользили под кожей, будто не соединенные суставами. Казалось, что человек сделан из пластилина, покрытого кожей, тающего на солнце, и теперь перетекает в другую, отличную от первоначальной, форму. Дыхание стало сбивчивым и хриплым. Рука, судорожно скользнувшая по полу, оставила четыре глубокие борозды от когтей на деревянном полу. Внезапно его тело будто взорвалось изнутри, извергнув наружу огромного белоснежного зверя.

Оттолкнувшись лапами, он встал, почти заполнив коридор своим массивным телом. Тугие клубки мышц перекачивались под кожей, густая белая шерсть чуть отсвечивала в темноте. Вторая ипостась Эккарта совершенно точно относилась к роду псовых, но называть его волком было бы примерно как сравнить тигра с котенком. Мощные челюсти и очень крупные лапы делали его похожим на мастиффа, а желтые глаза, выпуклый лоб, тяжелый толстый хвост и своеобразный окрас выдавали причастность к роду *Canis Lupus*[39].

Понюхав воздух, зверь тряхнул головой и направился дальше.

Думать ей было некогда.

Перекатившись вправо, Фир подняла ножи, скрестив их вверх, чтобы блокировать удар короткого меча в руках фомори и тут же получила удар ногой в живот. В ответ Шапка пнула противницу ногой в пах, лишая ту равновесия и заставляя наклониться вперед, чтобы не упасть. Другую ногу Ллариг резко выбросила вверх, ударив пяткой точно в подбородок блондинки. От удара голова фомори откинулась назад, а короткие волосы взметнулись,

открывая рваную рану на шее, едва прикрытую широким шипованным ошейником.

Остановившись в дверном проеме, Эккарт не стал отвлекать Шапку. Если случится что-то непредвиденное, вервольф всегда сможет помочь своей самке, а вмешавшись сейчас, легче было навредить. Он отлично слышал, как проходит бой — чуткие уши оборотня улавливали малейшие оттенки звуков, а глаза различали легкие тени, мелькающие с огромной скоростью. Это было достаточно закономерно — тело фейри намного быстрее человеческого, обычный смертный даже не смог бы уследить за движениями Ллариг и ее соперницы. Впрочем, вер больше полагался на слух и запахи, чем на свое слишком слабое зрение.

Спружинив всем телом, Шапка рывком встала на ноги. Подхватив оброненные ножи, она метнула первый в гойдела, стоящего в дальнем углу комнаты со сжатым в руках тонким ремешком. Второй клинок она воткнула в правое плечо фомори, примерно на три пальца ниже ключицы — отключить рабочую руку противницы. Чтобы блондинка не пыталась встать, сидхе ударила ее ногой в висок. Фомори хрипло выдохнула и упала, ударившись затылком. Весь бой занял не больше двух минут.

Каким-то шестым чувством Фир знала, что ее любимый уже тут. Повернув голову к дверному проему, Шапка убедилась в этом. Пробежавшись взглядом по комнате и убедившись, что противники обездвижены, она без опасений подошла к огромному зверю. Эккарт часто говорил, что боится причинить ей вред, когда его животная форма доминирует, но Ллариг могла поставить все, что имела — этот мужчина никогда и ни при каких обстоятельствах не причинит ей вреда. Его большая лобастая голова уперлась ей в живот, заставив чуть покачнуться. Мягкий мех с шуршанием прошелся по костюму, когда оборотень потерся об Фир головой в жесте, несомненно, означавшем ласку. Его влажный длинный язык прошелся по женской шее, слизывая пот, а ее руки утонули в густом белоснежном подшерстке.

— Я все сделала, — глухо прошептала она, — они уже ушли из дома?

Оборотень утвердительно фыркнул. Эккарт был рад, что предчувствие обмануло его, но никак не мог отделаться от неприятного ощущения незаконченности, как будто в этой ситуации существовала деталь, которую они оба упустили. Шапка почувствовала его настороженность без слов и мгновенно напряглась. В тишине, воцарившейся в комнате, послышался тихий шепот.

Раненый гойдел лежал в углу. Алая струйка вытекала из его окровавленного рта, а пузырящаяся рана в груди указывала на пробитое легкое. Зарывав, оборотень оттолкнул девушку за спину, загородив ее собой и став мордой прямо к друиду. Оскаленные клыки были похожи на миниатюрные кинжалы, а полуслепые глаза зверя отсвечивали желтыми бликами. Слишком медленно. Слово, сорвавшееся с губ гойдела на выдохе, активизировало сложное заклинание, превратив простое бормотание в нечто осязаемое и смертельно опасное. Наблюдавший со стороны сказал бы, что в сидхе полетела большая стрела, будто сотканная из тепла и света. Эккарт повернулся и привстал на задние лапы, чтобы защитить Фир, закрыв ее как можно большей поверхностью своего тела.

Когда заклинание врезалось в зверя, послышался запах горящей шерсти. По инерции его отбросило назад, на женщину. Взрывная волна прошла по комнате, повалив всю мебель на своем пути, уничтожив тусклую лампу под потолком и начисто выбив дверь. Гойдел, будто истратив последние силы на заклятие, затих в углу. Ллариг, потеряв сознание, лежала на полу, накрытая огромным зверем, в боку которого была ужасная рана с обожженными

краями.

Стройная и довольно миниатюрная девушка с трудом встала, помогая себе левой рукой. Зашипев от боли, она выдернула из плеча кинжал с черными каменными вставками по лезвию, затем перехватила его поудобнее и всунула его под ошейник, тупой кромкой к шее. Острое лезвие сделало свое дело — кожаный ремень с густо прошипованной внутренней поверхностью со звяканьем ударился об пол. Следующими были наручники. Несколько ударов рукоятью ножа по каменным вставкам раздробили достаточно хрупкий обсидиан сначала на правом, а затем и на левом запястье. Совершив последнее усилие, фомори разогнула металл и отбросила от себя ставшие бесполезными железки. Посмотрев на сидов, она пожала плечами — причин вредить им не было. А вот гойдел...

Тело блондинки начало мерцать, будто покрываясь маревом. Глаза превратились в светящиеся точки, на лицо вернулась недавняя улыбка. Раны на шее мгновенно перестали кровоточить, словно изнутри их заклеили невидимым пластырем, но рана в плече не поддавалась. Вздохнув, девушка взяла нож в правую руку. Она подошла к друиду, схватила его за одежду и потащила за собой, не особо заботясь о комфорте мужчины.

Глава 21

Попав в комнату оборотня, фомори медленно прошлась, рассматривая обстановку. Ее не впечатлили ни темные стены его обители, ни красные светильники, расставленные по углам, ни синий мягкий ковер под ногами, но от простого хлопкового постельного белья, правда, выкрашенного в черный цвет, столь любимый близнецами, она пришла в восторг. В ответ на недоуменный взгляд Мака девушка просто ответила — «не скользит».

Он расхохотался, как ребенок. Практичность у этой женщины просто зашкаливала. Интересно, обратила бы она на него внимание, если бы не откат, который им довелось пережить этой ночью? А что, если бы ей первым попался его близнец? Кон был гораздо серьезнее и имел все шансы понравиться Донне.

— Мне нужно в ванную, — она потянулась всем телом, — да и тебе тоже. У вас дом, как самый настоящий сидхен. Тут водопровод работает?

— Да, Ану сама договаривалась с водными духами и домом, — оборотень улыбнулся, вспомнив эти переговоры, — это единственная уступка на втором этаже. Водопровод и канализация, а вот электричество не работает.

— Конечно, — фомори кивнула, словно это обычное дело, — это же мертвая субстанция, а вода — живая. Очень логично со стороны сидхена. Так, где ванная?

Мужчина молча указал на дверь в стене, почти незаметную на темном фоне обоев.

— Можно мне что-нибудь, чтобы одеть после душа?

— Я могу сходить попросить у Ану... — начал вер.

— Твоей футболки вполне хватит, — перебила его девушка.

— Как скажешь.

Зайдя в гардеробную, Мак выбрал простую черную футболку и отдал ее Донне. Фомори улыбнулась ему и скрылась за дверью ванной комнаты. Черт. Маккон предлагал девушке комнату для гостей, но она не согласилась, заявив, будто боится спать одна в чужом доме. Однако мужчина не думал, что Донна испытывала чувство страха. Вряд ли та, кто отбросила все и пришла в дом потенциального врага просить помощи, стала бы бояться. Скорее он готов был поверить в то, что она хотела побыть с ним чуть подольше. Это было так...

необыкновенно.

Он никогда не представлял себя рядом с какой-то женщиной постоянно. Хорошо подвешенный язык и яркая внешность делали его неотразимым, а если учесть, какие деньги платят за работу, которую они с Конхенном делали для Дарена... За сотни лет в постели у Мака сменилось огромное количество девушек. Считать он перестал после третьей сотни, когда понял, что большинство женщин ценят только то, что видят на поверхности. После этого вер совершенно перестал сдерживаться, превратившись в тот огонь, который всегда сжигал легковых бабочек.

Донна была совершенно другой. Она смешила Маккона. Впервые за несколько столетий девушка могла заставить его просто смеяться — не своей глупостью, а тонкой иронией и умными замечаниями. Донна была мягкой, там, где требовалась мягкость. Нежной, где нужна была нежность. Требовательной, когда ей нужно было что-то получить. Она увлекала его собой, хотя не делала для этого абсолютно ничего специально. Подумав хорошенько, Маккон мог с полным убеждением заявить, что совершенно не желает расставаться с фомори сейчас. Но... с момента их знакомства прошло так мало времени... неужели он начал к ней привязываться? Это пугало. Однако возможность больше никогда ее не увидеть, не почувствовать запаха, беспокоила его зверя еще сильнее. Мак встал и начал ходить по комнате, пытаясь осмыслить ситуацию. Слишком быстро. Все происходило слишком быстро.

— Маккон? — ее мелодичный голос вырвал его из потока размышлений, заставив отложить насущный вопрос на «потом».

— М-м-м?

Ох, Богиня! Лучше бы он не оборачивался!

Донна была словно Афродита, рожденная из пены. В детстве Мак всегда не понимал, как женщина могла родиться из водных глубин, но теперь он точно знал ответ. Ее нежная розовая кожа лучилась здоровьем, волосы разметались по плечам влажными нитями, а воздух рядом был пропитан запахами моря. Внутренний зверь Маккона довольно заворчал, а тело затопили инстинкты. Моя...

Будто услышав его мысли, фомори села на постель и медленно откинулась на подушки в позе истинной соблазнительницы, протянув руку к мужчине.

— Поцелуй меня, — ее голос сочетал в себе и мольбу, и требование одновременно, — ну же...

Рука девушки изогнулась в приглашающем жесте. Ее глаза пылали изумрудной зеленью из-под полуприкрытых век, а на губах играла улыбка, смысл которой Маку только предстояло разгадать. Какой мужчина смог бы устоять? Совершенно замороженный, он опустился на колени, почувствовав ладонями мягкую ткань простыней. Пальцы сами сжались от желания почувствовать на ощупь ее нежную кожу, зрачки стали вертикальными, а из горла вырвался полу-стон — полу-рык. Обычно вервольф старался сдерживаться со всеми своими партнерами, но Донне удалось лишить его самоконтроля.

Она была такая сладкая и нежная, как самый вкусный десерт. Язык Мака проник в рот Донны, лизнув внутреннюю поверхность губ. Ее руки скользнули на плечи мужчины, лаская его теплую кожу, скрытую футболкой. Наконец, зацепив край одежды пальцами, фомори потянула ткань вверх, обнажая торс вервольфа. Помотав головой и чуть отстранившись, Маккон попробовал воззвать к остаткам здравого смысла.

— Если ты продолжишь, я не смогу остановиться, — он почти рычал, но девушку это

совершенно не пугало. Скорее, в ее взгляде читалось восхищение, смешанное с откровенным желанием, — ты знаешь, как занимаются сексом оборотни?

Фомори покачала головой, не отрывая взгляда от своего любовника. Ее влажный розовый язычок пробежался по нижней губе, заставив того задышать еще тяжелее.

— Я буду намного сильнее, чем обычный сидхе, — его голос был ниже на несколько тонов, почти сбиваясь на сплошное рычание, — может быть я не смогу контролировать себя до конца, и частично перекинусь. Я не хочу напугать тебя или случайно поранить.

— Но ты не станешь животным? — уточнила Донна.

— Не с тобой, — уточнил он, слизывая ее вкус со своих губ.

— Тогда валяй, — девушка улыбнулась, — я не хочу, чтобы ты останавливался.

Мак довольно заворчал и двинулся вперед, слегка прикусывая ее тонкую нежную кожу с запахом моря. Он был так занят, что предпочел проигнорировать стук в дверь, надеясь, что незваный гость уйдет сам. Через некоторое время вер понял, что его попытка не удалась — посетители хором сопели под дверью, явно решив дождаться их реакции. Мужчина обнял Донну за талию и прижался щекой к ее животу, пытаясь завладеть звериной сущностью.

— Может, если мы будем вести себя очень-очень тихо, то они уйдут? — Женский голос был достаточно разочарованным, чтобы Маккон понял — Донна тоже предпочла бы обойтись без гостей.

— Это пикси, — вздохнул он, — боюсь, что не уйдут.

Потеревшись щекой об тело Донны, Мак встал на колени между ее широко разведенных ног. То, как она выглядела, почти заставило оборотня плюнуть на все и отослать фей-крошек назад, воспользовавшись самыми нецензурными выражениями из своего богатого лексикона. Потом он с ворчанием одернул футболку, которую фомори одела после душа, чтобы прикрыть Донну.

— Узнай, что им нужно, а я в душ, — это была одна из самых сложных фраз в его жизни.

— Я попытаюсь выпроводить их побыстрее, — она тоже привстала на постели, прижимаясь к нему всем телом, — а потом приду к тебе. Да?

Мак кивнул. Эта женщина определенно знала, что ему нужно. А потом практически сбежал от нее в ванную. Потому, что знал — еще минута — и он не сдержится и пошлет к черту всех пикси мира...

Душ был холодный, только так ему удалось хоть немного сосредоточиться на разговоре, который происходил в его отсутствие. Упершись руками в стену, Маккон стоял под ледяными струями и внимательно слушал.

В гости заявили феи-крошки во главе с Толой. Феек уже совершенно оправился от внеплановой спячки и жаждал самостоятельно поблагодарить свою спасительницу. Пока остальные малыши слетелись к вазе, поставить принесенные цветы, он сел на плечо к фомори и попросил дать ему возможность отдать долг. Тола хотел отправиться с ней, когда девушка уедет, чему Мак был ужасно недоволен. Нет, он был знаком с понятием чести и долга и поддерживал фейка в его намерении, но мысль, что Донна должна его покинуть, вгоняла оборотня в прострацию. С предложением Толы фомори согласилась. Она тоже прекрасно знала, что такое долг чести, и как важно для любого фейри оплачивать такие

счета. В мире волшебных существ честь вообще значила много. С ней были связаны многие клятвы и обещания, равно как и полное отсутствие лжи. Чем старше был фейри, тем более ревностно и неукоснительно выполнял он эти законы, используя своеобразный кодекс чести, поощряемый как в стародавние, так и в нынешние времена. Так что, фактически, Донна не могла отказаться от предложения фейка.

Наконец, делегация удалилась, и в соседней комнате воцарилась тишина. Дверь в ванную открылась, впуская свежий воздух и фомори, стягивающую с себя одежду. Вер сделал воду теплее и протянул к ней руку, помогая забраться в душевую кабинку. Девушка ойкнула, попав под прохладную струю, но ее возглас заглушили мужские губы, а через пару минут ей стало очень жарко.

Ни одну из своих любовниц Маккон не приводил к себе и, уж точно, ни с кем из них не позволял себе засыпать в одной постели, всегда ощущая в этом нечто фальшивое, как в плохо сыгранной пьесе. Но сегодня все было наверняка правильно. Прижавшись к Маку, Донна выглядела такой незащищенной. Щекой девушка легла на грудь мужчины, и теперь ее легкое дыхание порхало по его теплой коже, как легкие облачка по весеннему небу. Одна из рук фомори плотно обхватывала тело оборотня, а вторая свободно лежала вдоль тела, длинные волосы обоих перемешались в прядях невообразимого белесо-рыжеватого цвета. Мужчина крепко спал, обняв девушку правой рукой.

Молча стоя в дверях, Конхенн внимательно смотрел на своего близнеца. Такое выражение у Маккона было не часто — умиротворение и нежность смешались на его лице, словно вырвавшись из тех рамок, которые его брат сам себе установил, когда окончательно решил, что стал достаточно взрослым. Кон все понимал. Возможно потому, что подобрал себе правила не менее жесткие и старался им следовать по мере своих сил и возможностей. Он совершенно не осуждал Мака из-за Донны, скорее наоборот — был рад за близнеца, только... Конхенн не доверял фомори. Этому не было никаких рациональных объяснений, но вся сущность оборотня настораживалась, если девушка находилась рядом. Не то чтобы она давала к этому какой-то повод, совсем нет, хотя, кажется именно это его больше всего и волновало, но ради брата Кон готов был терпеть это неприятное чувство. Хотя, все равно решил, что последить за Донной необходимо.

Решив, наконец, что делать с фомори, Конхенн кашлянул.

— Да, да, — голос Маккона, хриплый от сна, был очень тихим, но слышным, — сейчас мы встаем.

— Ма смс-ку прислала, — так же негромко ответил его близнец, — похоже, они нашли пристанище гойделов.

— Я буду внизу через десять минут.

Казалось, от этой новости Мак совершенно проснулся. Впрочем, ничего другого от своего брата Кон и не ожидал. Если было нужно, они оба проявляли чудеса собранности в любых условиях. Без этого близнецы не смогли бы выжить. Кивнув, Конхенн пошел на первый этаж.

— Я еду с вами, — фомори села на мужчину-сидхе верхом, оплетая его длинными ногами и не давая подняться.

— Нет, — он покачал головой, подкрепляя свои слова жестами.

— Но там моя сестра, — нахмурилась она, — я обязана быть там!

Ее рыжие волосы были всклокочены, а пальчики с крепкими ноготками впивались в грудь Маккона в попытке то ли доказать свою точку зрения, то ли не скатиться вниз с теплого тела оборотня.

— Во-первых, еще не факт, что Па и Ма нашли что-то стоящее. Может, гойделы давнo уже сбежали оттуда, — он объяснял, будто маленькому ребенку. Зевнув, он дотянулся до локона, выбившегося из общей массы волос и спустившегося почти к самому его носу. Накрутив мягкую прядь на указательный палец, Мак продолжил, — во-вторых, я не хочу, чтобы была хоть малейшая возможность, что с тобой может что-то случиться.

— Теперь слушай сюда, — ее глаза загорелись зеленым пламенем, а пальчик уперся мужчине в губы, будто пытаясь запечатать его дальнейшие объяснения. — Я еду. Точка. Мне тысячи лет, и не один сидхе мной командовать не будет. Вообще никто не будет командовать, понятно? Секс со мной не дает тебе такого права.

— Прекрасно, — мрачно рыкнул оборотень, — валяй. Делай, что хочешь.

Плотная прорезиненная ткань с шелестом улетела в угол, открыв переплетение стали и хрома, спрятанное за гоночным авто. Мотоцикл представлял собой настоящее произведение искусства. Одну из собранных вручную и выкрашенных под заказ машин Маккон оставил для себя в доме Жрицы, втайне надеясь, что Дарен когда-нибудь переедет в особняк. Точно такой же железный конь ждал его в штабе у Жреца, но оборотень не делал различий между своими любимыми игрушками.

— Лучше бы ты в машину сел, — заметил Конхенн, — нам может понадобится больше места.

— Ма за рулем своего монстра, — Мак пожал плечами, — места всем хватит. Донну с собой захвати.

Мощную гибкую фигуру полуоборотня облегали кожаные штаны и мотоциклетная куртка Vanson. На ногах мужчины красовались высокие ботинки от Dr. Martens[40], а по спине вилась тугая коса пшеничного цвета.

— Шлем твой где? — нахмурился Кон.

Мак натянул тяжелые перчатки с манжетами и посмотрел на брата. Его близнец был в тех же штанах, что и вчера вечером, однако тонкую футболку сменила плотная ветровка, а на ногах красовались удобные мокасины. Конхенн оставался верен себе, ценя комфорт во всех его проявлениях.

— Ладно, сейчас, — наконец выдавил Маккон, — я быстро.

Стремительным шагом полусидхе пошел наверх, направляясь в свою комнату. Проводив взглядом гибкую, запаянную в кожу фигуру, его брат повернулся к фомори.

— Что ты ему сказала?

Донна с недоумением посмотрела на Конхенна.

— Что ты сказала моему брату? — снова повторил один из близнецов, — еще пару часов назад он относился к тебе, будто ты только что найденное сокровище, а теперь убегает с таким видом...

— Я только расставила все точки над i, — фомори пожала плечами, — я не его собственность и не собираюсь делать так, как он говорит. Вы, фейри, слишком

самонадеянны...

— Ты думай, что говоришь, — Конхенн остановил речь девушки, — он больше оборотень, чем сидхе. Если бы не *Даннан*, то мы никогда не баловались бы этими вашими фейрийскими штучками. Для вервольфа нет ничего важнее его стаи, семьи и самки. Быть может, он и ведет себя цивилизованно, но это не более чем налет долгой жизни и культуры, привитой нашей мачехой и Жрицей. Не стоит бросать вызов зверю.

В глазах Донны мелькнуло что-то странное, будто ее настигло слишком позднее понимание, затем взгляд наполнился сожалением и тоской.

— Я не могу иначе. Он не должен привязаться ко мне, — мягко сказала она.

— Ты опоздала, — Кон устало прикрыл глаза, — любой вер чует свою пару сразу же, как встретит. Так или иначе. Мы с братом слишком старые, чтобы не знать. Он может этому сопротивляться, но итог будет очень предсказуем.

— Ох... — только и смогла выговорить девушка.

— Если ты станешь причиной его смерти, — полусидхе тщательно подбирал слова, выговаривая медленно и четко, чтобы донести свою мысль до фомори, — я тебя выслежу и убью. Чего бы мне это ни стоило.

— Я... — она запнулась, но потом продолжила твердым голосом, — Я клянусь. Клянусь ни словом, ни делом, ни бездействием не вредить Маккону, сыну Эккарта, брату Конхенна. Если я нарушу данное обещание, пусть небо упадет на меня и раздавит, пусть земля разверзнется и поглотит меня, пусть море поднимется и обрушится на меня, пусть придет за мной Дикая Охота.

Кон с интересом посмотрел на фомори. Она ответила взглядом в упор.

— И это не потому, что я боюсь тебя, маленький злобный волк, — фомори улыбнулась. — Считай, что твой брат заслужил такие привилегии, тем, что для меня сделал.

— Ну-ну...

Конхенн сел в машину, очевидно, не желая продолжать разговор. Именно поэтому он не видел, как Донна украдкой потеряла уголки глаз, перед тем, как к нему присоединиться.

Глава 22

Рычащий не хуже голодного волка механизм нес своего всадника по трассе. Металлические обтекаемые детали блестели в свете фонарей, освещающих дорогу. Байк был похож на стальную птицу, стремительно летящую вперед. Массивная и гибкая фигура, закованная в черную кожу, будто слилась с темной сталью — на дороге были не просто человек и мотоцикл, а одно целое существо. Быстрое, юркое, сосредоточенное до предела, невероятно мощное и прекрасное. Руки уверенно держали руль, голова была опущена чуть вниз, глаза, скрытые за щитком шлема, внимательно следили за дорогой. Так казалось. На самом деле, Маккон проделывал все это на чистом автоматизме, стараясь лишь не потерять из виду машину Беленуса, на которой ехали его брат и Донна.

Он был чертовски зол. На девушку, которая повела себя таким образом. На себя, за выказанную слабость. На брата, который оказался рядом. На окружающих — за то, что так получилось. Если бы Мак знал дорогу, то обогнал бы Конхенна и постарался бы как угодно снять злость — высокой скоростью байка, парой избитых гойделов. Богиня... да хоть выдранными в радиусе их дома кустами! Лишь бы не сорваться на ком-либо из своей семьи. Или Донне.

Девушка в машине ощущала себя не лучше. Брошенные ею в запале слова, были правдой — ни один мужчина не смел указывать Донне... кроме одного человека. Хотя это было очень давно, и на тот момент отец был ее королем. Теперь, став изгоем, девушка могла не быть зависимой от мужчины. И не собиралась давать этой привилегии никому. Требования Маккона разозлили и удивили Донну. Но... как бы она ни пыталась скрыть это от самой себя, где-то глубоко в душе, ей было безумно приятно, что о ней так заботятся. Кто-то настолько сильный, умный и... сидхе. Вздыхнув, фомори посмотрела в окно. Гибкая мужская фигура, слившаяся с мотоциклом, была почти наравне с машиной, но зеркальный щиток шлема не позволял разглядеть лица Мака. Девушка откинулась на сидении и прикрыла глаза, наблюдая за ним из-под ресниц. Каково бы это было, останься она с этим мужчиной?

У фомори вступление в брак напоминало заключение политического союза с множеством законов и оговорок, либо одиночную палату в психушке, разделенную на двоих. В первом случае можно было попасть в своеобразную клетку из обычаев и традиций, возненавидев друг-друга в конце. А во втором — раствориться в партнере, став полностью зависимыми от своей пары. Все дело было лишь в целесообразности союза с политической и экономической точки зрения. Никаких ненужных привязанностей. Насколько помнила Донна, у сидхе союзы заключались почти так же, за исключением некоторых вопросов. Ни один из благородных фейри высшего дома не имел права связать свою жизнь с тем, кто не являлся магическим существом, не был одобрен семьей и фактическим правителем дома, а так же ... не мог воспроизвести потомства.

Последний закон был обусловлен катастрофически низкой рождаемостью и был призван оберегать тех, кто был увлечен совершенно неподходящим представителем иного пола. Благодаря этому, нравы в сидхенах и за их пределами были самые свободные. Часто, сама благородная дама была не в силах сказать, кто приходится отцом ее ребенка и чтобы определить такую пикантную подробность приходилось прибегать к помощи магии. Впрочем, очень часто, получая желаемого партнера, фейри совершенно охладевали к предмету былой страсти — тогда отсутствие потомства было замечательным предлогом для расставания.

Донна вздохнула и снова покосилась в окно, на мужчину, прильнувшего к мотоциклу. Конхенн сделал вид, что не заметил, как девушка смотрит на его брата, и фомори была за это благодарна. Законы сидхе были древними — древнее ее самой. Соблюдались они сейчас или нет? За эти века фейри отошли от многих правил поведения, но браки все еще заключались по факту беременности — это Донна знала точно. Да и сами сиды изменились совсем не в лучшую сторону. Почему-то ей казалось, что Маккон таким не был. Странно, но он представлялся почти идеальным — совершенная внешность сидхе без их безумной гордости и пафоса. Тонкий ум и замечательное чувство юмора, без так раздражавшей ее способности перегибать палку... Но все же Донна слишком мало его знала, чтобы доверить свою тайну и секрет Финны. Маккона нельзя было допустить в их жизнь. Каким бы он ни был понимающим — сидхе относится к долгу соответственно. Он станет призирать ее за то, что было сделано много веков назад, поэтому Мак останется только замечательным, самым лучшим воспоминанием, и только.

Занятая своими мыслями, фомори не заметила, как они свернули с главного шоссе на пустынную дорогу. Заполненное светом фонарей окружение сменилось на темный проселочный ландшафт, усыпанный голыми кустами и деревьями. Все было настолько однообразно, что Донна задремала, очнувшись только когда машина остановилась. Первым

внедорожник, припаркованный в овраге, заметил Маккон. Ему не помешали даже голые прутья кустов, плотно укрывающие авто от посторонних. Впрочем, он прекрасно знал своих родителей и примерно представлял, где искать. Полусид заглушил мотор, снял шлем и перчатки, на порядок увеличив радиус своего восприятия. Сзади притормозил Конхенн. Глухо стукнули дверцы машины, выпуская наружу две фигуры — высокую мужскую и хрупкую женскую. Почти не обратив на них внимания, Мак подошел к внедорожнику и, присев на корточки, запустил левую руку под колесо. Пальцы, больше не защищенные плотным покрытием перчатки, ощутили песок и влажную грязь. Он попробовал чуть правее и был вознагражден, нащупав ключ.

— Она снова это сделала? — Кон подошел к брату.

Донна, как ни старалась, не смогла услышать его шагов. Гораздо позже, когда она вспоминала все, связанное с этим странным сидхе, к ней пришла догадка — когда Маккон не знал, что она рядом, то двигался точно так же. Получается, он хотел, чтобы фомори всегда знала о его присутствии? Но сейчас она просто неприлично уставилась на близнецов, которые разговаривали обрывками фраз, используя скупые бесшумные движения, чтобы перебираться с места на место.

— Да, Ма снова оставила ключи под колесом, — в голосе Мака послышалась улыбка.

Так можно говорить только о старых привычках того, кого сильно любишь. Фомори отлично знала это — такие же нотки проскальзывали в ее собственном голосе, когда она говорила о Финне.

— Ну что, начнем? — Маккон скинул мотоциклетную куртку, оставшись в черной водолазке без рукавов.

Его обнаженная кожа приглушенно отливала золотистым светом, четко обрисовывая контур татуировки, змеившейся по обоим запястьям. Близнецы стали сидхе, когда магия уже начала исчезать, и не умели пользоваться гламором так же, как старшие члены семьи. За несколько минут с фейками братья смогли усвоить только основы — как убирать свечение с кожи, изменять цвет волос и глаз и тому подобные мелочи, но сосредотачиваться на внешней визуализации им обоим было пока сложно.

— Мак! — Конхенн подбросил в воздух маленький тугой сверток. Глаза обоих сверкнули в темноте, когда мужчины проследили за траекторией полета. Маккон ловким движением поймал и развернул напульсники, — не смей шокировать Ма и не забывай про гламор.

Близнецы улыбнулись друг другу, как делали еще в детстве, продумывая предстоящие шалости.

— Спасибо, я почти забыл, — в голосе Маккона не было сожаления. Он просто констатировал факт, — Донна, побудь тут, мы проверим.

— Я не безмозглая кукла и умею ходить тихо, — фыркнула она в ответ, — мне казалось, что все предельно ясно. Я иду с вами.

— Идешь, — кивнул Конхенн, — только немного в отдалении. Тебе будет трудно двигаться так же, как мы. Лучше сосредоточься на том, чтобы тебя не заметили.

Выражение лица фомори можно было прочесть как фразу «ох, боги, как же меня достали эти сидхе!». В ответ Маккон дернулся в сторону, мгновенно оказавшись за спиной девушки. Донне вспомнились догонялки, в которые они играли. Разница была колоссальной. Теперь полусидхе явно не был настроен шутить.

— Не стоит недооценивать вервольфа, милая, — от его шепота становилось жарко, —

сидхе или нет, я все еще наполовину зверь. Никогда не забывай об этом. Кроме того, ты уже пробовала сделать все по-своему. Может, пора довериться тем, к кому пришлось обратиться за помощью?

— Ладно, хорошо, — девушка пожала плечами, — ты прав. Я сама пришла. Буду держаться в отдалении. Но все равно иду. Точка.

— Я рад, что вы пришли к соглашению, — оборвал их Конхенн, — но мы уже должны подходить к дому.

— Какое-то неприятное ощущение, — поморщился Маккон, мгновенно отвлекшись от спора с фомори, — будто что-то плохое происходит. Ты не находишь, братишка?

— Да, — подтвердил Кон, — пошли.

Проглотив внезапно ставшую вязкой слюну, Конхенн снова вдохнул пропитанный кровавым маревом воздух. Чуть прикрыв глаза, полуоборотень сдержал рык, но его внутренний зверь уже бился под самой поверхностью кожи, привлеченный таким желанным ароматом недавних смертей. На какие-то несколько секунд Кон даже забыл о гламоре, позволяющем скрывать вновь обретенное сияние кожи. Положение спас Маккон, легко толкнувший близнеца под локоть. Впрочем, брата запах тоже не оставил равнодушным. Как в зеркале, Конхенн увидел медово-золотистые глаза и удлинившиеся клыки, отчетливо приподнявшие верхнюю губу его живого отражения. Тряхнув головой, чтобы рассеять остатки наваждения, Кон махнул в сторону дома. Их родители наверняка уже похозяйничали внутри, нанеся неожиданный визит хозяевам дома. Теперь настала очередь самих близнецов.

Сорвавшись с места, они уже через минуту были возле особняка. Тяжелый аромат с вязким металлическим привкусом... Теперь в нем явно ощущались терпкие и хвойные нотки, выдавая гойделов, которым еще недавно принадлежала эта самая кровь. Кроме этого запаха, тяжелой печатью отметившего все вокруг, было почти невозможно учуять что-то еще. От дверного проема падало желтое пятно света, частично накрыв крыльцо. Мак тронул близнеца за предплечье, кивком указав на мужчину, тяжело прислонившегося к стене дома. От него шел знакомый запах гойделов, но сам он, определенно, к их расе не относился — уж слишком явной была его принадлежность к нелюдям. Крылья, большие и слишком плотные для иллюзии, были развернуты за спиной этого существа, позволяя сохранять хоть какое-то равновесие.

— Алек, — одними губами произнес Конхенн, повернувшись к брату.

Мак кивнул, придвинувшись к Падшему чуть ближе. Однако его жесты были настороженными и предельно аккуратными — близнецы должны были увериться, что Падший не приманка. Именно поэтому, Конхенн затаился чуть в стороне, готовый прийти на помощь по любому сигналу брата.

— Эй, Алек, — Маккон подошел достаточно близко, но все еще оставался за границей светового пятна. Если кому-то из гойделов вздумается пострелять, сидхе не станут облегчать задачу.

— А, это ты, один из двуликих, — хрипло ответил Пожиратель Грехов, — я тут пытался свалить подальше на пару с вашей ведьмой, но силенок еще маловато на такие подвиги. Крылья не держат.

— Что там, внутри? — Мак не спешил придвигаться ближе. Сначала полусидхе хотел

удостовериться в относительной безопасности.

— То, что осталось от гойделов, — хохотнул Алек, — но, мне кажется, твой отец маловато оставил. И подбери ведьму, пока я не отключился и не упал на нее, добавив пару переломов нам обоим.

— Что-то ты слишком болтлив, для того, кто сейчас отключится, — заметил Конхенн.

Он подошел ближе, посчитав, что немедленная опасность им не грозит, но, как и брат, вступать в пятно света не спешил. Втянув в себя воздух, до предела насыщенный кровью, полуоборотень не почувствовал азарта охоты за дичью, означавшего, что возможная жертва еще жива. Конечно, с учетом, что охота сегодня ограничивалась гойделами.

— Ты говоришь, как твой отец, — в голосе Падшего ощущалась улыбка, — но есть еще кое-что, волнующее меня. Ваши родители должны были выйти еще минут десять назад. Это меня здорово заботит. Как ни крути, я им обоим теперь кое-чем обязан и намереваюсь вернуть долг, который мертвым ни к чему.

Зарывав, Маккон бросился внутрь. Конхенн, матерясь вполголоса, побежал за ним. Алек вздохнул, поднял неподвижное тело ведьмы и, старательно передвигая ноги, побрел подальше от изрядно надоевшего ему особняка. По дороге Пожиратель Грехов читал молитву. Он просил, чтобы те гойделы, о которых сказал Эккарт Гунн, а он сам не успел сообщить близнецам, не вздумали вернуться в ближайшее время.

Вбежав в дом, близнецы бегло осмотрелись. Внутри царил хаос, щедро приправленный кровавыми подтеками. Возле самого входа лежал труп воина с неестественно повернутой головой — у него была сломана шея. Груда щепок, до знакомства с их отцом, видимо, бывшая мебелью, была разбросана вокруг. В глубине комнаты один из трупов влажно блестел позвоночником, белым по сравнению с ярко-красной массой плоти вокруг. Еще один мертвец прислонился затылком к стене, уставившись пустым взглядом в потолок. Его собственные мозги веером расплескались вокруг.

— Мак, проверь тут, — Конхенн устремился вверх по лестнице, оставив брату первый этаж.

Аромат крови сбивал Маккона с толку, заслоняя все остальные запахи от чуткого обоняния вера. Мужчина бесшумно прошел по комнате, отмечая мелкие детали обстановки и восстанавливая картину битвы, происходившей совсем недавно. Его привлек долгий протяжный стон, донесшийся из приоткрытой двери в дальнем углу комнаты. Длинная кровавая полоса — будто по полу тащили что-то массивное и тяжелое — явно была оставлена уже после смерти всех гойделов в этой комнате. Мгновенно насторожившись, сид подкрался к смежной комнате и остолбенел.

Это была кухня, весьма маленькая и грязная. Впрочем, сейчас она выглядела еще грязнее, чем обычно. На полу в луже собственной крови лежал друид. Его руки и ноги были приколоты к линолеуму ножами, лезвия которых были с силой вогнаны не только в покрытие, но и в бетон под ним. На груди гойдела сидела миниатюрная блондиночка-фомори и, напевая колыбельную, ковырялась в его груди длинным острым тесаком.

— Финна, нет! — голос Донны, раздавшийся за спиной, чуть было не заставил Маккона подпрыгнуть.

Блондиночка мгновенно развернулась, посмотрев за спину сиды. Ее большие зеленые

глаза распахнулись еще шире, что казалось, было попросту невозможно. Огромный тесак, выглядевший в тонких руках девушки одновременно гротескно и ужасающе, выскользнул из ее пальцев и с лязгом упал вниз.

— Донна, — мягко воскликнула она, — моя Донна! Они сказали, что держат тебя далеко. Сказали, что ты в плену и терпишь ужасные муки!

— Финна, сестра моя, — голос за спиной Мака был мягким, будто фомори разговаривала с больным ребенком, — где сидхе, которые пришли убить гойделов?

— Сидхе... — нахмурилась блондиночка, — я не трогала их. Я держу слово, сестра. Я забрала только Джарру. Он играл со мной, поэтому я буду играть с ним.

— Да черт с ним, с этим гойделом, — не выдержал Маккон, — где мои родители?!

Финна нахмурилась и посмотрела на мужчину так, будто увидела его в первый раз. Впрочем, полусидхе не мог поручиться, что она его заметила. Судя по всему, сестра Донны пребывала в своем собственном мире, в котором его просто не существовало. Пока фомори его разглядывала, у Мака появилось отчетливое жуткое чувство, липкое и неприятное. Она будто раздевала его глазами, снимая не только одежду, но и кожу с мышцами.

— Ты... — начала она.

— Это мой мужчина, — перебила ее Донна, мгновенно обняв Маккона со спины. Его теплые руки обвились вокруг его талии, как спасательный круг, — с ним нельзя играть. И с другими сидхе тоже.

— Я обещала, что не буду, — кивнула блондиночка, будто разрешив для себя некую дилемму, — сидхе наверху. Но я не трогала их. Это Джарра. Он плохой.

Встав с гойдела, который все еще умудрялся дышать, фомори улыбнулась, превратившись в совершенно другое существо. Тоненькая хрупкая фигурка, точеные черты лица, короткие светлые волосы... если бы не кровь, густо покрывавшая всю Финну, ее можно было бы принять за девочку-школьницу.

— Макконн не обижает тебя? — Серьезным голосом спросила она у сестры и сама же ответила, — нет, он добрый. Сидхе, который не сидхе.

— О чем она? — Полуоборотень ошеломленно покосился на Донну, — откуда твоя сестра знает мое имя? Что значит сидхе, который не сидхе?

— Финна иногда говорит странные вещи, — Донна пожала плечами, — но они всегда имеют смысл. Не сразу, правда.

— Богиня, — простонал Мак, — это будто общаться с Примо и Сегундой.

— Передашь мое уважение достойным двуликим, — кивнула Финна, — а теперь иди.

В эту же секунду раздался крик, переходящий в утробный вой. Маккон вздрогнул, узнав голос брата, и бросился к источнику звука, оставив на дверном косяке длинные царапины от когтей. Когда он достиг лестницы и скрылся на втором этаже, блондиночка подошла к сестре и обняла ее.

— Ты уверена, что хочешь уйти прямо сейчас? — прошептала Финна, — он хороший, он любит тебя.

— Если не сейчас, то потом не смогу, — Донна погладила младшую по волосам. — Я рада, что ты жива. И что ты не забыла обещание.

— Да, не убивать без основательной причины, — улыбнулась девушка, — Джарра почти выбил это из меня. Он заслужил то, что я с ним сделала. Жаль времени мало. Расскажешь мне все потом.

— Хорошо, — согласилась она, — пойдем.

Освещение на втором этаже было достаточно скудным, но глаза оборотня не нуждались в нем, чтобы отчетливо видеть то, что нужно Конхенну. Все вокруг отличалось крайней запущенностью. Запах мочи и крысиного помета перебивал даже аромат крови с первого этажа. Ветхий запыленный ковер под ногами лежал на полу рваными кусками, обнажая голые островки темной древесины, когда-то бывшей паркетом. Если внизу было заметно, что погром был устроен совсем недавно, то тут можно было смело заявлять — никто уже давным-давно не использовал эти помещения, как жилые.

Тревожное ощущение не покидало его, будто подталкивая вперед, но сидхе не спешил — осторожность была превыше всего. Он твердо помнил уроки, которые преподавала ему приемная мать. Внимательно прислушиваясь, Конхенн шел вперед, заглядывая во все комнаты на своем пути. Пустые помещения заполнял лишь затхлый воздух, запахи крови, страха и боли. В одной из комнат обнаружилась гора тряпья, пропахшая крысами и старостью. В дальней комнате горела тусклая лампочка, освещая залитое кровью пространство, и два тела, тяжелой грудой сваленные в углу.

Они лежали так тесно прижавшись друг к другу, будто в объятии. Его приемная мать и отец, перекинувшийся в волка. Строго говоря, этот зверь больше напоминал легендарного эпициона[41], но Конхенну сейчас было не до мелочей.

— Ма? — неуверенно начал он, входя в комнату. — Отец?

Было так странно видеть их обоих безжизненными, будто кукол. Кон снова ощутил себя как в детстве, когда обнаружилось, что чудовища все-таки есть и бояться их стоит, пока тебя не утащили в темный угол и не съели. На память пришли воспоминания настолько давние, что он бы принял их за сказку, если бы не знал наверняка — это было. Внезапно перестало хватать кислорода. Мужчина стал дышать частыми мелкими глотками, пытаясь подавить отвратительное чувство паники, которое испытывал его внутренний зверь. А когда оно достигло своего апогея, Конхенн завыл, выплескивая наружу весь ужас и горе, скопившиеся внутри его обеих сущностей.

Он не заметил, сколько прошло времени, прежде чем рядом появился брат. Обняв близнеца за плечи, Маккон остановил глаза на неподвижных телах родителей. Его зверь мгновенно метнулся вверх, желая подхватить печальную песню, но вторая, человеческая ипостась, более собранная и логичная, взяла все в свои руки.

— Ш-ш-ш...

Мак погладил брата по плечу, совсем как в детстве. Вот только теперь это была совсем не разбитая коленка. Но, как ни странно, это помогло. Скорбный вой Конхенна сменился тяжелым дыханием — в человеческой ипостаси вервольфам не хватало дыхания на долгие рулады.

— Я убью того, кто это сделал, — голос Кона был хриплым, а натруженное горло саднило.

— Боюсь, об этом позаботились без нас, — Маккон похлопал брата по плечу и разжал руки. — Сестра Донны, Финна. Она была в плену у этого друида и добралась до него первой. На кухне. Поверь, он очень жалел.

Близнецы друг за другом двинулись к телам в углу. Говорить не хотелось, все объяснения и обсуждения негласно оставили на потом. Они лежали рядом, и только

массивная голова Эккарта покоилась на груди Ллариг, будто он слушал, как стучит сердце любимой. Увидев рваную рану с опаленными краями в боку собственного отца, Маккон застонал. Конхенн только шумно выдохнул, будто все звуки его горя теперь оказались заперты глубоко внутри.

— Ма...

Волосы, пропитанные кровью, выбились из ее прически, оставив темно-алый мазок на алебастрово-белой щеке Шапки. Мак нежно убрал с лица Фир темную прядь, пробежавшись кончиками пальцев по коже головы, чтобы обнаружить рану. Его руки покрылись теплой, все еще сочащейся откуда-то жидкостью. Нахмурившись, Маккон попытался нащупать яремную вену на шее у мачехи. Почувствовав биение жизни под своими пальцами, полуоборотень аккуратно сдвинул морду зверя с груди Шапки, чтобы попытаться послушать сердцебиение. В ответ раздалось слабое ворчание. Даже в бессознательном состоянии его отец пытался защитить свою женщину.

— Ох, Па, — выдохнул Конхенн.

Он поднес свою ладонь к морде огромного животного, чтобы Эккارت смог почувствовать запах и понять, что опасности нет. Его пальцев коснулось нетвердое дыхание. Настолько слабое, что его можно было бы принять за простое движение воздуха из-за небольшого сквозняка.

— Мак, медики, — в голосе Кона появилась твердость. Это были те неприятности, с которыми можно было справиться, а значит, следовало действовать. Быстро.

Кивнув, Маккон сразу запустил руку в задний карман и вынул миниатюрную модель телефона. Мобильный на его ладони казался почти крохотным, но полусидхе привычно набрал один из номеров, поставленных на кнопку быстрого доступа.

— Кэт, здравствуй, — спокойный голос совершенно не выдавал его реального состояния, — это Маккон. У нас проблемы, которые можешь решить только ты.

Катерина Свирко была лучшим врачом-вером в этом городе. Ее вторая ипостась не только ни мешала, а скорее, даже помогала в работе. Тонкий собачий нюх девушки мог обнаружить любую болезнь задолго до проявления, а благодаря тому, что Екатерина родилась оборотнем, лунный цикл ее совсем не связывал, давая девушке определенную свободу действий.

— Да, Кэт, — Мак подошел к телам родителей и встал на колени, осматривая обоих. — Белый волк-полусидхе, рана в боку, обожженные края... и, кажется, я вижу внутренности. Нет, это не Конхенн. Женщина-сидхе, не знаю что с ней, но вся голова в крови.

За окном послышался звук подъехавшей машины. Кон внимательно смотрел за братом, продолжающим разговор.

— Нет, мы не трогали, но у обоих есть пульс, — Маккон кивнул близнецу, который знаками показал, что нужно пойти проверить. — Попробую, но нам нужна помощь. Ты же знаешь, что в городе сидхе больше нет, а у вас есть необходимое оборудование. Кроме того, я дам знать Беленусу, он обязательно поможет.

Конхенн посмотрел на брата и исчез в дверном проеме, сверкнув глазами в полутьме коридора. Мак кивнул ему вслед, продолжая получать указания от Катерины.

Как и его отец, Кон предпочитал собственную силу и ловкость любому оружию. Его пальцы укоротились, зато отросли длинные мощные когти. Одежду пришлось снять — запасной с собой не было, а надеяться, что сюда явились друзья — глупо. Холодно не было — на пороге изменения кровь всегда кипела в жилах, превращая веров в огромные ходячие

печки, а перекидывались чистокровки очень быстро. Затаившись на верхней ступени лестницы, оборотень терпеливо ждал ночных посетителей.

— О, черт, посмотри на это! — молодой мужской голос, обладателю не больше двадцати, — Его просто выпотрошили!

— Не кричи, — эта фраза явно принадлежала мужчине постарше, — тот, кто сделал это, может находиться в доме.

— Возможно, — тихо отозвался третий, — трупы совсем теплые.

Они говорили на ирландском, но Конхенну это совершенно не мешало. Оба близнеца знали по несколько языков. Слишком долгой была жизнь сидхе и слишком разнообразными потребности. Перенеся вес с ноги на ногу, он продолжил прислушиваться.

— Вал и Грег, вам — прочесать все снаружи. Винс, проверь все тут. Марк, ты со мной, на второй этаж.

Ему совсем не понравилось, что они будут проверять двор — Алек не мог уйти далеко, да еще и с ведьмой на плечах. Гойделов нужно было срочно отвлечь. Это было так легко... отпустить зверя, который уже давно был готов вырваться наружу. Благодаря подарку Даннан превращения обоих близнецов происходили абсолютно безболезненно. Руки и ноги мгновенно перетекли в огромные лапы с острыми когтями. Тело вытянулось в длину, покрывшись густой белоснежной шерстью, оставив длинную гриву волос на затылке.

Оборотень сгруппировался для прыжка. Морда с мощными челюстями и золотистыми глазами мелькнула в темноте, будто оживший ночной кошмар. Он был лишь чуть меньше отца, но все равно занимал весь лестничный проем. Дальнейшее произошло очень быстро. Прыгнув на воина, идущего впереди, Конхенн повалил его на спину, сбив с ног и того, кто шел за ним. Рванув горло жертвы огромными зубами, зверь прыгнул в сторону. Вовремя — третий гойдел рефлекторно повернулся и, увидев монстра, начал стрелять.

Уголки губ Конхенна приподнялись. Он улыбался, хотя человеку, напротив, виделся лишь жуткий оскал с рядом острых, безупречно белых клыков. Воин отпрянул, но, к своей чести, не издал ни звука. Кон мелькнул в воздухе как белое смазанное пятно, впившись в горло врага. От рывка шея мужчины хрустнула, будто сухое дерево, повиснув на одних мускулах. Оборотень сжал челюсти сильнее, раздавив горло жертвы. Гойдел дернулся в последний раз и затих. Выплюнув обмякшее тело, Конхенн повернулся к воину, который выкарабкивался из-под тела командующего. Мальчик, совсем молодой. На какую-то секунду его даже стало жаль, но потом оборотень вспомнил, зачем они оба здесь находятся. Гойдел наверняка убил бы его первым, если бы смог. Одним мощным ударом лапы зверь прервал попытки высвободиться, оставив только безжизненное тело.

Рядом затрещал паркет, со щелчками принимая пули. Оглянувшись, Кон заметил еще двоих воинов. Вбежав из темного двора в ярко освещенную прихожую, оба были дезориентированы. Подслеповато щурясь, они пытались попасть в белое пятно — именно так им виделся огромный зверь. Конхенн сжался в комок, чтобы уменьшить зону возможного поражения. Несмотря на это, одна из пуль пробила ему ухо, а другая срезала приличный клочок шерсти на хвосте.

Почти одновременно с этим в воздухе раздался свист, и один из гойделов упал на пол, закрывая окровавленное лицо руками. Второй удивленно оглянулся, но даже не успел закричать, когда длинная кожаная плеть обвила его горло, впиваясь в плоть. Кон оглянулся, увидев своего близнеца, крепко держащего рукоять импровизированного оружия. С сосредоточенным лицом, Маккон подтягивал врага к себе, постепенно наматывая плеть на

руку. «Будто рыбу на блесну», — подумал Конхенн, боковым зрением отметив действия близнеца. Воин хрипел и задыхался, пытаясь высвободиться, но сидхе не дал ему такой возможности. Резко рванув гойдела на себя, Мак набросил на его шею еще одну петлю и туго затянул, перекрывая доступ кислорода.

Пока брат был занят, Кон подбежал к ослепленному воину. Тот стоял на коленях и выл в полный голос, прижимая ладони к залитому кровью лицу. Опрокинув человека на спину ударом лапы, оборотень перегрыз ему горло.

— Сволочи! — выплюнул Маккон.

Его брат вопросительно посмотрел на плеть, змеей обвившую руку мужчины.

— Она была у Ма, — пояснил Мак, — вместо пояса. Кэт сказала аккуратно осмотреть обоих, по возможности не двигая с места, ну, ты знаешь... На Ма нет никаких видимых повреждений и, как мне показалось, переломов тоже. А вот у Па просто жуткая рана...

Маккон обессилено сел на пол, запустив пальцы в волосы. Зверь подошел ближе, положив огромную морду на колени к своему брату.

— Кэт сказала, что многократное превращение может помочь регенерации тканей, — тихо прошептал фейри, — но это невозможно, да и он может этого не пережить. То есть, точно было бы невозможно, если бы у нас не было тебя. Черт, Кон...

Он потянул себя за волосы, будто пытаясь вырвать пару прядей.

— Теперь нам нужно дожидаться медиков с физраствором. Он будет терять очень много влаги, — хрипло продолжил Мак, — и Беленус придет, я ему позвонил. Может он скажет, что такое с Ма...

Конхенн поднял голову и кивнул в сторону лестницы, давая понять, что лучше чтоб хоть один из них пошел наверх. Мак подтянул брата ближе, погрузив лицо в пушистую холку.

— Что мы будем делать, братишка, — прошептал он, — что мы будем без них делать?!

Беленус прибыл ровно через семнадцать минут после звонка. Мак только успел унести все трупы в угол и убедиться, что обе фомори пропали. Сидхе был голым, с длинными распущенными волосами, свободно струящимися вдоль его сухопарого тела. Вбежав в прихожую, Зеленый Человек вопросительно взглянул на встречающего.

— Наверху, — кивнул Маккон, — в дальней комнате. Там свет горит и Кон с ними.

Лицо полуоборотня было мрачным, глаза утратили привычный блеск, а в голосе была усталость. Никаких лишних слов или обычных шуток. Темноволосый закусил нижнюю губу и направился к лестнице. Он ожидал, что все будет плохо, но, судя по тому, как вел себя Мак, все было гораздо хуже.

— Беленус, — окликнул вервольф, — ты бы накинул чего на себя. Скоро медики придут. И вообще, как ты тут так быстро оказался? Да еще и в таком виде?

— Это все после вчерашнего ритуала, — махнул рукой Зеленый Человек, — ко мне вернулось кое-что дельное, я даже и не ожидал.

Двигаясь легко и плавно, Беленус подошел к окну. Сорвав с окна шелковую бежевую занавеску, покрытую мелкими багровыми каплями, сидхе обернул ее вокруг талии на манер очень длинной римской тоги. Не дожидаясь просьбы, Маккон вытянул пояс штанов у одного из убитых гойделов и протянул его темноволосому. Тот тщательно вытер длинную полоску кожи об другую занавеску и застегнул на бедрах, чтобы его импровизированное одеяние не

упало. Мак кивнул ему и отвернулся. Беленус пошел наверх.

Скорая приехала спустя десять минут. Бригаду медиков — они все были оборотнями — возглавляла сама Катерина. Невысокая, длинноногая. С умным, слегка вытянутым лицом и длинными прямыми волосами рыжего цвета. Она напоминала колли, свою вторую ипостась. Ее в мире суперов берегли особенно. Обреченная никогда не иметь детей, Кэт не только изливала всю нерастратченную любовь на своих пациентов, плативших медику безграничной благодарностью, но была великолепным специалистом и высококласным врачом. Доктора Свирко не хотели подвергать ни малейшей опасности, поэтому даже приставили несколько охранников, работающих посменно.

Если приехавшие на вызов и удивились обилию крови и трупов, то вида не подали. Только угрюмый вертигр, высокий смуглый мужчина с черными волосами, спросил, достаточно ли тут безопасно. Получив положительный ответ, он немного расслабился, но был начеку, о чем свидетельствовали длинные усы-вибрассы и чуткие повороты головы на любой звук. Маккон отправил их на верхний этаж, а сам пошел во двор — искать Падшего и ведьму. Парочка обнаружилась в кустах. Алек сидел на земле, широко раскинув ноги. Его крылья снова превратились в татуировку на спине, а руками мужчина тер виски. Ведьма лежала рядом. Не смотря на то, что девушка все еще не пришла в себя, Пожиратель Грехов постарался уложить ее поудобнее.

— Я думал, нам конец уже, — хрипло оповестил он Мака, — ты с теми пятерыми разобрался, как я полагаю?

— Да, — полуоборотень говорил не очень громко. — Пойдем, я вас к дому отведу. Мне еще нужно вернуться на второй этаж.

— У меня глюки, или это был звук второй подъезжавшей машины? — пошатываясь, Алек встал на ноги.

Маккон нагнулся, чтобы подобрать Олю.

— Мои родители ранены, пока неизвестно, насколько серьезно. Это приехали медики от веров, — выпрямившись, сообщил он.

Вообще-то, Маккон предпочел бы, чтобы как много меньше народа знало об их трудностях, но Падшему можно было доверять, это полусидхе знал наверняка. Алек мгновенно помрачнел. Было видно, что новость задела его.

Идти было не далеко. Машина Скорой Помощи стояла во дворе. Это был огромный грузовик, способный, при надобности, служить перевозкой для нескольких крупных животных или носилок с людьми. Мак завернул ведьму в одеяло, передав на попечение медику, который по его просьбе остался в машине. Пожиратель Грехов присел рядом, ожидая, пока осматрят девушку.

— Эй, волчонок, — голос Алека был тихим, но Маку было отлично слышно, — там, наверху, будет все в порядке. Эти двое всегда выпутывались из всех неприятностей. Я долго живу, я знаю.

Что-то в его голосе заставило Маккона кивнуть. Не ответив и не обернувшись, вервольф исчез в доме.

Глава 24

Тьма.

Она поглощала все вокруг постоянной пульсацией в крови.

Боль.

«Уходи», — шептала она, омывая все существо, как гигантский океан, растворяясь в каждой клетке тела. — «Там, где нет меня, будет проще и легче...»

Свет.

Будто что-то совершенно невероятное в этой сплошной агонии, он хлынул сверху, затапливая все существо, превращая в яркий сгусток энергии.

Вверх.

Он бросился туда, к свету. Ближе к концентрированной любви, покою, ласке, но... Тонкая линия, вплетенная в его кровеносную систему, звала назад. Пела, плакала, рыдала, выла, почти на волчьем языке. Нет, не одна... в этой энергетической цепи было еще одно плетение. Нежное, но необыкновенно сильное. Оно вторило главной линии, усиливая ее во много раз.

— Вернись, — пели они, — ты нужен нам, дорог нам, мы любим тебя, не сможем без тебя...

Ошеломленный, он остановился в растерянности. Они нуждались в нем так сильно... но свет был ярок, ослепляя даже сквозь закрытые веки...

«Когда будешь решать, помни о том, кто был твоими глазами».

Фраза появилась в его сознании внезапно, и сияние померкло, будто испуганное простыми словами.

Огромный белый зверь лег возле двери, перегородив проход. Ухо кровоточило, но Конхенн не обращал внимания — после превращения в человека рана исчезнет совсем. Сейчас оборотня гораздо больше занимали собственные ощущения.

На этот раз трансформация прошла по-другому. Более быстро, легко, полно, охватив все тело, как огонь — сухой валежник. Но поразило не это. Сознание Кона не было отягощено чрезмерными инстинктами животного, а личность осталась на поверхности. Он изменился только внешне, оставаясь тем же человеком — раньше такого не было. Мысли отличались ясностью и четкостью, а вот ощущения были животными. Абсолютно. Но даже в этом состоянии Конхенн слышал дыхание отца очень нечетко. Короткие чуть слышные глотки воздуха и такой же выдох. Фир дышала легче, глубже, но в сознание не приходила. Хотя запаха смерти — даже легкого — не ощущалось от них обоих.

Приближение Беленуса, Кон ощутил еще до его фактического появления. Этот запах, и легкие воздушные шаги было почти невозможно спутать. Он появился в коридоре, обмотанный какой-то тряпкой, пропахшей этим домом и кровью врагов.

— Конхенн, — сидхе поднял руки открытыми ладонями вверх, чтобы показать, что не представляет опасности.

Все верно. Обычно у истинных оборотней в состоянии трансформации оставалось мало человеческого, все чувства заменялись инстинктами. Максимум, на что был способен такой вер — вести себя как достаточно дружелюбное животное. В этот раз все было по-другому. Зверь чихнул от резкого запаха, источаемого странным одеянием Зеленого Человека, встал с пола, оттолкнувшись огромными лапами, потом кивнул и отошел в сторону. Пока Кон отодвигался с дороги, Беленус с интересом рассматривал комнату, открывающуюся за мощным телом.

— Тут просто жутко, — наконец выдохнул он. Шепотом, будто в страхе призвать нечто злобное.

Встав на колени возле неподвижных тел, сидхе внимательно осмотрел обоих. На его лице отразилось изумление.

— Это невероятно... — шепот, — она держит его! Не дает душе уйти. Это чистейшая магия Дини Ши. Я не видел такого уже несколько тысяч лет!

Конхенн вопросительно проскулил.

— Фир поддерживает его тело способностями Красных Шапок, но так как у Эккарта иммунитет к магии, то вылечить полностью не может, — начал объяснять Беленус. — А вот душу вашего отца держит та часть Ллариг, которая принадлежит Дини Ши. Я думаю, если бы не их глубокая духовная связь, то ничто вообще не смогло бы его удержать тут с нами.

Кон кивнул. Он был полностью согласен с теорией бывшего Жреца. Сид внимательно посмотрел на зверя.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, — осторожно начал он, — но ты сейчас больше человек, чем животное, так?

Конхенн ухмыльнулся в ответ. Острые белые зубы блеснули в тусклом свете. После снова кивнул, подтвердив теорию друга.

— Твой отец может изменять положение голосовых связок и их расположение в горле, — заметил Беленус, — последние пару веков ему трудно было говорить в животном облике, но теперь... Я думаю, прошлая ночь вернула нам очень многое. А кое-кто приобрел способности кардинально новые. Попробуешь?

Оборотень задумался. Он помнил, как его отец разговаривал в виде зверя, но такие фокусы не были подвластны чистокровкам. Будто тело лучше помнило, как быть животным, а не человеком. Но сейчас Кон чувствовал, что сможет. Не только использовать речь во втором облики, а много больше. Впрочем, он и сам не понял, как все получилось. Просто тянущее ощущение в горле, будто кто-то щекочет пальцами, и голос — чужой, гнусавый — с рычанием вырывается из пасти.

— Как Ма может держать его? — Слова плохо различимы, но все же слышны.

— Замечательно, — с чувством произнес сидхе, — у тебя очень хорошо получилось. Фир держит его душу. Впрочем, я не слышал о такой форме. Только в старых легендах есть упоминание, что Дини Ши удерживали души врагов, чтобы приносить ужас на поле битвы. Но чтобы так... Думаю, это требует от Ллариг огромного напряжения, поэтому она без сознания. Впрочем, я не врач.

— А я — врач, но такого еще не видела, — женский голос прозвучал громко, хотя она к этому совершенно не стремилась.

— Кэт, — рыкнул Конхенн, — здравствуй.

Удивление не помешало ей согнать всю бригаду к телам на полу и начать осмотр — дело для Катерины было превыше всего. Через минуту она обернулась, уставившись на белоснежного зверя.

— Физраствор обоим. Они стабильны, — бросила она через плечо. И уже Кону, — это шутка такая? Оборотни не говорят. Или это штучки сидхе?

— Нет, — Беленус махнул рукой, — боюсь это не из-за крови сидхе.

Конхенн ощерился в ухмылке, показав ряд белоснежных зубов. Ее брови поднялись вверх.

— Любопытно. Приедешь ко мне на обследование потом? — И без перехода, — Он

очень плох. Не понимаю, как он жив до сих пор. Она в порядке. Может какие-то внутренние повреждения, но это можно будет выяснить только в клинике. Без сознания — это плохо. Но если твой друг прав, то я не знаю, что делать. Я врач оборотней, а не сидхе.

— Па? — Вопросительно проскулил Кон.

— Ему нужно перекинуться, — нахмурилась врач, — но я совершенно не уверена, что он выживет. Слишком сильные повреждения. Физраствор мы взяли, поэтому влагу в теле поддержим, но его может убить болевой шок.

— Я помогу, — оборотень был серьезен, — Альфа Альф.

Глаза Кэт расширились, а рот приоткрылся. Медики из бригады начали оглядываться. Послышался удивленный шепот.

— Ты?! — выдохнула девушка. — Это же явление одно на миллион!

Беленус вопросительно посмотрел на окружающих, в ожидании, что хоть кто-то объяснит происходящее.

— Вожак вожаков, — Кэт махнула в сторону Конхенна, — он может заставить превратиться любого. Если в теле есть хоть ген вера. И в зверя, и в человека. Никто не устоит против зова Альфы Альф. Как магнит для железа. Но зов действует на всех, кто его слышит...

— Нет, — рыкнул зверь, — на кого хочу.

— Четыре Альфы Альф за всю историю оборотней, — заметила девушка, — один завоевал половину мира, прежде чем умер, а троих убили после первого обращения. Очень молодым умер, заметь. У всех зов действовал на определенной территории. На любого вера. Это — моя докторская.

Кон кивнул. Он жил в эти времена. И до них.

— Ладно, потом, — врач махнула рукой. — Если это поможет мне спасти жизнь, то, какого черта? Готовьте физраствор, пакеты с кровью, вынимайте иглы из оборотня. Отнесите его чуть в сторону, иначе при трансформации может пострадать девушка. И отходим, ребята.

Зов утих, и свет появился снова. Теплый, ласковый, он обещал покой и отсутствие боли, вгрызающейся в его тело новой хваткой.

«Когда будешь решать, помни о том, кто был твоими глазами».

Он помнил, но свет так манил к себе...

Внезапно возник другой Зов. Как трубы Иерихона, он заполнил все вокруг, заставив не думать о свете, о боли, о самом себе. И только второй зов, такой тонкий и манящий, свитый в двойную цепочку все еще манил к себе, вплетая свою силу в новые мощные звуки.

Стань.

Превратись.

Изменись.

Услышь.

«Когда будешь решать, помни о том, кто был твоими глазами».

Он помнил и подчинился Зову. Мир вспыхнул новой болью, затопившей все его существо. Крик вырвался, заполнив пространство.

С этими сидхе всегда все странно. Кэт отошла на пару шагов, с ожиданием глядя на Кона. Ей не очень-то верилось в слова этого оборотня, но другого выхода не было. Вожак Вожаков. Как бы не так! Она знала близнецов достаточно долго, а Конхенн никогда не был самодовольным сукиным сыном, какими являлись все Альфы. Он не мог оказаться вдруг...

Дикий, пульсирующий в ушах вой заполнил комнату, заставив лопнуть стекла в окнах по всему этажу. Тело Эккарта забилося в конвульсиях изменения. Кости начали сдвигаться и вырастать, суставы выворачивались, шерсть растекалась лимфой по загорелой коже. Хрящи с треском перестраивались в теле, мускулы растягивались, принимая адские нагрузки. Быстро, очень быстро. Через две минуты в середине комнаты уже лежал человек, а не зверь. Обнаженный, задыхающийся, бессознательно скребущий ногтями, сорванными до мяса, по гладкому деревянному полу.

— Капельницу, — голос девушки приобрел рычаще-визгливые нотки. На руках появилась шерсть, на пальцах когти, а во рту клыки, — и скальпель. Мне нужно удалить обожженные ткани, иначе рана не сможет зажить. Быстрее, через пять минут он должен перекинуться еще раз, чтобы ткани успели срастись.

В комнату вбежал Маккон, встав за братом, но на это не обратил внимания никто, кроме Беленуса. Сидхе тронул вошедшего за плечо, чтобы привлечь внимание, и они начали тихо обсуждать ситуацию.

— Кэт, у девушки открылось вагинальное кровотечение, — один из медиков, следивших за Фир, тоже рычал, — не очень обильное.

— Боже! — С чувством пробормотала врач. — Неужели внутренние повреждения?!

Ее руки, не смотря на когти, проворно обрезали края раны, оставляя кровоточащие сосуды, мясо, кишки и кости. Без перчаток — оборотни были неподвержены сепсису.

— Ребенок, — прорычал Конхенн.

— Беременность? — Кэт встала, отключив капельницу. — Боже мой! Носилки! Перевоплощай своего отца еще раз, нужно быстрее в клинику. Я ничего не смогу диагностировать на месте!

Зверь кивнул и поднял голову. Мак стал рядом с ним, положив ладонь на холку брата. Тоскливый вой заполнил помещение, заставив присутствующих оборотней передернуться. Человек на середине комнаты закричал и снова начал изменяться, только теперь в обратном порядке. Опять щелчки, вязкое хлюпанье, треск сухожилий. Ломались ребра, вытягивался позвоночник, укорачивались пальцы, отрастали когти. Жуткий крик перешел в скулящий вой, и огромный зверь тяжело осел на пол. Кэт подбежала почти в тот же момент.

— Уже лучше, — она бегло осмотрела рану и подключила капельницу. — Ткани начинают затягиваться, но влаги не хватает. Еще раз, до человеческой формы, и поехали. Больше он точно не выдержит.

Пять минут ожидания, для восполнения запаса жидкости в организме, и все заново. Снятие капельницы, боль, щелчки, треск ломающихся костей. Дикий вой, перерастающий в крик. Пальцы, впивающиеся в гладкий пол и рана — еще не полностью закрывшаяся кожей, но уже поблескивающая гладкими розовыми краями.

— Капельницу, — Кэт уже восстановила свой человеческий облик. Последний Зов Конхенна был предназначен для человеческой сущности. — Скальпель. Болеутоляющее. Игла и нить.

Оборотни плохо подвергались действию лекарств. Благодаря усиленному метаболизму, медикаменты, как и алкоголь, выводились из организма в течение нескольких часов. Но на некоторое время, облегчить страдания было можно. Врачи-веры прекрасно знали об этом, поэтому в их аптечке были только самые сильные вещества — эффект от других пациент мог просто не почувствовать.

Она обрезаала края незаживших тканей, пришивая их друг к другу, чтобы заживление происходило быстрее. Тонкие пальчики с коротко обрезанными ногтями мелькали с огромной скоростью — рана заживала буквально на глазах. Медленнее, чем обычно, ведь пациент потерял много жидкости, но достаточно быстро, чтобы нужно было подрезать края. После превращения всегда так — все срасталось в течение считанных минут. Если бы не Конхенн, то этого оборотня не удалось бы спасти, в этом Кэт была уверена.

— Помочь? — К ней подошел темноволосый сидхе.

Поразительно красивый мужчина. Его запах — ветер, природа, пашня, секс, хлеб, зеленый лес — проникал в мозг, заставляя пробуждаться давно забытые воспоминания, от которых хотелось плакать. Он наклонился и длинная прядь цвета каштанового дерева упала вниз, ласкающим движением скользнув по белому врачебному халату. Просто ходячий секс какой-то...

— Нет, спасибо, — пробормотала она.

— Док, у девушки пропало кровотечение, — окликнул ее Павел, — остальные показатели в норме.

Хорошо. Просто замечательно. Кэт мысленно перевела дух. Правда была в том, что она совершенно не представляла себе, как лечить сидхе. Если бы это был просто человек, то шанс, что она выносит ребенка, был бы очень маленьким — но был. Девушка-вер ребенка точно не выносит — плод держался только до первого превращения. А вот сидхе...

— Дай ей витаминную смесь пока, — решила рискнуть она, — доза чуть больше, чем у людей. Пол-кубика будет достаточно.

Врач говорила и думала, действуя автоматически. Пальцы проворно сшили все возможные ткани, оставив розовую зарастающую рану, которая совсем скоро покроется новой кожей. Кэт использовала растворимые волокна, зная, что организм все равно отторгнет инородную ткань и попытается, так или иначе, вывести ее наружу после полного заживления. Посмотрев на проделанную работу, девушка мысленно себя похвалила.

— Ты хорошо справилась, — Конхенн присел рядом, озвучив ее собственные мысли.

Обнаженный до пояса, в человеческом теле он пах, как животное и был чертовски сексуален. Мускулистый, синеглазый, светловолосый, как бог греческого пантеона. По крайней мере, такими ей представлялись боги в институте на курсе общей истории. И полная копия своего брата. Его кожа чуть светилась, а на запястьях сверкали яркие черные татуировки. Интересно, все сидхе такие?

— Ты тоже замечательно все сделал, — кивнула она, внимательно рассматривая собеседника.

Маккон присоединился к ним, сев напротив близнеца. Теперь на нее смотрели оба. Кэт понимала, что неприлично так пялиться на других, но ничего не могла с собой поделать. Нет. Они были не просто светловолосыми. Пряди шли тонким полосами, от ярко-белой до желтой, как хлебный колос. С вкраплениями солнечно-золотистого. И глаза, яркие, лазурно-небесные, с золотыми и серебряными полосами от зрачка, будто миниатюрное солнце. Такого не бывает, пронеслось у нее в мозгу. Близнецы были красивы, но теперь что-то

изменилось. И Конхенн, и Маккон... они стали другими.

— Спасибо, — улыбнулся Кон в ответ.

У Катерины перехватило дыхание.

— Носилки, — голос оказался слишком тихим, поэтому пришлось откашляться. — Носилки! Едем в клинику!

Глава 25

Над ним возвышалась темная громада дерева, уходящая ввысь тяжелыми искривленными ветвями, а вокруг была бесконечная белая пустыня. Снег крупными хлопьями падал на землю, устилая пространство будто скатерть. Тишина — тяжелая, почти звенящая, давила на уши, привыкшие к постоянному шуму вокруг. Он знал, что спит. В реальности зрение было потеряно уже давно, и по-своему мужчина с этим уже смирился.

— Красиво, верно? — Женский голос резонировал, — бесконечность спокойствия.

Казалось, с ним говорит уйма женщин сразу. Девочка со звонкими тонкими колокольчиками смеха, девушка с нежными напевными нотками, леди с бархатным звуком, старуха с неизменным скрипом в голосе... Если бы он напрягся, то смог бы услышать любую из них по отдельности, или как сейчас — всех сразу. Эккарт знал, с кем говорит, несмотря на почти прошедшую тысячу лет. Преклонив колено, оборотень оперся ладонями в покрытую замерзшей водой землю и наклонил голову вниз. Богиня требовала соответствующего к своему сану отношения. Даже если она решила в прошедшие столетия не обращать на свою паству внимания.

— Даже Боги спят, — ответила она на его мысли.

Даннан, как обычно, не утруждала себя выслушиванием устного ответа, выуживая мысли прямо из головы собеседника. Ожидала Богиня только в одном случае — когда ответ лежал на поверхности и до него нужно было додуматься самостоятельно. Или она так хотела. Таких случаев было мало, но они предполагали непростые решения. Но это не было самым страшным в общении с Дану. Краем глаза Эккарт следил за снегом, падающим на землю возле его ног. Снежинки соединялись в крупные хлопья и, кружась, опускались на землю в медленном танце. Собираясь в стайки, они создавали гладкий узор. Так казалось. На самом деле, это было бесконечное скопление мелких деталей. Каждая на своем месте.

— Я устала решать за своих детей, — продолжила она, подойдя чуть ближе, — и решила дать вам немного времени. Некоторые потратили его с умом, некоторые не научились ничему. Я рада, что ты из первых. Помнишь, о чем мы говорили в нашу последнюю встречу?

Эккарт кивнул. Конечно, он помнил. Как можно забыть, о чем с тобой говорит Бог?

— Ты молчалив сегодня, мой воин, — в голосе Даннан послышалась улыбка.

— Я не знаю, что сказать, Божественная, — просто ответил мужчина.

В какой-то мере он ответил правду. Несмотря на кажущееся внешнее спокойствие, все чувства внутри смешались. Боги же не приходят просто так? Он был мертв? Или Даннан хочет от него вступления в новую сделку? Богиня отличалась практичностью и вполне могла предложить ему что-то неординарное, о чем сам Эккарт даже не догадывался. Впрочем, иметь с ней дело было гораздо лучше, чем с Рогатым Богом. Все-таки она подарила ему жизнь с Фир.

— Как всегда, недоверчив, мой волк, — послышался шорох ткани, когда она покачала головой. — Встань, прошу тебя. Но помни об условии. На Богов нельзя смотреть в упор.

Он помнил. Богиня носила длинный балахон с капюшоном, скрывающий ее почти полностью. Этому была своя причина. Впервые увидев Дану, Эккарт заметил ее облик боковым зрением. У нее был миллион лиц. Они плыли и менялись. Одна богиня и тысяча женщин сразу — от древней старухи до юной девочки. Оттолкнувшись от земли, Эккарт заметил, что снегопад прекратился. Его взгляд против воли взметнулся вверх, остановившись на кромке воротника Даннан.

— Молодец, — одобрила она.

Радовалась она тому, что Эккарт остановился, поборов искушение? Или, наоборот тому, что попытался поступить по-своему, взглянув на ее лицо? Однозначного ответа у оборотня не было.

— Ты хорошо служил мне все это время, — начала она, — и я хочу сделать тебе подарок. Скажи мне о своем желании.

В голосе Богини ощущалась торжественность момента. Когда будешь решать, помни о том, кто был твоими глазами, правильно? Он помнил. Снег начал таять, образуя нежную, но твердую кромку. Влага ощущалась так реально, что не будь Эккарт уверен, то заподозрил бы, что все это отнюдь не сон.

— Я хочу, чтобы моя Фир была здорова, — произнес он, — чтобы наш ребенок родился здоровым и в срок. Вот, чего я хочу.

— Не зрение? — уточнила Дана, — такой шанс может не представиться еще раз.

На лице Эккарта появилась улыбка. Она знала, читала в его сердце. Но все равно переспрашивала.

— Нет, — твердо ответил он, — жизнь для моей женщины и ребенка.

— Да будет так!

Ее голос был громким, даже слишком. Разнесшись вокруг, будто огромная взрывная волна, звук изменил все. Остатки снега превратились в ручьи, под ногами захлопала грязь. Запах весны — клейких набухших почек, мокрой почвы, едва проклюнувшейся травы — послышался ему. Вдалеке тонким голоском запела одинокая птица.

— Я рада, — снова сказала Дана своим необычным голосом. — Кернуннос забыл, для чего мы все живем, но некоторые помнят. Это очень хорошо.

Кернуннос, Рогатый Бог, Бог войны. Эккарт внутренне содрогнулся. Стоило посмотреть на Дарена в тот момент, когда он исполнял волю Повелителя, чтобы понять. Безумие, вот что отличало все, что делали эти двое. Ведь Ану упоминала, что Жрец — это лишь отражение тысячной доли Бога...

— Не стоит судить так строго, — мягко заметила Даннан, — не все из нас могут достойно выдержать разлуку с самым дорогим, что есть в жизни. Иногда проще сломаться, чем заставить себя поверить.

Он не ответил. Если задуматься, Эккарт не знал бы, что сделал, потеряй он Фир. С этой стороны действия Кернуна выглядели достаточно логичными. Или, по крайней мере, понятными и достойными сострадания. Это пугало. Почти то же, что жалеть смертельно опасное животное, заразившееся бешенством.

— Он будет в порядке, — в голосе Богини чувствовалась уверенность. — Однако, тебе пора, слышишь?

И правда, что-то звало его. Кто-то звал. Отчаянно, с паническими нотками. Мужчина дернулся, но не смог определить, откуда слышит зов, будто окруживший его со всех сторон.

— Я добавлю кое-что от себя, если ты непротив, — заявила Даннан, будто богине

можно сказать «нет».

Ее рука появилась из-под широкого темного рукава. Пальцы, ладонь, запястье — все менялось и пульсировало, представляя собой смешение рук разных женщин. Кожа — темная, светлая, с морщинами, возрастными пятнами, гладкая, по-детски нежная и снова покрытая морщинами... Пальцы — от тонких и нежных, с длинными аккуратными шпажками ногтей, до коротких и полных, с аккуратными ноготками. Дану толкнула Экарта в грудь с неожиданной для женщины силой, и он камнем полетел вниз.

Запах дезинфектора пропитал все — одеяло, одежду, волосы. Даже кожу. Веки были тяжелыми, будто на них лежали кирпичи. Не только веки. Все тело казалось свинцовым грузом, хотя болела каждая клеточка, а сознание, наоборот, виделось юрким и зыбким, как дым. И жажда. В горле не было ни капли влаги.

— Оля пришла в себя, но говорить отказывается, — этот голос ей знаком. Мужской, бархатный, чуть тягучий. — Плачет все время и шарахается от любой тени.

Он явно старался говорить тихо, но получалось наоборот. Отражаясь от кафельных стен, слова разносились по помещению многочисленным эхо. Память на секунду сбилась, потом услужливо подбросила образ высокого красивого человека с длинными темными волосами. Почему-то он представлялся очень улыбчивым и добрым.

— Алек? — Женский напевный полусшепот.

Вспомнились белоснежные нити волос, мягкие руки, смешливые морщинки в уголках глаз. Много любви и радости. Умиротворение.

— Он ушел уже, — улыбка в голосе, немного гордости. — На этих Падших все заживает мгновенно.

— А она еще не приходила в себя, моя девочка, моя Фир... — голос печален. Так говорила с ней мама, кажется. — С Эккартом близнецы?

При звуках этого имени что-то изменилось, будто лопнул мыльный пузырь, рассеяв свою цветастую оболочку мельчайшими частицами влаги. Память начала возвращаться, рывками заполняя мозг информацией.

Тьма. Холод. Нежный поцелуй. Бег. Светящиеся окна. Прыжок. Помещение с отвратительным затхлым запахом. Измученный мужчина, привязанный к стулу и грохот из-под пола внизу. Кровь. Темный коридор. Другое помещение. Маленькое, сжавшееся в углу существо. Злость, заполняющая до предела. Крики внизу. Снова комната. Девушка на поводке и мужчина со злобным взглядом. Мельтешение. Белый зверь.

Тут будто стоп-кадр. Все существо затопили разнообразные чувства. Нежность, любовь, спокойствие... Эккарт. Имя обрело плоть, зыбкую и ненадежную, будто эта оболочка существовала и в другой форме. Но все же на каких-то пару секунд дышать стало легче. Он ее. Реален. Цел. Эккарт.

Тело болело и не слушалось. Ресницы дрожали, не в силах подняться. Красный веер волос разметался по подушке, но лицо осталось недвижимо. Что это, полуявь, с которой переплелся сон? Сознание осталось в плену тела, поэтому разум начал петь. Скорее инстинктивно, чем по наитию. Минута, две, три... Воспоминания роились в голове, разбуженные обликом белого зверя. Пять минут. Те двое продолжали беседу-полусшепот, не в силах заметить то, что снедало недвижимую фигуру на кровати. Десять минут. Она

безмолвно звала уже в панике, испуганная тем, что дальше показал разум. Кровь. Вспышка света. Тьма.

Из горла вырвался хрип, но те, кто находились в комнате, с изумлением смотрели в коридор. В дверном проеме, пошатываясь на нетвердо держащих ногах, стоял Эккарт. Больничный халат, завязанный на спине — удачно перенятый опыт европейских клиник — едва прикрывал могучее тело. Хорошо еще, что на нем были легкие хлопковые штаны, иначе оборотень рисковал оказаться совершенно голым. Его поддерживал один из матерящихся близнецов, пока второй препирался с кем-то за спинами своих родственников.

— Нельзя же так, Па! — Окружающие не могли понять, Маккон это или Конхенн, — тебе нужно лежать, отдыхать!

В ответ Эккарт только зарычал, подслеповато щурясь в сторону лампы. Тяжелыми шагами оборотень пересек пустое пространство между косяком двери и кроватью с телом Фир. Грузно упав на колени рядом с ней, он притянул к своему лицу женскую руку, аккуратно поцеловав ладонь и потершись об нее лицом. Ее тонкие пальцы дрогнули, чуть царапнув кожу, заставив оборотня заворчать от удовольствия.

— Трое суток! — В комнату вихрем влетела Катерина, — Трое суток без сознания, тяжелейшие перепады температуры тела, катастрофическая потеря влаги в организме... и едва он пришел в себя, сразу же направился к своей паре! Он у вас что, сумасшедший?!

Всклопоченные волосы, темные круги под глазами... Дежуря возле кровати Эккарта сутками, Кэт не могла позволить себе долгий сон, поэтому выглядела не очень хорошо. Кроме того, он восстанавливался слишком быстро, поэтому врач не хотела пропускать ни одного из этапов, надеясь, что извлечет бесценный опыт из такого неожиданного пациента. Вбежавший за ней Маккон, хотя, возможно, это был Конхенн, только пожал плечами. Немного успокоившись, Эккарт закрыл глаза, плотно прикинув к ладони Ллариг щекой. Казалось, мужчина мог бы просидеть так часами.

— Па? — Один из сыновей неуверенно подошел к нему. За спиной брата сразу же возник второй из близнецов с точно таким же испуганным выражением лица, — тебе помочь?

Пальцы Фир чуть дрогнули, погладив любимого по щеке. Легко, но этого было вполне достаточно. Он тут. Рядом. В порядке.

— Мы справимся, — хрипло ответил оборотень, — *Она* обещала.

— У него что, бред? — Вмешалась Кэт, — кто обещал?

— Ты видел Даннан, Эккарт? — Мягко спросила Ану.

— Да, — коротко и ясно, как если бы так и было задумано. И с придыханием ей в ладонь, — *Geliebte...*

Он потер грудь, внезапно ощутив жжение. Чуть слева, там, где было сердце. Потом рука скользнула к глазам, накрыв закрытые веки, как делают дети, пытаясь спрятаться от яркого солнца. Она видела, ведь ее собственные глаза были открыты. Пусть не так широко, как хотелось, но, все же это была маленькая победа.

— *Ansa*, — голос хриплый, чужой, вырвался из ее горла, — *mo dhícheall*[42]...

Кожу на груди неприятно обожгло, будто от удара крапивой, но в данный момент это не казалось таким уж достойным внимания.

— Черт побери, — Кэт была в шоке, но это ничуть не умерило ее врачебного пыла. Скорее наоборот, — вы, ребята, все психи. И я — вместе с вами.

Близнецы синхронно пожали плечами. Каждый из них был готов признать, что девушка в чем-то права. Не вслух, разумеется. Эскарт изрядно напугал их всех, разгромив половину палаты, когда его попытались удержать в постели. Катерина подошла к двери и позвала, стараясь привлечь внимание обслуживающего персонала.

— Алеся, каталку сюда! — Ее голос привычно разносился по коридору, — и пригласите доктора Корнееву, нужно осмотреть беременную! Эдик, ампулу витаминного коктейля и еду для очнувшегося! И уточни, кто поблизости может предоставить землю для охоты, если это будет нужно!

— Кэт, ты просто чудо, — Маккон? Или Конхенн?

— Не спеши благодарить, — когда все неожиданное закончилось, Катерина вернулась к обычному режиму работы. — Выйдите все, мне нужно провести осмотр. Он так рвался сюда, что наверняка получил парочку свежих ссадин и синяков.

— Она его пара, — мягко объяснил второй брат.

— Поэтому он ведет себя так, будто чует течную суку... — скептически заметила врач, — Ребячество.

— Мы немного отличаемся от обычных оборотней, — улыбнулся другой близнец. — Это, скорее, эмоциональная связь. Как у связанной пары.

Связанной называлась пара, в которой оба были оборотнями. Это было больше, чем любовь, чем просто привязанность. Скорее, как постоянная зависимость друг от друга. Экзотический вид собственного наркотика. Такое случалось редко, очень. Никогда у тех, в чьей паре был простой человек. Но эта девушка не была человеком. Не принять во внимание ее фейрийскую сущность было ошибкой.

— А раньше сказать было нельзя? — Вздохнула Кэт, — вы бы сэкономили мне кучу нервов и дорогого оборудования.

— Мы не подумали, — ответил один из них. Второй просто развел руки, подняв ладони вверх. — Оборудование оплатим.

Врач театральным жестом поднесла ладонь ко лбу, потеряв кожу кончиками пальцев. Сидхе... Наглые, бесцеремонные, слишком красивые... Она вполне могла их понять и оправдать. Так и сделает позже. Сейчас первым делом нужно было осмотреть здоровяка, сидящего на полу рядом со своей беременной самкой. Если он даст ей это сделать. Кэт аккуратно приблизилась к кровати.

— Эй, большой парень, — голос спокойный и дружелюбный, — давай мы посмотрим, как у тебя дела.

В ответ рычание. Слабое, будто легкое предупреждение.

— Ansa...

Голос девушки очень тихий, но рык мгновенно затих. Пациент открыл глаза. Совершенно волшебная медово-золотая радужка, окруженная сполохами цвета, яркими, как само солнце. Губы Катерины сами сложились в безмолвном возгласе, напоминая очертаниями букву «О». В голове пронеслась мысль, что таких глаз просто не бывает. Потом удалось напомнить себе, что он — сидхе. Но мозг отказывался воспринимать информацию, полностью замороженный сиянием напротив. Будто поняв все, он закрыл веки. Дыхание постепенно вернулось в норму.

— Черт побери, — хрипло, как если бы она только что пробежала стометровку, — ну у

тебя и глаза.

— Я тебя видел, — сказал он немного удивленно. — Я всех вас вижу.

— Ну, конечно, ты... — Кэт поняла на половине фразы.

Ее рот снова приоткрылся. Где-то на заднем фоне — мелькнула мысль, что она выглядит ужасно глупо, вот так присев на корточки, не в силах выдавить из себя ни звука. А перед глазами застыла отпечатавшаяся информация с медицинской карты, которую она составляла сама, опираясь на слова родственников.

Полная потеря зрения.

Глава 26

Небольшой дом, маленькие комнаты и узкие коридоры. Больница для оборотней казалась крохотной, если не принимать во внимание одного факта — болели веры очень и очень редко. Большинство из тех, кто оказывался тут, находились на лечении совсем недолго, а для остальных места хватало. Если поспрашивать у врачей, можно было выяснить — в среднем сюда обращались около десяти пациентов в месяц с совершенно пустяковыми травмами. Детям, еще не прошедшим превращение, приходилось помогать чуть больше, но в городе их было не так много. А для контроля при превращении было отстроено специальное здание, вдалеке от основных построек.

Электрический свет отражался от белых кафельных стен, а плитка под ногами холодила обнаженные ступни. Эккарту каким-то чудом удалось перевести внимание от своего новообретенного зрения на заживающую рану, и теперь он стойко переносил медицинский мини-консилиум, собравшийся рядом. Глаза жутко болели и слезились. Прикрытые веки хоть как-то спасали от света, который был слишком ярким, но заслониться ладонями — помогало больше. Мир казался привычнее — только звуки, запахи и осязание.

Давно забытые и похороненные в веках чувства пугали оборотня. И, если быть честным, Эккарт совершенно не ожидал такого подарка. Как оказалось, бывшее положение вещей его совершенно устраивало. Единственное что, безусловно, радовало — он видел Фир. Она была такой же красивой, как и много веков назад, когда только попала к нему на глаза. Те же кроваво-красные волосы, та же бледная кожа, те же тонкие и длинные пальцы. Только кожа фейри светилась чуть ярче, чем тогда, выдавая наличие большей силы. По его частному мнению — эта женщина была совершенна.

— У вас совершенно чистая рана и она быстро заживает, — оптимистичный голос врача раздался на уровне его груди, — теперь вы можете прилечь и послушать, что моя коллега скажет о здоровье вашей жены.

Мужчина послушно шагнул к постели, которую принесли близнецы по указанию врача. Оборотень категорически отказался покидать Фир. Он не открывал глаз, это было совершенно ни к чему. Веками не пользуясь зрением, Эккарт великолепно ориентировался в пространстве и без этого чувства. Впрочем, он едва ли заметил, занятый совершенно иными мыслями.

— На вас все так быстро заживает, — продолжала девушка. Кэт... кажется, так ее называл Маккон? — Я все время лечу оборотней, но то, что происходит с вашим организмом — это просто феноменально! Вы регенерируете в десятки раз быстрее.

— Это из-за магии, — Эккарт счел должным пояснить, — я лишь наполовину оборотень. Часть меня — фейри. Кроме того, я имею иммунитет ко всем видам колдовства.

Это мой дар от Даннан.

— А кто эта Даннан? — в голосе любопытство.

Что ж... Сказал «а», говори и «б», не так ли?

— Это древняя Богиня, которая покровительствует фейри, — попробовал объяснить оборотень. — Если вы хотите узнать о ней больше, то спросите Ану. Я видел Даннан всего несколько раз в жизни.

— Вы видели богиню, — скептичность в голосе.

— Мне почти тысяча лет, — вздохнул мужчина, — я многое слышал и ощущал. Но не видел. Но Даннан я именно видел, это совершенно точно. И больше не буду обсуждать эту тему. То, что я хочу обсуждать сейчас — это здоровье моей беременной жены.

— Ладно, — примирительно произнесла его собеседница, — меня тоже интересует эта тема. Кира?

Послышался звук отодвигаемой ширмы, за которой была Фир и еще одна врач, прибывшая несколько минут назад. Маленькая полная брюнеточка — современное светило акушерства и гинекологии, которую вызвали несколько суток назад, специально для наблюдения и консультации. Они вполне могли себе это позволить.

— У Фир все прекрасно, просто упадок сил, — она улыбалась, это чувствовалось по голосу. — Для женщины, беременной ребенком-оборотнем, у нее просто замечательное здоровье. Больше сна, витаминов и свежего воздуха.

Эккарт с облегчением выдохнул, даже не заметив, как задержал дыхание. Он верил словам Дану, но все же хотел убеждаться в этом снова и снова. Это было жизненно необходимо.

— Я хочу присмотреть за ней еще сутки, чтобы были готовы последние анализы, — голос Киры был спокойный и мягкий, — поэтому выпишу свою пациентку только завтра. Не раньше.

— А я думаю, что Эккарт будет полностью здоров к концу недели, — продолжила Кэт, — но я настаиваю на визите офтальмолога и хочу посмотреть сама. Сейчас.

Поморщившись, мужчина кивнул. Он не испытывал большого восторга по этому поводу, но на первичный осмотр был согласен. Кэт взяла его лицо в ладони и повернула в сторону. Эккарт приоткрыл глаза, которые тот час же заслезились.

— Свет слишком яркий, — пытаюсь проморгаться, пояснил оборотень, — мне больно смотреть.

— Хм-м-м... — врач на секунду задумалась, потом подозвала медсестру. — Алеся, мне нужны темные очки. Чем темнее будут линзы, тем лучше. Помнишь, у Джамала были такие? Большие, почти на пол лица?

Молоденькая девочка в сестринском халатике и копной рыжих кудряшек — их цвет напоминал апельсин — кивнула.

— У тигров, что в гостевом домике, — звонко пискнула она, — я попрошу.

— Да, нам нужны именно такие, — кивнула Кэт и, повернувшись к Эккарту, пояснила — артисты, на гастроли приехали. У одного из них есть то, что будет вам полезно, как я думаю. Отдохните пока. Сон — лучшее лекарство. Вашим друзьям и родственникам я сообщу.

Последние слова Эккарт слышал уже сквозь дрему. Когда нервное напряжение спало, он расслабился и уставший выздоравливающий организм взял свое. Внутренности чесались, будто кто-то насыпал ему под кожу песка, глаза болели еще сильнее. Ощущался озноб —

эффект от заживления раны, однако это совершенно не помешало. Сны ему не снились. Совсем.

Горячая кожа под тонкими пальцами — родной, любимый. Волосы не совсем чистые, с запахом лекарств и зверя. Да и ладно, разве это важно, когда он рядом? Жив и относительно здоров. Колкая щетина на лице, почти превратившаяся в короткую светлую бороду. Знакомые очертания губ, растянутые в легкую улыбку. Глаза открылись, полыхнув теплым золотым цветом.

— Привет, — легкий шепот. Почти невесомый, только движения губ.

Его не застать врасплох, чуткие уши оборотня уже уловили все движения гибкого женского тела. Сильные ладони легли на тонкую талию, усаживая Фир поудобнее.

— Привет, — в ответ. Так же, чуть слышно.

За окном серебрилась темнота. Ночь наступила рано, ведь долгожданная весна только началась и дни были совсем короткими. Свет не горел. Им вполне хватало луны, идущей на спад. Ее руки пробрались под рубашку, ощупывая толстый округлый рубец шрама. Секундная заминка и Фир уже легла на большое теплое тело Экарта, крепко обняв мужчину за шею. Теплая соленая влага сочилась на его кожу, очерчивая блестящие дорожки.

— Так много потеряло бы смысл без тебя, — шепот быстрый, почти невнятный достиг его ушей, — так много! Сама жизнь...

— Моя любимая девочка, — мужской голос дрожал и срывался, будто у подростка, — моя хорошая, моя красивая... Все хорошо, я тут, с тобой...

Руки начали гладить ее напряженную спину, сотрясаемую рыданиями. Темные пряди волос разметались по плечам Фир. Он отбросил тяжелые локоны, взяв родное лицо в плен больших ладоней, и притянул к себе, покрывая лоб, глаза, нос, щеки, подбородок и шею нежными дробными поцелуями. Наконец, слезы сменились тихим вздохом, полным удовлетворения. Ллариг прижалась к любимому всем телом, обхватив его шею руками.

— Я не смог бы продолжать жить, — его голос рокотал, зарождаясь в груди, и поднимался вверх, извергаясь словами. — Если бы с тобой что-то случилось, я бы умер. Возможно не физически, но большей частью души. Я знаю, что не говорил об этом никогда, но, когда думаю, что мог исчезнуть, не сказав тебе об этом...

— Но... — палец прижался к женским губам, останавливая все попытки ответить.

— Послушай, — его хриплый голос звучал твердо, — мне трудно подбирать слова... Я не смогу жить так... без тебя... бессмертие не имеет смысла. Конечно же, я буду любить нашего ребенка, но малыш никогда не заменит главного в моей жизни. Ничто и никто не заменит. Это ты — причина жить. Больше чем все остальное.

Фир тихо выдохнула, боясь спугнуть поток неожиданных откровений. Обычно ее любимый никогда не был так многословен, предпочитая действия. Если подумать, она уже давным-давно знала о том, что Экарт ей говорил сейчас. Но то, что он именно говорил о своих чувствах вслух, просто ошеломяло. Немного подумав, мужчина продолжил.

— Не знаю, почему так стало и, честно говоря, мне не интересно. Кажется, как только я увидел тебя, тогда на дереве, и все в моей голове пришло на свои места. Возможно, большей частью это говорит волк... те далекие предки, подарившие мне животную часть себя. Но я знаю лишь то, что ты мне нужна. Больше чем все остальное. Я до чертиков боюсь, что ты

умрешь при родах, как мать Маккона и Конхенна. Это пугает больше смерти — ведь тогда мне придется жить ради чего-то или кого-то другого и, честно говоря, я не думаю, что смогу.

Она остались в тишине. Только тонкие женские пальцы беззвучно с шорохом скользили по больничной одежде, нагретой теплым мужским телом, долгими ласкающими движениями. Фир думала о своих страхах. Какими мелкими казались они сейчас. Ведь она ни на секунду не рассматривала самой возможности, остаться без него. Быть без Эккарта, это... как не дышать. Он прав. Во всем.

— Я люблю тебя, — шепот, тихий, как дуновение ветра. Но он услышал, наверняка.

— Знаю, — бархатный голос ласкал не хуже рук, поглаживающих женское тело. — Никогда в этом не сомневался. Ты всегда говорила мне об этом. Не только словами.

— Не представляю будущее без тебя рядом, — Фир потерлась о большую мужскую ладонь щекой, — я даже не помню, каково это, жить порознь. Мне кажется, ты всегда был рядом.

— Я рад, — его большой палец ласкающим движением скользнул по женской скуле, — потому что мне тоже так кажется. Иногда я думаю, что жизнь до тебя была просто сном. Если бы не близнецы.

— Дети... пугают меня, — прошептала Ллариг совсем тихо. — Я не смогу быть хорошей матерью. Просто не знаю, как.

— Ну, — ласкающим движением он провел по мягким женским волосам, — а я не помню, как быть отцом, но вместе — мы справимся. Если уж боги находят в себе силы, чтобы проснуться и снова взять все в свои руки, то мы тоже сможем.

— Постараемся, — уточнила она, поудобнее устраиваясь рядом, — очень сильно постараемся.

— Через эти стекла почти ничего не видно, — недовольно пробурчала Фир, откладывая темные очки обратно на свою прикроватную тумбочку.

— В моем положении это то, что нужно, — Эккарт протянул к ней одну руку, второй закрыв глаза от света. — Все слишком ярко. Такое чувство, что солнце бьет мне прямо в глаза.

— Тут не так уж и светло, на самом деле, — отметила Шапка.

Подхватив очки, Ллариг подошла к мужчине. Ее тело все еще болело, так что, наверное, следовало благодарить Богиню за те несколько дней беспомощности, в которые организм хоть как-то восстановился. Украдкой взглянув в зеркало, Фир нахмурилась. Слишком бледная, с темными кругами под глазами и кроваво-красной линией рта... Что если она не понравится Эккарту такой? Теперь, когда он может видеть? Обернувшись к нахмурившемуся оборотню, она пожалала плечами. Есть вещи, на которые мы не можем повлиять, правда?

Подойдя к мужчине, Фир вложила в его руку солнечные очки. Эккарт надел их, с облегчением выдохнув. Хмурое выражение исчезло с его лица, забрав с собой мелкие морщинки с уголков глаз. Мужчина с интересом оглядел пространство, остановившись на гибкой женской фигуре рядом.

— Самое красивое зрелище в моей жизни, — улыбнулся он, — но я предчувствую еще более прекрасное, когда мы окажемся только вдвоем, и та толпа, которая сейчас за дверью, будет занята чем-нибудь кроме нас.

— Толпа?

Его взгляд, даже из-под почти не прозрачных стекол, обжигал, совершенно лишая Фир связных мыслей. Она рефлекторно облизнула губы и выдохнула, потянув себя за ярко-красную прядь волос.

— Ну, да, — Эккарт протянул к ней руку. — Родственники, друзья, семья, врач. Я слышу, как они говорят под дверью.

— О чем? — В голосе Фир ощущался нежный бархат.

Вложив пальцы в его ладонь, Шапка сделала шаг вперед, встав ближе.

— О всякой ерунде, — он подтянул податливое тело еще ближе. — В основном, стоит ли нас оставить еще под наблюдением или уже можно отправлять домой.

Его рука проникла под больничную рубашку Ллариг, пройдясь по нежной коже. Подцепив бесформенный балахон одним пальцем, мужчина поднял ткань вверх и облизнулся. С тихим урчанием оборотень уткнулся в мягкий женский живот, прижимая тело Фир как можно ближе к себе. Мягкие губы проложили дорожку из поцелуев вниз, где бархатный влажный язык скользнул во впадинку пупка. Дыхание ее сбилось, а ноги подкосились, практически заставив осесть на крепкие мужские руки. Эккарт остановился, глубоко вдохнул аромат любимой, и глухо застонал.

— Больно? — В ее глазах еще плескалось удовольствие, мозг уже сканировал информацию.

— Очень, — мужской голос был глухим и сбивчивым. — Особенно, когда я думаю о том, что сейчас врач придет, а у меня колоссальный стояк. И вдвоем мы с тобой останемся не настолько скоро, как мне того хочется.

Фир издала мягкий грудной звук, полный довольства и нетерпения, заставив его сладко содрогнуться.

— Я же говорил, что их уже можно выписывать, — довольный голос Маккона заполнил пространство, вызвав громкий рык у его отца.

Маленькая комната почти мгновенно заполнилась народом, Эккарт едва успел одернуть рубашку Ллариг, высоко поднятую его собственной рукой. Все шумели и улыбались друг другу. В палате даже оказалось несколько фей-крошек, попавших сюда непонятным способом. Наверное, их захватил сюда кто-то из домашних. Пикси дружно галдели, разлетевшись по палате, а затем выстроились в импровизированный круг, начав водить хоровод над головами Эккарта и Фир. Оборотень следил за фейками со странным выражением. Внимание на его лице перемежалось с легкой улыбкой и изумлением, пока они летали, рассыпая вокруг искрящуюся пыльцу. Яркие как радужные капли с совершенно невообразимыми оттенками крыльев, пикси летали под потолком, распевая песни на древнем языке. Они славили Богиню и саму жизнь нежными тонкими голосами.

Эккарт протянул руку вверх. Пожалуй, он и сам не смог бы объяснить, почему сделал это именно сейчас, но одна из малышей будто ждала этого жеста, мгновенно отделившись от общей группы и присев на большую ладонь. Оборотень отчетливо различал ее внешность, не смотря на темные стекла очков. Ярко-бурые крылья с крупными пятнами в форме глаз лазурно-голубого цвета, и черная бархатная изнанка[43], до которой так хотелось дотронуться мягким ласкающим движением. Ее вес был небольшим, но довольно ощутимым в его теперешнем ослабленном состоянии. Тоненькие ручки феи-крошки обхватили его большой палец, как будто ствол небольшого дерева. Она чихнула тоненьким голоском, почувствовав острый больничный запах и изящно потерла носик.

— Наш Оракул просили передать, что доказательство уже написано, — Эккарт узнал ее по голосу. Эйнат[44], вот как звали пикси.

— Спасибо, — произнес он, так ничего и не поняв.

Фейка поднялась, упершись маленькими ступнями в его ладонь, и взлетела вверх, присоединившись к остальным, все еще поющим во славу жизни.

Глава 27

Мир был тем же самым и абсолютно другим. Заполненным не только ощущениями, звуками, запахами, но яркими красками и светом. Он упивался собственными ощущениями, этим даром, принимая все вокруг как величайшее чудо. Даже слишком яркое для его глаз солнце безмерно радовало, вызывая на лице глупую улыбку. Но все это было бы бессмысленно без женщины рядом. Фир.

Гибкая женская фигурка с бледной, будто призрачной кожей и ярко-красными волосами притягивала взгляд, словно магнитом. Запах остался неизменным, кроваво-яростным, с острыми нотками битвы и таким ... бесконечно родным. Оттенки любви, нежности, желания, а теперь еще и тонкий аромат ребенка, который рос у нее внутри — вот что различал зверь Эккарта. Но возможность видеть давала совершенно новые преимущества.

Фир улыбалась всегда, когда ловила его взгляд на себе. Чуть хищно, но так маняще, что он не мог оторваться. Тонкие пальцы, касания которых он так любил, порхали в движении. Гибкое тело, скрытое за бесформенной больничной одеждой было знакомо мужчине до последнего изгиба, но Эккарт даже не мог представить себе, какое это пиршество для глаз. Она оказалась совершенной именно настолько, как он и представлял. И даже больше.

Вторым по привлекательности зрелищем оказались, как ни странно, феи-крошки. Вервольф слышал их голоса и шелест крыльев, даже иногда ощущал их легкие тела, но никогда даже не думал, что они настолько необыкновенно красивы. Тонкие, почти прозрачные тела с нежной светящейся кожей. Большие выразительные глаза на узких лицах, над тонким, почти незаметным носом, и пухлые губы в форме сердечка. Длинные ручки и ножки. Непропорционально узкая грудная клетка, с огромными, по сравнению с длинным телом, крыльями. Они напоминали стайку ярких бабочек, или скорее цветов, оживленных неведомым способом и внезапно научившихся летать. При этом пикси щебетали, как птички, переговариваясь между собой тоненькими голосками, и умудрялись жестикулировать всем телом, почти сливаясь в одно яркое пятно. Но сегодня крошки не вызвали обычного чувства мгновенной усталости.

А мальчики? Близнецы, которых он помнил крошками, стали совсем взрослыми, превратившись в крепких улыбчивых парней. Воинов, в чьих волосах жило солнце. Конечно, Эккарт знал, что его сыновья давно подросли, но в его представлении они все еще соотносились с теми детьми, которыми были когда-то. Точно так же, как трудно было соотнести звуки, запахи и тактильные ощущения с давними образами кудрявых белокурых малышей. И, ох, Боги... Они были так похожи внешне! Не удивительно, что остальные их путали. Одинаковый взгляд — открытый и ясный. Улыбка, идентичная у обоих, слегка напоминающая оскал. Быстрые и порывистые движения стройных мускулистых тел. В то же время его мальчики остались разными! Маккон порывистый, быстрый, яркий как огонь; Конхенн — вдумчивый, открытый и серьезный. Они действовали синхронно, идеально

дополняя друг друга. Зрелище, честно говоря, завораживало. Эккарт безумно ими гордился.

И разумеется, все остальные.

Улыбка, легкая, на кончиках полных губ, освещала прекрасное лицо. Большие карие глаза с пушистыми черными ресницами. Брови — тонкие, вразлет. Чуть курносый нос... Ану, которую он никогда не видел, оказалась божественно красива. Ее сливочно-розовая кожа светилась здоровьем, белоснежные волосы струились вниз плотной волной, обнимая чуть полноватую — на вкус самого оборотня — фигуру. При взгляде на нее ощущалась мягкость, присущая Жрице в жизни.

Чуть поодаль тонкая хрупкая фигурка Аили льнула к Беленусу, стараясь быть как можно ближе. Рядом они смотрелись так гармонично: высокий темноволосый сид, с тонкими чертами совершенного лица и миниатюрная белокурая девушка, с восхищением смотревшая на мужчину рядом. Оба одетые в зелено-коричневые тона с ярким добавлением белого, будто живые дополнения друг к другу.

Его друзья, семья, стая.

— Мы все очень рады, что вы в порядке, — оборотня окутал знакомый запах. Ану подошла ближе и протянула руку, погладив Фир по волосам, — просто замечательно, что все окончилось хорошо.

На Жрице было длинное белое платье с вышивкой по краю, причудливо блестевшей золотом, когда на узор попадал солнечный свет, прокраившийся в окно. Эти переливы буквально заморозили мужчину, смотревшего на мир сквозь стекла темных очков.

— Ану, — Фир слегка наклонилась, приветствуя Жрицу.

Эккарт повторил жест, с улыбкой глядя на недовольное лицо беловолосой сидхе. Она давно отказалась от церемоний в их собственном тесном кругу, хотя остальные так же упорно старались их соблюдать.

— Ну я же просила... — с укором произнесла Ану.

— А я тебе тысячу раз объяснял, что это необходимо, — подал голос Беленус. — Ты Жрица, а значит, и отношение должно быть соответствующим. Они твоя охрана, выполнившая свою работу по высшему разряду. Так что, можешь просто поблагодарить их и закончим с этим.

Ану только улыбнулась в ответ. Она прекрасно знала все традиции, просто...

— Да! — Притворно пробурчал Маккон, — легко тебе говорить, ты относишься к высшей знати. А я себе уже коленку отбил в церемониальном поклоне Дарену.

Беленус только развел руками. Жрец действительно требовал четкого соблюдения всех существующих правил, давным-давно посчитав, что это поднимет его статус среди фейри, которые соблюдали старые традиции. Он был прав, в конечном итоге. Те, кто еще помнил времена Племен Дану, не только боялись Короля Дикой Охоты, но и попросту уважали Дарена, передавая это отношение более младшим.

Улыбнувшись еще шире, Ану махнула рукой.

— Вы действительно проявили себя, мои воины. Спасибо за защиту дома и его обитателей, — торжественно произнесла она, — но я бы предпочла, чтобы Фир не участвовала в боях какое-то время.

— Я согласен, — добавил Эккарт. Он все еще сидел на постели, бережно прижимая к себе свою женщину. — Беременность от нашего вида и так протекает сложно. Мне бы не хотелось подвергать тебя ненужной нагрузке.

— Мы думали об этом, Па, — Конхенн подошел ближе, — и поговорим с Дареном,

когда вернемся. Не думаю, что с этим возникнут какие-то проблемы. Безопасность Жрицы на первом месте, он сам так говорит.

Поддерживая близнеца, Маккон кивнул. Братья оделись идентично, умело скомбинировав собственные вкусы: белая рубашка, с видневшимся из-под нее легким свитером под горло, черные кожаные штаны и тяжелая армейская обувь. Отличались только прически — Кон сделал хвост на затылке, а Мак заплел любимую косу, закрепив кончик кожаным ремешком.

— Как Оля? — Фир не спорила. Эккарт не знал, было ли это временным затишьем или она осознавала, что все они правы, но поговорить обстоятельно они могли и потом. — Она уже дома?

— Да, — Жрица мгновенно погрузилась, — наша девочка в порядке... физически. Но не разговаривает и почти не ест. Быть может, позже мне удастся...

Так и не сумев закончить фразу, она потеряла виски.

— Доктор сказала, что вы оба в норме, и мы можем забирать вас домой, — видя состояние Ану, Беленус решил взять ситуацию в свои руки, — готовы?

Он цеплялся за нее, будто за спасательный круг, крепко прижимая к своему напряженному телу. Оборотень нервничал. Это было заметно по резким движениям ноздрей, стремительным поворотам головы и тому, как рефлекторно сжимались его пальцы при особенно эффектном зрелище. Эккарт пытался сопоставить знакомые запахи и звуки с новым для него визуальным рядом. За окном машины мелькал желтый солнечный свет, робко проглядывающий сквозь голые скелеты деревьев. Они еще не успели обзавестись зелеными листочками, но уже пахли ранней весной, клейкой и горьковатой, как едва проклюнувшиеся почки. Этот запах смешивался с ароматом почвы и проникал даже сквозь закрытое окно, будоража сознание вервольфа.

Погладив мужское запястье, крепко обхватившее ее под грудью, Фир пересела на колени к своему мужчине, что вполне позволял просторный салон внедорожника. Он усадил женщину поудобнее, притянул поближе и немного ослабил захват, обхватив ее второй рукой.

— Мне очень непривычно, — его шепот, смешанный с дыханием коснулся шеи Ллариг. — Все цвета серые и тусклые, как будто потерялись краски. Я помню белые зимы, бескрайние и дикие. Весны нежные и обесцвеченные, но дышащие жизнью. Все было таким... наполненным. Цельным. Другим. Мои воспоминания гораздо ярче. Но в то же время мир поражает меня новизной...

Он вздохнул, потерялся о ее макушку подбородком и снова уставился в окно. Оба молчали, только впереди иногда переговаривались Беленус с Аили. Время от времени мышцы оборотня сокращались, будто он порывался бежать рядом с машиной, а не ехать внутри. Только вес Шапки на коленях не давал ему полностью забыться, растворившись в желаниях зверя. Наконец Эккарт рассмеялся.

— Не знал, что это так захватывающе, — довольно прошептал он, — видеть скорость. Я двигаюсь, но остаюсь на месте.

— Ты же ездил на машине, — улыбнулась Фир, беря его ладонь и переплетая теплые мужские пальцы со своими.

— Да, — согласился оборотень, — я помню звуки и запахи, но видеть... Это так похоже на охоту! Окружение другое, но чувство скорости так захватывает... и это предчувствие!

Он замолчал, охваченный давно забытыми ощущениями.

— Понимаю, — Ллариг погладила любимого по щеке, уколов кончики пальцев жесткой мужской щетиной.

Она действительно понимала. Для Эккарта, как и для всех оборотней, охота была не только средством насыщения, но и чем-то близким к экстазу, похожим на секс или хорошую битву. В этом они были даже похожи — и Фир Ллариг, и Дини Ши предпочли бы хорошую драку любому дару судьбы, а полукровка сполна унаследовала эти дары от обеих линий. Хотя, пожалуй, в ее жизни было кое-что неразменное. Будто услышав ее мысли, оборотень обхватил свою любимую крепче и погрузил лицо в ярко-красную копну волос.

— Многовато ощущений для одного дня, — его тихий голос был предназначен только для ушей Шапки. Ни Беленус ведущий огромный внедорожник, ни Аили сидящая рядом с мужем, попросту не смогли бы разобрать бормотание Эккарта, — но я все еще не против десерта, если это не повредит тебе или нашему ребенку.

— Нет, — ее голос был таким же тихим, но, не смотря на это, просто лучился довольством. — Это первое, что я спросила у врача сегодня. Она сказала, чтобы мы были аккуратны и никаких быстрых движений...

Довольно заурчав, мужчина прижал ее еще ближе, с нежностью поглаживая тело любимой. Из-за сложностей в период беременности оборотни привлекали наблюдения самых лучших специалистов, будь это любимая-человек или просто суррогатная мать, которая могла выносить наследника. Не смотря на все уловки и предосторожности, люди очень часто были вынуждены почти весь срок лежать в больнице на сохранении. О женщинах-сидхе которые вынашивали детей от вееров, было несколько легенд, хотя как точно отреагирует организм Фир, не знал никто. Именно поэтому Кира, один из самых авторитетных специалистов в мире акушерства и гинекологии, согласилась быть личным врачом сидхе. Да и что скрывать — как врачу ей было безумно интересно понаблюдать за состоянием таких необычных пациентов.

— С возвращением домой, дамы и господа! — Голос Беленуса прервал размышления, заставив Эккарта поднять голову и взглянуть на здание, которое называлось его домом.

Сид остановил машину прямо перед парадным крыльцом, чтобы вновь обретший зрение вервольф мог рассмотреть особняк, окруженный плотным кольцом деревьев, поближе. Строение было большим, трехэтажным, с огромными окнами и отделкой из серого камня. Позади него эффектно возвышался стеклянный купол оранжереи. Каменная дорожка, состоящая из больших тяжелых плит грязно-оранжевого цвета, уходила за дом, оканчиваясь у двери в гараж. Стену первого этажа полностью закрывало плетение сухих виноградных побегов, превращающих дом в часть живой природы.

Грациозно соскользнув с мужских коленей, Шапка уселась рядом, с любопытством вглядываясь в лицо любимого. Выходить оборотень не спешил. Не отпуская руки Фир из своей ладони, он внимательно осматривал пространство снаружи. Потом распахнул дверь и глубоко вдохнул несколько раз. Запахи были ему знакомы, поэтому лицо Эккарта осветила улыбка, делая его похожим на юношу, которым вервольф был когда-то.

Выйдя из машины, он оглянулся назад, всем своим видом выражая вопрос. Губы Ллариг тронула легкая улыбка — женщина кивнула, в следующую секунду, уже подхватывая плащ сброшенный вером прямо в ее руки. Мужчина поднял лицо вверх, к холодному весеннему солнцу, глубоко вдохнул и сорвался с места, мелькнув живой и дышащей молнией. Он бежал, как не бежал уже давно, празднуя свою жизнь, знаменуя начало и продолжение. Вокруг

мелькали незнакомые виды, сочетаясь с привычными запахами и звуками — Эккарт узнавал те места, где жил и сердце его ликовало.

Одежда немного мешала ему, но давно забытые зрительные эмоции и ощущения затмевали все. Легкие заполнял наполненный весной воздух. Мускулы перекачивались под кожей, как жидкая сталь. Ноги отталкивались от земли, неся тело вперед с огромной скоростью, намного превышающей возможности обычного человека. Волосы плескались позади, отражая солнечный свет ярким пятном, а темные очки лишь чудом удерживались на переносице. Эккарт знал, что его могут увидеть, но ему было просто необходимо то, что сейчас происходило. Выплеснув переполнявшие эмоции в беге, оборотень повернул назад, к дому. На лице его играла довольная ухмылка, довольно клыкастая, но какое это имело значение? Фир ждала его на парадном крыльце. Его женщина оперлась о косяк, довольно улыбаясь в ответ.

— В моей жизни произошло чудо, — шепнул он ей, обняв податливое тело, — несколько веков назад. И оно все еще не закончилось.

Тонкие руки обвились вокруг мужской шеи, притягивая любимого к себе.

— Второй этаж, первая дверь слева, — ее голос был томным и густым, как сливки, — ты не ошибешься.

Довольно рыкнув, Эккарт жадно поцеловал женскую шею. Туда, где под тонкой кожей крошечной жилкой бился пульс. Острые клыки царапнули бархатистую поверхность, тот час же одарив ее жарким влажным касанием языка. Шапка довольно простонала, острыми ноготками вцепившись в свитер на его спине, и попыталась подтянуть любимого ближе. Через первый этаж он пронесся вихрем, бережно удерживая драгоценную ношу в объятиях. Она смеялась низким грудным смехом и что-то мурлыкала ему на ухо, запустив длинные пальцы в густые светлые волосы. Окружающие даже не обратили внимания на эту выходку, вполне ожидаемую от этих двоих, лишь только Маккон передал проигранную брату двадцатку.

Оборотень и правда не ошибся, найдя комнату по запаху. Дверь отлетела к стене, шумно оповестив о прибытии своих обитателей. Внутри царили обычные для этого места тепло и полумрак, что вполне устраивало обретшего зрение оборотня.

— Я хочу смотреть.

Его голос больше походил на рычание, но Эккарт полностью себя контролировал, не ощущая тяжелого давления собственного зверя под поверхностью кожи. Сняв темные очки, мужчина отложил их в сторону и мягко облокотился на собственноручно закрытую дверь. Фир томно посмотрела на него и пошла на середину комнаты, мягко покачивая бедрами. Красный вельветовый плащ с шорохом упал у стены. Глухо стукнув о мягкую поверхность ковра, рядом пристроились сапоги. Потом началось настоящее действо. Мягко вжикнула молния, раскрывая кофточку на две половинки. Оказавшийся под ней легкий топ не скрывал почти ничего — на женщине не было белья, и тонкая ткань четко обрисовывала все контуры возбужденного тела. Из красной шерсти вынырнули алебастрово-белые плечи, обтянутые тонкими бретельками майки. Фир подняла руки эффектно отбросив кофточку в сторону и растянула молнию на черных джинсах, запустив большие пальцы за ремень.

Не отрывая взгляда от любимой, Эккарт снял футболку. Его дыхание становилось тяжелее с каждой секундой. Даже не заметив, оборотень стащил с себя остатки одежды. Мужчина был похож на змею, замороженную дудочкой умелого факира. Та на кого он любовался смотрела за его реакцией поминутно облизывая губы, делая свои движения все

более томными и вальяжными. Отвернувшись к зашторенному окну, Фир сняла топ, оставшись в тонких легких трусиках. Тяжелое дыхание ее мужчины подсказало, что действовала она верно. Посмотрев через плечо, Ллариг поманила любимого пальцем — она не согласна была ждать еще дольше. Легко оттолкнувшись от полированной деревянной поверхности, оборотень пошел к ней. Медленно, будто подкрадываясь к давней желанной добыче.

Остановившись в нескольких сантиметрах, он поднял руки. Ладони скользнули по бархатистой белой коже снизу вверх, накрыв розоватые кончики возбужденных грудей, а доказательство его возбуждения жарко приникло к ее коже.

— Вот что я всегда хотел увидеть, — низким голосом проворчал Эккарт, — но это даже лучше, чем я мог представить.

— И все? — тихо рассмеялась женщина.

Она выгнулась в сильных руках своего любовника, опершись на него всем телом.

— Не совсем.

Жаркая дорожка поцелуев пробежалась по белоснежной шее, спускаясь к ключице, пока умелые пальцы ласкали возбужденные соски. Фир застонала, запустив пальцы в волосы оборотня, притягивая его еще ближе.

— У нас тут лишняя деталь, — его пальцы поддели легкое кружево трусиков.

— Да, — легко согласилась Шапка.

Она чуть расставила ноги, не мешая вервольфу делать то, что ему хочется.

— Это исправимо, — пророкотал он прямо ей на ухо.

Спускаясь вниз поцелуями, Эккарт полностью обнажил ее тело. Глаза вера мерцали в полутьме, но зверь не рвался наружу — то ли чувствовал собственное потомство, которому ни в коем случае нельзя было навредить, то ли просто пришел в такую гармонию со своим носителем, что превращение стало уже необязательным. Сейчас, коленопреклоненным, он чувствовал, что все было верно и правильно. Идеально. Фир обернулась к нему с улыбкой, сияющей на лице. Ее затуманенный страстью взгляд пробежался по телу любовника, а с губ сорвалось довольное мурлыканье, перешедшее в удивленное восклицание. Оборотень вопросительно изогнул бровь. Шапка протянула руку, легонько дотронувшись до мужской груди. Там, переливаясь плотным кровавым маревом, темнели руны, обозначающие ее имя...

Эпилог

Свет заливал всю комнату, заставляя Шапку довольно щуриться. Комфортно устроившись в центре огромной кровати, женщина нежилась в солнечных лучах всем телом. Она не отважилась выйти на улицу, чтобы насладиться последним летним теплом — хотя сидхе не могли подхватить обычную человеческую простуду, Эккарт бы просто сошел с ума от беспокойства. Ох уж это его новое маниакальное стремление контролировать каждый ее шаг, чтобы оградить от мнимых или не очень опасностей... Опершись о дверной косяк, оборотень с обожанием смотрел на свою женщину. Его влажные после ванной волосы вились кольцами, теперь спускаясь чуть ниже плеч. Полусидхе помнил, как Даннан радовалась внешней красоте своих детей. Это была собственная благодарность Эккарта за бесценный дар, как нечто, подтверждавшее давнее соглашение с Богиней.

Он по-прежнему носил темные очки, но теперь уже по другой причине — зрение вервольфа так и осталось слишком интенсивным, отзываясь болью в висках на любой яркий свет. Как ни странно, вервольфу это совершенно не мешало, тем более что ночью он теперь

видел гораздо лучше. Один из врачей-веров со специализацией в офтальмологии разработал для него новый тип оправы, почти не пропускающий свет, что существенно повысило комфорт в течение светового дня. Так что теперь Эккарта все устраивало.

— Может быть, ты, наконец, присоединишься? — в ее голосе слышалась усмешка, — у меня тут как раз осталось место...

Оттолкнувшись от косяка, мужчина подошел к постели и присел рядом на корточки. Фир потянулась к нему всем телом, инстинктивно, как делала столетия, и любимый ее не разочаровал. Он придвинулся чуть ближе, нежно поцеловав женщину в губы, и потерся носом о ее щеку.

— Ты пахнешь счастьем, — довольно заметил вервольф.

— А чем пахнет счастье? — рассмеялась Ллариг.

— Тобой, — шепнул ее любимый, — и если бы мне не нужно было сопровождать Ану в аэропорт за дочкой Ноэля, то...

— Ну, ты определенно лучший вариант, — длинные пальцы Фир запутались во влажных волосах оборотня. Женщина смотрела на него с безграничной любовью. — Вадиму нужно учиться вести себя в обществе фейри, а ты замечательный пример для подражания. Да и Оллин спокойнее, когда воин рядом. По крайней мере, она не вздрагивает от любой тени.

Они немного помолчали, наслаждаясь обществом и прикосновениями друг друга. Солнечный луч упал в волосы Ллариг, превратив их в алый пожар. Оборотень закрыл глаза, почти ослепленный яркими бликами.

— У Беленуса какие-то проблемы с клубом, — Эккарт придвинулся ближе, вдыхая запах любимой, — он и Аили пытаются все решить, но пока не очень успешно.

— А мальчики? — От солнечного света отраженного стеклами темных очков ее зрачки превратились в маленькие черные точки, окруженные озерцами радужки.

— Как я понял из путаных объяснений Макккона, они пытаются подтолкнуть Дарена сюда, — не меняя позы, мужчина погладил любимую по волосам, — хотя Конхенн говорит, что Мак сам не в порядке. Плохо спит, нарываясь на неприятности. Я предпочел бы, чтобы мальчики были поближе.

— Я бы тоже этого хотела, — вздохнула она, — но ты же знаешь Жреца.

— Знаю. — Эккарт поцеловал женщину в кончик носа, — поэтому уверен, что он приедет. Это только вопрос времени.

— Кстати, о времени, — улыбнулась Шапка, — постарайся вернуться быстрее.

— Я не стану задерживаться дольше, чем это необходимо, — кивнул он, — максимум несколько часов и мы будем дома. Надеюсь, к тому моменту ты будешь готова ехать в город.

— Постараюсь, — рассмеялась Фир.

Мужчина кивнул и встал, начав собираться. Она с наслаждением смотрела на тугие переплетения мышц, перекатывающихся под кожей. На гибкое тело любимого, плавными, но четкими движениями передвигавшегося по комнате. На сильные руки, держащие полотенце, с помощью которого он сушил волосы. Ллариг была вполне согласна с тем, как все сложилось.

Потянувшись мягко и плавно, как большая кошка, Фир перевернулась на маленький, но уже округлый живот, устроившись как можно удобнее. Каким бы острым нюхом не обладал ее любимый, он так и не смог определить пол их будущего малыша. Хотя был точно уверен, что ребенок будет один. Впрочем, Ллариг совершенно не сомневалась, любить будут одинаково и мальчика, и девочку, кто бы ни родился. Ее былые страхи не ушли полностью,

но сильно сдали, растворившись в обожании к еще не рожденному существу.

— Будь осторожен, Ansa, — голос женщины был предельно довольным, — сохрани свою жизнь для меня.

— Только если ты ответишь мне тем же... — улыбнулся Эккарт, — сохрани свою жизнь для меня, Geliebte.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

[1] Кромм Круах, Кромм Кровавый, в ирландской мифологии божество. По преданию почитался в форме золотого идола, вокруг которого располагались двенадцать меньшего размера. Ему приносились жертвы в виде первых плодов урожая и, по одной из версий мифа, первенцы от каждого семейства. В позднем фольклоре фигурирует под именем Кромм Дуб (Кромм Черный).

[2] Любимая (нем.)

[3] Любимый (ирл.)

[4] Сыновья Миля или гойделы — в пятое и последнее из племен, правивших. Сыновья Миля высадились на берегу и дали сражение туатам при (в), в котором погибли три короля и королевы Ирландии. Оставшийся народ туатов под предводительством скрылся под покровом невидимости в потустороннем мире от захватчиков, но Ирландию Племена богини Дану так и не покинули.

[5] Фоморы — существа, представляющие в, темные силы, с которыми постоянно приходилось сражаться мифическим жителям. Считают, что слово фоморы означает «подводные»; в любом случае фоморы всегда тесно связывались с морем: их короли всегда жили где-то за морем, недоступная башня Конанда, одного из царей фоморов, находится на «стеклянном острове посреди океана» (). Но вообще, фоморы были обитателями потустороннего мира Ирландии, являющегося как бы обратной стороной ирландской земли. Позднее место фоморов в Ирландской мифологии займут, которые, проиграв в битве, уйдут в потусторонний мир, подчинив себе фоморов.

[6] Сиды — Сидхе, Тауты, Племена богини Дану — четвертое из племен, правивших. Представителей этого племени Туан Мак Кайрилл назвал кельтскими «», однако назвать их богами можно только с натяжкой, несмотря на то, что видели в них «самых красивых, самых изысканных в одежде и вооружении, самых искусных в игре на музыкальных инструментах, самых одаренных умом из всех, кто когда-либо приходил в Ирландию». «Книга Арма» (в.) низводит это племя лишь до *dei terreni*, то есть сил земли, ведающих плодородием и водой, обитающих в холмах реках и озерах. В таком понимании они именуются и сравниваются с (феями) или.

[7] Тролли народных поверий — злобные и глупые, живущие в горных пещерах и ветхих хижинах. Прячутся от солнечного света. Уродливы и прожорливы. Обладают силой, которая во много раз превосходит силу простых смертных. Если задать троллю загадку, то он будет обязан разгадать ее.

[8] От гаэльск. *ailleacht* — "прекрасный, красивый" либо от слова со значением "эльф".

[9] Большая синекрылая бабочка из Ю. Америки.

[10] Место обитания сидхе, фейри.

[11] Тут — то же, что и фейки, феи-крошки.

[12] Брауни — вроде, но живут не в домах и не во дворах людей, а сами по себе, где-

нибудь поблизости от людского жилья. Человечки эти бурого цвета (отсюда и их название) брауни, браун. Днем они не появляются, а по ночам люди иногда видели, как брауни бесшумно, словно безобразная тень, крадется от дерева к дереву, стараясь, чтобы его не заметили. Но они никогда никому не вредят. Ведь все брауни, если их не обижают, не только не вредят людям, но даже всячески стараются помочь тем, кто нуждается в помощи. Живут брауни в норах. Чтобы брауни помог, его надо позвать на ужин, для этого за порог выставляют чашку молока, и лучше налить самое густое, жирное молоко да еще добавить к нему ложку сливок. "Это был крошечный волосатый уродец с длинной бородой, красными веками, широкими плоскими ступнями — точь-в-точь жабы лапы — и длинными-предлинными руками, доходившими до земли, даже если он стоял прямо."

[13] Красные шапки, красные колпаки — В северной Ирландии их также называют Фир Ллариг (Fir Llarig). В английском фольклоре едва ли не самые злобные из. Они живут в развалинах древних башен и крепостей вдоль шотландской границы, на которой бушевали когда-то жестокие битвы. Чем кровопролитнее было сражение, тем сильнее радовались гоблины — ведь они красят свои шапки человеческой кровью. У Красных Шапок длинные, торчащие изо рта клыки, костлявые пальцы, которые заканчиваются когтями, огромные налитые кровью глаза. Спутанные грязные волосы, ниспадающие на плечи; они носят железные башмаки, а в руках обычно держат посохи. Силой с Красной Шапкой не совладать, его можно отогнать только крестом или распятием. Если показать ему крест, он издаст жуткий вопль, исполненный разочарования, и исчезнет, оставив на земле один из своих клыков. По другим источникам они каннибалы и едят и людей.

Пугаться не стоит. Фир получила имя по линии отца. На самом деле она очень симпатичная.

[14] Дини ши — В ирландском фольклоре существа, которые, по преданиям когда-то были богами, потом стали витязями, которые ни в одной битве не потерпели поражения, а под конец превратились в фейри. Дини ши — типичные героические: они ведут образ жизни средневековых рыцарей, проводят время в пирях и сражениях.

[15] Супер — тот, кто обладает паранормальными способностями. От английского — Supernatural.

[16] Зеленый Человек — божество природы.

[17] Гламор — магия внешнего контроля. Позволяет фейри принимать любое внешнее обличье при достаточной степени владения навыком. Самыми лучшими обладателями гламора считаются пикси.

[18] Гемофилия — неизлечимое генетическое заболевание, связанное с несвертываемостью крови; при этом заболевании резко возрастает опасность гибели от массивной потери крови при незначительной ране либо гематоме.

[19] Гномы — земли и гор. В мифологии народов Европы маленькие, человекоподобные существа, обитающие под землей, в горах или в лесу. Ростом они с ребенка, но наделены сверхъестественной силой, носят длинные бороды и живут гораздо дольше, чем люди. Гномы чрезвычайно обидчивы, вздорны и капризны. В недрах земли гномы хранят сокровища — драгоценные камни и металлы; они искусные ремесленники, могут выковывать волшебные кольца, мечи, кольчуги и другие волшебные предметы.

[20] От гаэльск. *tóla* — "изобилие"

[21] Тушэ (фр. *touché* — затронутый, задетый) — 1) в борьбе — прикосновение борца

лопатками к коврику 2) В фехтовании — укол (), нанесенный в соответствии с правилами.

[22] Имболк (Imbolc) — один из четырех основных праздников календаря, отмечаемого среди народов и некоторых других культур в начале февраля или при первых признаках весны. Обычно он празднуется 2 февраля, так как это день переходной четверти на, на полпути между зимним солнцестоянием и весенним равноденствием.

[23] 15 марта Праздник богини Кибелы (предвестие весны).

[24] Галахад — Короля Артура и один из искателей. В легендах, где он фигурирует, часто подчеркивается его непорочность и покровительство ему высших сил и судьбы, а сам Галахад считается «святым рыцарем».

[25] Гамадрíл, или плащеносный павиан (Papio hamadryas) — обезьяна рода, подотряда.

[26] В мифологии ирландских кельтов после поражения от Сынов Мил Эспэйна каждому божеству племени богини Дану (Туатха Де Данаан) было отведено особое владение в потустороннем (точнее говоря, подземном) мире. Такое владение называлось сидх, что означает курган или холм. Впоследствии это слово стало употребляться в качестве названия обители бога. Каждый бог считался Фер Сидхе, то есть «Муж холма», а каждая богиня — Бин Сидхе, то есть «Женщина холма». Аэс Сидхе, «Люди холма», стало общим названием богов, сокращенно — сидхе (сидхи, сиды).

[27] Парусник Румянцева (Papilio rumanzovia) — дневная бабочка из рода. Бабочка была описана российским натуралистом и названа им в честь графа, организовавшего экспедицию, в ходе которой бабочка была открыта.

[28] 26 июня 1284 года "гаммельнский крысолов" увел всех детей из города после того, как городские власти отказались заплатить ему за спасение города от крыс. Улица в городе Гаммельне, по которой крысолов увел 130 детей, до сих пор называется Беззвучной в память об том, что на ней не звучит больше музыка.

[29] Атам (или атаме) — магический нож, атрибут средневековых оккультных традиций Европы. Это обоюдоострый нож с плоской гранью с одной стороны и ребром с другой (трехгранный), в классическом варианте с черной рукоятью (в действительности рукоять могут делать из любого дерева, кости, рога, серебра, золота). На лезвии иногда гравированы руны и магические символы. Основные функции атама — управление энергией, ее накопление; начертание магических и священных кругов, внутри которых ведьмы или маги проводят ритуалы. С помощью атама благословляют, очищают вино и пищу, заклинают и контролируют демонов, другие сущности внутри круга.

[30] Ллир, или Лер был богом моря клана богов, но нам известно о нем очень немного, особенно по сравнению с его знаменитым сыном, Мананнаном, величайшим и самым прославленным из его многочисленного потомства.

[31] Манавидан, Мананнан (ирландское) — в кельтской мифологии божество, связанное (как и его отец Лер) с морской стихией; владыка потустороннего мира на острове блаженных, посещение которого традиция приписывала Брану и Кухулину. Мананнан часто описывался как всадник, скачущий по морю или едущий по нему на колеснице. Владения Мананнана связывались с островом Мэн (ирландское man, mann, отсюда его имя); валлийское название острова manaw, отсюда — независимо от ирландской традиции — Манавидан сын Ллира. Стоявший особняком в архаическое время, в более поздних источниках Мананнан был причислен к Племенам богини Дану. После поражения Племен богини Дану от Сыновей Миля и ухода их в чудесные холмы — сиды, Мананнан даровал племенам три чуда: чары, благодаря которым они были невидимы («облик дикого зверя»);

пир Гоибниу, делавший их вечно молодыми, и свиней Мананнана, которые не переводились, сколько бы их ни ели. Почитание Мананнана в форме Маннан сохранялось на острове Мэн до 19 века.

[32] Бúка — персонаж, которым пугали непослушных детей. Букой раньше часто устрашали («не ходи, бука съест»), остерегая их от неприятностей, например, чтобы они не выходили ночью из дома. Народная, олицетворяя буку, изображает его с огромным открытым ртом и длинным языком, которым хватает детей и, бросив в глотку, пожирает их. Бука, по поверью, ходит только, около дворов и домов, и уносит попадающихся ему детей, что и делает русскую буку похожей на римскую ламию.

[33] Для изготовления головоломок обычно применяется проволока средней жесткости толщиной 1,5–2 мм. Решением этих головоломок является разделение нескольких их составляющих. При этом, разумеется, сама головоломка не должна пострадать (как Гордиев узел). То есть не разрешается разгибать и ломать проволоку, разрезать шнуры. Подобные головоломки часто очень просты и легки в изготовлении. Однако это вовсе не означает, что их так же легко решить. Среди огромного количества разновидностей этих головоломок встречаются как совсем простые, так и чрезвычайно сложные, решение которых совсем не очевидно.

[34] Grinders — английская фирма по производству обуви уличной моды. Отличительной чертой «тяжелой» линии гриндеров является металлическая вставка в носке ботинка, на манер спецодежды в машинопроизводстве, на стройке и литейном производстве. Они популярны в нескольких: и, в одежде которых тоже преобладает тяжелая обувь, носят гриндерсы.

[35] Кевларовое волокно используется в качестве армирующего компонента в, придающего изделиям из них стойкость по отношению к абразивным и режущим воздействиям, из таких тканей изготавливаются, в частности, защитные перчатки и защитные вставки в спортивную одежду (для, и т. п.).

[36] Обсидиан — однородное, прошедшее через быстрое охлаждение расплавленных горных пород. Благодаря способности порошка обсидиана в сочетании с затвердевать под водой, применяется как гидравлическая добавка для. Он используется также как добавка к извести, как сырье для изготовления темного стекла и в качестве термоизоляции. Обсидиан сыграл большую роль в истории: из него изготавливали, оружие и украшения. Согласно различным поверьям, обсидиан, наряду с, способен наносить незаживающие раны.

[37] Джарра (арабское: جراح) — прямой перевод этого слова «резчик» или «мучитель», однако обычно переводится с арабского как «хирург»

[38] Еще до того, как Раскол разделил подменышей на порождения Волшебства и Банальности, дети Грезы обладали двойственной природой. Вся жизнь фэйри, как на индивидуальном, так и на общественном уровне, была пронизана нитями Благого и Неблагого, оживляющего Грезу своими противоборствующими контрастами света и тени, порядка и хаоса, закона и свободы. Хотя полная классификация различий между Благим и Неблагим Дворами является практически невозможной, можно назвать несколько повсеместных различий, которые позволяют отличить один Двор от другого. Благие ассоциируются со светом, дневными часами и летними днями; Неблагие принадлежат тьме, зимним временам и ночи. Благый Двор представляет старые традиции и славится своим законопослушным поведением; Неблагый Двор известен своей любовью к нарушению старых традиций, созданию новых и содействию постоянным изменениям. Тем не менее, даже эти

различия не всегда позволяют отличить Благого фэйри от Неблагого. Иногда Благой подменыш способствует активным изменениям, тогда как старый Неблагой рыцарь занимает консервативную позицию. Одно можно сказать с точностью — два этих Двора существуют и пребывают в состоянии вечной вражды. Вместе они воплощают все доброе и злое, светлое и темное, статичное и динамичное, что только есть в обществе подменышей.

[39] *Canis Lupus* — волк обыкновенный.

[40] *Dr.Martens* (*Docs*; *Doc Martens*) — обувная серия фирмы *AirWair Ltd.* Со времени появления на рынке достигла интернационального культового статуса.

[41] Эпицион был 2 метра в длину. Род *Epiсyon* включал в себя самых крупных представителей семейства псовых известных науке. *Epiсyon* — один из многочисленных родов подсемейства *Borophaginae*, появившееся приблизительно 34 миллиона лет назад и вымершее около 2,5 миллионов лет назад. Представителей этого подсемейства называют "костедробящими" собаками, так как все члены этого подсемейства отличались очень мощными челюстями. Не все борофаги имели крупные размеры: среди них встречались довольно некрупные животные. Вероятно, некоторые из них были не особо активными охотниками и предпочитали питаться падалью. Представители рода *Epiсyon* обитали в Северной Америке в миоценовую эпоху и, как уже говорилось выше, являлись самыми крупными из борофагов, да и вообще из всех псовых. Самым же крупным из эпиционов был *Epiсyon haydeni*, живший в позднем миоцене (примерно 11–7 миллионов лет назад) в Северной Америке. Этот гигантский пес достигал размеров современного льва и был, очевидно, страшным хищником, учитывая силу его челюстей и высокий интеллект, свойственный всему семейству псовых. Но возможно, что эпиционы так или иначе поедали также падаль, как и практически все остальные представители семейства псовых.

[42] Любимый, мой самый лучший (ирл).

[43] *Inachis io* *Linnaeus*, 1758 = *Vanessa io*. Дневной павлиний глаз.

[44] Женская форма от — огонек.